

ВЕСТНИК МГПУ.

СЕРИЯ «ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ».

**MCU JOURNAL
OF LEGAL SCIENCES**

№ 3 (59)

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ / SCIENTIFIC JOURNAL

**Издается с 2008 года
Выходит 4 раза в год**

**Published since 2008
Quarterly**

**Москва
2025**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Реморенко И. М. председатель	ректор ГАОУ ВО МГПУ, доктор педагогических наук, доцент, почетный работник общего образования Российской Федерации, член-корреспондент РАО
Геворкян Е. Н. заместитель председателя	первый проректор ГАОУ ВО МГПУ, доктор экономических наук, профессор, академик РАО
Агранат Д. Л. заместитель председателя	проректор по учебной работе ГАОУ ВО МГПУ, доктор социологических наук, доцент

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Пашенцев Д. А. главный редактор	доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ (МГПУ)
Северухин В. А. зам. главного редактора	кандидат юридических наук, профессор, заслуженный юрист РСФСР (МГПУ)
Беляева О. А.	доктор юридических наук, профессор РАН (ИЗиСП)
Борисова Н. Е.	доктор юридических наук, профессор (МГПУ)
Диноршоев А. М.	доктор юридических наук, профессор (Таджикский национальный университет)
Дорская А. А.	доктор юридических наук, профессор (РГПУ им. А. И. Герцена)
Ефимова О. В.	кандидат юридических наук, доцент (МГПУ)
Иларио Претелли	доктор права (Швейцарский институт сравнительного права)
Мартыненко И. Э.	доктор юридических наук, профессор (Гродненский государственный университет им. Я. Купалы)
Мкртумян А. Ю.	доктор юридических наук, заслуженный юрист Республики Армения (Кассационный суд Республики Армения)
Ростокинский А. В.	доктор юридических наук, профессор (МГПУ)
Рыбаков О. Ю.	доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор (МГЮУ им. О. Е. Кутафина)
Сауляк О. П.	доктор юридических наук, профессор (МГПУ)
Серова О. А.	доктор юридических наук, профессор (Псковский государственный университет)
Смирнов Л. Б.	доктор юридических наук, профессор (РГПУ им. А. И. Герцена)
Черногор Н. Н.	доктор юридических наук, профессор РАН (ИЗиСП)
Честнов И. Л.	доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ (СПбЮИ(ф)АГП)
Чурилов С. Н.	доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ (МГПУ)
Шевелева С. В.	доктор юридических наук, профессор (ЮЗГУ)
Андреянова Н. Н. ответственный редактор	кандидат юридических наук (МГПУ)

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

ISSN 2076-9113

© ГАОУ ВО МГПУ, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Государство и право: теоретические и исторические аспекты

<i>Лановая Г. М.</i> Легализация прав животных: pro et contra	7
<i>Метишин И. Р.</i> Социальные аспекты укрепления государственного единства Российской империи в XIX веке.....	18
<i>Почекаев Р. Ю.</i> Государство и право Улуса Джучи (Золотой Орды и ее наследников) в юридических исследованиях: тенденции и перспективы.....	27

Публичное право

<i>Абаканова В. А.</i> Современное развитие криминалистики: цифровое измерение	40
<i>Горохов Д. Б., Степанов М. М.</i> Общественные инициативы по обращению с животными без владельцев с позиций правовой доктрины	52
<i>Исмаилов Р. Р.</i> Действие решений органов конституционного контроля по кругу лиц: <i>inter partes</i> или <i>erga omnes</i>	62
<i>Матчанова З. Ш.</i> Регулярный и инициативный контроль МОТ как основные элементы системы международного контроля в сфере труда.....	78

Частное право

<i>Ефимова О. В.</i> Некоторые гражданско-правовые аспекты ипотеки на примере залога жилого помещения	86
---	----

Трибуна молодых ученых

<i>Полтавец Е. М.</i> Добросовестность и злоупотребление субъективным правом: соотношение правовых категорий.....	94
---	----

Научная жизнь

<i>Михайлова Н. В.</i> Обзор IV Всероссийского форума историков права «Историческое просвещение и юридическое образование в фокусе историко-правовой науки»	102
---	-----

Критика. Рецензии. Библиография

<i>Певцова Е. А.</i> Рецензия на книгу: Пашенцев Д. А. Образовательное право. М.: ИНФРА-М, 2025. 185 с.	109
--	-----

Юбилей

<i>Ильина Т. Н.</i> Что значит «остаться в истории»: к 80-летию юбилею выдающегося ученого-правоведа Игоря Андреевича Исаева.....	114
---	-----

Авторы «Вестника МГПУ. Серия «Юридические науки», 2025, № 3 (59).....	118
--	-----

Требования к оформлению статей.....	121
-------------------------------------	-----

CONTENTS

State and Law: Theoretical and Historical Aspects

<i>Lanovaya G. M.</i> Legalizing animal rights: pro et contra	7
<i>Metshin I. R.</i> Social aspects of strengthening the state unity of the Russian empire in the nineteenth century	18
<i>Pochekaev R. Yu.</i> State and law of the Jochi Ulus (Golden Horde and its heirs) in legal research: trends and prospects	27

Public Law

<i>Abakanova V. A.</i> Modern development of criminology: digital dimension	40
<i>Gorokhov D. B., Stepanov M. M.</i> Public initiatives on the treatment of animals without owners from the standpoint of legal doctrine	52
<i>Ismailov R. R.</i> The effect of decisions of constitutional review bodies on persons: <i>inter partes</i> or <i>erga omnes</i>	62
<i>Matchanova Z. Sh.</i> Regular and proactive ilo monitoring as the main elements of the international labour control system	78

Private Law

<i>Efimova O. V.</i> Some civil law aspects mortgages on the example of residential collateral	86
---	----

Tribune of Young Scientists

<i>Poltavets E. M.</i> Good faith and abuse of subjective law: correlation of legal categories	94
---	----

Scientific Life

- Mikhailova N. V.* Review of the IV All-Russian Forum of Legal Historians «Historical enlightenment and legal education in the focus of historical and legal science»102

Criticism. Reviews. Bibliography

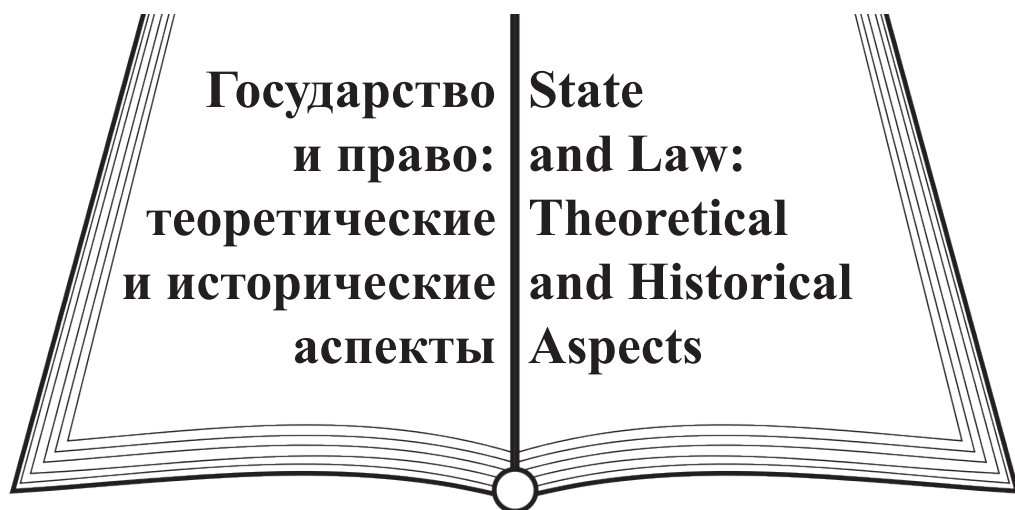
- Pevtcova E. A.* Book review: Pashentsev D. A. Educational Law. Moscow: INFRA-M, 2025. 185 p.109

Anniversary

- Ilyina T. N.* Whats does it mean «to remain in history»: on the 80th anniversary of the outstanding legal scientist Igor Andreevich Isaev114

**Authors of the MCU Journal of Legal Sciences,
2025, № 3 (59)**

- Requirements for Style Articles121

Государство и право: теоретические и исторические аспекты

State and Law: Theoretical and Historical Aspects

УДК 340.13

DOI: 10.24412/2076-9113-2025-359-7-17

Г. М. Лановая

Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя,
Москва, Российская Федерация,
lanovaya-galina@mail.ru

ЛЕГАЛИЗАЦИЯ ПРАВ ЖИВОТНЫХ: PRO ET CONTRA

Аннотация. Статья посвящена вопросу о целесообразности и необходимости в современных условиях юридического признания прав животных, подобных тем, которые принято считать естественными правами человека. Исследуя проблему, автор предлагает сосредотачивать внимание на аргументах правового, а не этического-философского характера, несмотря на то что для современных исследований типичным является апеллирование ко вторым.

С учетом того, что право для человека и общества имеет инструментальную ценность, важным представляется вопрос о том, способна ли легализация прав животных обеспечить решение проблем, актуальных для современного общества. Проведенный анализ позволяет утверждать, что на поставленный вопрос нельзя дать положительный ответ. В действительности легализация прав животных может иметь серьезные последствия, негативные в социальном плане и разрушительные для самого права.

Ключевые слова: права животных; правосубъектность животных; легализация прав животных; защита животных; экологический гуманизм; экологическое благополучие.

© Лановая Г. М., 2025

UDC 340.13

DOI: 10.24412/2076-9113-2025-359-7-17

G. M. Lanovaya

Kikot Moscow University of the Interior of Russia,
Moscow, Russian Federation,
lanovaya-galina@mail.ru

LEGALIZING ANIMAL RIGHTS: PRO ET CONTRA

Abstract. The article is devoted to the question of the expediency and necessity in modern conditions of the legal recognition of animal rights, similar to those that are considered natural human rights. While investigating the problem, the author suggests focusing on legal arguments rather than ethical and philosophical ones, despite the fact that it is typical for modern research to appeal to the latter.

Given that law has an instrumental value for humans and society, it is important to consider whether the legalization of animal rights can provide solutions to problems relevant to modern society. The analysis suggests that the question cannot be answered positively. In fact, the legalization of animal rights can have serious consequences, socially negative and destructive for the law itself.

Keywords: animal rights; legal personality of animals; legalization of animal rights; animal protection; ecological humanism; ecological well-being.

Введение

Последние десятилетия XX века ознаменованы тем, что идеология классического гуманизма, провозглашающая человека высшей ценностью и мерой всех вещей, утрачивает свои лидирующие позиции. В этих условиях и для научного, и для обыденного мышления актуализируется вопрос о том, кто есть человек и каково его место в мире.

Предлагаемые решения поражают своим разнообразием. При этом в какофонии мнений отчетливо выделяются голоса сторонников экологического гуманизма, призывающих отказаться от противопоставления человека природе, от признания человека существом, обладающим высшей ценностью и особенными, в сравнении с другими живыми существами, привилегиями [1–5].

Одновременно с вопросом о том, кто есть человек и каково его место в мире, актуализируется проблема поиска критериев человеческого в человеке. И если в условиях господства идеологии классического гуманизма такими критериями безусловно признаются человеколюбие, милосердие и толерантность, то в идейно-ценностной парадигме экологического гуманизма человеческое в человеке связывается с его способностью проявлять эмпатию и сострадание не только к другим людям, но и к другим живым существам [1, с. 147–148; 6, с. 116–117; 7, с. 13–15].

Право не может оставаться индифферентным к тем изменениям, которые происходят в общественном сознании. В этой связи вполне закономерно, что в условиях популяризации идеи о смещении человека с «позиции» высшей ценности и лишения его гордого звания «меры всех вещей» как среди ученых, так и среди юристов-практиков возникают дискуссии о необходимости и целесообразности признания правосубъектности, по крайней мере некоторых других живых существ, а также о юридическом закреплении факта существования у них прав, подобных тем, которые признаются естественными правами человека.

Разобраться в доводах, которые приводят сторонники легализации прав животных, принципиально важно, и не только потому, что потребность в формировании взвешенной научной позиции по обозначенной проблеме давно назрела. В современных условиях значимость их изучения и оценки существенно возрастает в связи с тем, что апеллирование к ним в ряде случаев становится частью системы аргументации, приводимой как сторонниками, так и противниками признания правосубъектности искусственного интеллекта [8, с. 38–40; 9, с. 16]. Таким образом, можно утверждать, что решение вопроса о правах животных способно оказать ощутимое влияние на разрешение проблемы правосубъектности роботов, приобретающей остроту в условиях цифровизации и технократизации общественной жизни.

Степень научной разработанности темы

Актуальность вопроса о том, является ли легализация прав животных необходимой и целесообразной, обуславливает обращение к нему ученых практически по всему миру. Работы зарубежных исследователей [10–13] интересны прежде всего тем, что предлагают глубокий анализ существующей правотворческой и правоприменительной (в том числе судебной) практики. Российские ученые-юристы предпринимают попытки теоретического осмысления тех дискуссий, которые ведутся зарубежными специалистами, и стремятся выработать на основе проведенного анализа предложения и рекомендации, реализация которых могла бы способствовать совершенствованию российского законодательства о защите прав животных [14–16].

Методы исследования

В исследовании автор применяет междисциплинарный подход, востребованность которого определяется, во-первых, сложным характером исследуемой проблемы и, во-вторых, апеллированием сторонников и противников легализации прав животных к аргументам, выходящим за рамки правового поля.

Изучая вопрос о необходимости и целесообразности легализации прав животных, автор использует компоненты формально-юридической, социологической, антропологической, диалектической, системной методологии. В ходе проведения исследования применялись как общенаучные, так и частнонаучные методы, выработанные теорией государства и права.

Основное исследование

Сторонники легализации прав животных для обоснования своих суждений приводят множество разнообразных аргументов, имеющих чаще всего этико-философский смысл. Для современных исследований типичны рассуждения о ценности жизни как таковой, вне зависимости от того, о ком идет речь; о возможности проведения параллелей между эмоциями и поведением людей и животных; о способности живых существ испытывать боль; о том, что если права предоставляются людям с очень ограниченными когнитивными способностями, то принцип формального равенства требует, чтобы они были предоставлены и животным, обладающим развитыми когнитивными способностями (человекообразным обезьянам, китам, дельфинам, собакам, кошкам, свиньям, тюленям, медведям и некоторым другим); о том, что в современном мире у человека часто формируются более прочные эмоциональные привязанности к животным, чем к другим людям [10, с. 470–472; 11, с. 9–17, 94–101; 14, с. 104–105; 15, с. 34–39; 17, с. 5–13].

Не вступая в полемику об уместности этико-философской аргументации при обосновании решений различных юридических проблем, важно тем не менее учитывать два обстоятельства.

Во-первых, право имеет инструментальную ценность и поэтому принципиально значимым для формирования взвешенной научной позиции по проблеме легализации прав животных является ответ на вопрос, может ли легализация способствовать решению конкретных задач, приобретающих актуальность в современных реалиях.

Во-вторых, право является инструментально ценным именно для человека и человеческого общества. Уместным будет вспомнить меткие наблюдения Э. Фромма: «Человек — единственное живое существо, которое ощущает собственное бытие как проблему, которую он должен разрешить и от которой он не может избавиться» [18, с. 445]. Человек «утратил свою первоначальную родину — природу. Он никогда уже не сможет туда вернуться... У него теперь только один путь: покинуть свою естественную родину и искать новую, которую он сам себе создаст...» [18, с. 445–446]. Право конструируется человеком как часть той его «новой родины», которую принято называть культурой, и субъективное право предстает в данном контексте культурным артефактом, инструментально пригодным для решения проблем бытия, волнующих человека. Животное, даже обладая высокими когнитивными способностями,

чувствуя боль и испытывая эмоции, просто живет. Оставаясь частью природы, оно не нуждается в праве и в его артефактах как в средствах решения насущных проблем, довольствуется возможностями, «предоставленными» природой.

Таким образом, легализация прав животных не может восприниматься в качестве способа наделить животных новыми, более совершенными инструментами удовлетворения существующих у них потребностей и должна рассматриваться именно через призму способности обеспечить решение проблем, волнующих современного человека и современное общество.

Напрямую исследователи крайне редко апеллируют к тому, что легализация прав животных способна стать средством решения тех или иных актуальных сегодня вопросов [11, с. 15; 13, с. 135–136]. Вместе с тем из того контекста, в котором говорят о легализации, становится ясно, что подсознательно с ней связывается возможность разрешения четырех проблем.

1. В условиях дефицита гуманизма вполне предсказуемо возникает надежда на то, что легализация прав животных может способствовать гуманизации общественной жизни. Означая проявление эмпатии и сострадания не только к людям, но и к другим живым существам, она, как предполагается, может поспособствовать тому, чтобы современный человек стал более совершенным в нравственном плане.

К сожалению, обнаружить причинно-следственную связь между той юридикацией отношений, которую подразумевает легализация прав животных, и усилением способности человека к эмпатии и состраданию, крайне затруднительно.

Наделение животных субъективными правами — акт, который предполагает трансформацию существующих между людьми и животными связей в правовые по своей форме отношения. Такая трансформация всегда привносит в ту коммуникацию, которую она затрагивает, формальность и принудительность, переводит ее в плоскость, в которой базовыми аргументами при выстраивании взаимоотношений выступают законность, разумность, целесообразность, а отнюдь не человечность, чуткость, участливость, способность сопереживать. Чем более юридизированными становятся отношения, тем меньше в жизни человека в принципе остается места для эмпатии и сострадания.

Если же рассматривать легализацию прав животных в качестве способа закрепления в праве моделей поведения, воплощающих в себе нравственные ценности, и исходить из того, что такое закрепление, придавая названным моделям вес и значимость, может способствовать гуманизации общественной жизни и нравственному совершенствованию человека, то эту задачу можно решить, применяя иные (помимо легализации прав животных) правовые инструменты, в частности запрет на жестокое обращение с животными. Это признают и сами сторонники легализации прав животных: так, А. П. Анисимов прямо высказывает мнение, что «запрет мучить животных позволяет формировать более нравственно здоровое молодое поколение» [14, с. 108].

Проблема заключается в том, что в действительности связь между юридическим закреплением моральных норм о гуманном обращении с животными и нравственным совершенствованием человека и гуманизацией общественной жизни отсутствует в принципе. Об этом свидетельствует исторический опыт: в гитлеровской Германии действовали беспрецедентно строгие законы о защите животных (самые известные — «Закон о забое животных» (21 апреля 1933 г.) и «Закон о защите животных» (24 ноября 1933 г.)), однако одновременно это государство вошло в историю в качестве образца беспрецедентного антигуманизма — страна, первой запретившая вивисекцию, использовала бесчисленное множество невинных мужчин, женщин и детей в качестве материала для абажуров и мыла [12, с. 125].

2. С легализацией прав животных связывают возможность изменить отношение здоровых людей к людям с ограниченными когнитивными способностями.

Однако весьма убедительными представляются аргументы тех, кто полагает, что признание правосубъектности и наделение правами животных с высокими когнитивными способностями может непреднамеренно привести к постепенному ослаблению защиты прав и свобод человека. Если признать, что у животных есть права на том основании, что их когнитивные способности сопоставимы с когнитивными способностями, по крайней мере, некоторых людей, то со временем и суды, и общество могут поддаться искушению относиться не только к самым умным животным так, как мы сейчас относимся к людям, но и к наименее умным людям так, как мы сейчас относимся к животным [10, с. 501].

Кроме того, важно понимать, что, если правосубъектность и обладание правами начнут связываться со степенью развитости когнитивных способностей, это приведет к революционным изменениям самого понимания субъекта права. В частности, в данной ситуации может быть поставлена под сомнение возможность рассматривать в качестве субъектов права юридические лица, а в международном праве — народы и нации, поскольку ни те, ни другие когнитивными способностями не обладают.

3. Зоозащитникам представляется, что наделение животных правами может способствовать более эффективной борьбе с жестокими практиками (распространенными прежде всего в сельском хозяйстве) и противодействию жестокому обращению с животными.

Вместе с тем субъективное право — это не гарантия защищенности, а лишь юридически закрепленная возможность действовать определенным образом, реализация которой зависит от того субъекта, которому она предоставлена. Не только признание, но и осуществление субъективных прав требует проявления воли и настойчивости, и наделение такими возможностями того, кто априори не в состоянии самостоятельно их реализовать, может не только не поспособствовать борьбе с жестокими практиками в отношении животных, но и привести к появлению новых способов эти практики легализовать.

Например, нельзя исключить того, что вслед за легализацией прав животных будут найдены способы законного ограничения их прав сложится практика юридического оформления законным представителем животного отказа от субъективного права от лица животного и т. д.

Представляется, что не менее эффективным в борьбе против жестокого обращения с животными может быть более традиционное использование возможностей права, в частности конституционное закрепление положения о ценности животного мира и создание юридических механизмов, обеспечивающих его реализацию, возложение на органы государства обязанности осуществлять охрану животных. Примеры такого использования средств права весьма многочисленны и разнообразны.

Разумной видится мысль о том, что решительное соблюдение существующих запретов может принести большую пользу для обеспечения благополучия животных, чем легализация их прав [17, с. 5]. Вместе с тем важно понимать, что ни наделение животных правами, ни принятие других юридических мер, нацеленных на противодействие жестокому обращению с животными, не будут эффективными до тех пор, пока не изменится массовое сознание.

Когда в 1821 году английскому парламенту была представлена в качестве первой из мер, нацеленных на защиту животных, идея о запрете жестокого обращения с лошадьми, она вызвала смех у парламентариев, которые говорили, что «так дело вскорости дойдет до защиты собак, а того гляди и кошек» [19, с. 580]. В таких условиях никакими юридическими средствами обеспечить защиту животных было невозможно. Сегодня идея о необходимости юридической защиты животных от жестокого обращения смеха ни у кого не вызывает. Однако в массовом сознании пока не сложилось непримиримого отношения к тем практикам, за искоренение которых ратуют зоозащитники, и в этих условиях ни реализация уже существующих юридических мер, ни легализация прав животных, к сожалению, не могут быть эффективными инструментами борьбы с существующим положением дел.

4. С наделением животных правами связываются утверждение принципов экологического гуманизма и решение существующих экологических проблем.

Так же, как не обнаруживается причинно-следственная связь между легализацией прав животных и усилением способности человека к эмпатии и состраданию, сложно проследить ее между легализацией прав животных и формированием мировоззренческих предпосылок, необходимых для утверждения ценностей экологического гуманизма.

Кроме того, важно понимать, что, несмотря на наличие связи между повышением обеспокоенности людей относительно сохранения экологического благополучия планеты и активизацией борьбы за права животных, связь между последней и повышением эффективности усилий для обеспечения экологического благополучия планеты отсутствует. В реальности решению существующих экологических проблем в гораздо большей степени, чем легализация прав животных, может способствовать установление специальных правовых

режимов, обеспечивающих бережное природопользование и сохранение исчезающих видов.

Итак, легализация прав животных, к сожалению, не позволяет решить те актуальные для общества проблемы, в контексте обсуждения которых ставится вопрос о ее необходимости. Более того, рассуждения о ней — если рассматривать их в юридической плоскости — могут служить источником сомнений в ее безопасности.

Глубокий анализ проблемы позволяет обнаружить, что легализация прав животных таит в себе серьезные угрозы.

Во-первых, сегодня субъект, наделенный правами, одновременно воспринимается в качестве носителя воли, активности и ответственности. Существует опасность того, что если субъективные права начнут восприниматься в отрыве от правовых свойств их носителей, то «субъективное право» превратится в понятие настолько размытое, что перестанет что-либо значить. В данной ситуации высоковероятно обесценивание прав человека и утрата механизмов обеспечения их эффективности.

Во-вторых, один из основополагающих для права принципов — принцип формального равенства — предполагает, что всякий субъект, наделяемый правом, одновременно наделяется обязанностью признавать и соблюдать то же право в отношении других субъектов. Субъект, наделенный юридическими обязанностями, одновременно воспринимается как лицо, ответственное за свои действия.

Не вполне ясно, как принцип формального равенства может быть реализован в случае признания правосубъектности животных. По крайней мере, вопрос о возможном возложении на них обязанностей одновременно с предоставлением им прав никто не ставит, очевидно потому, что сама мысль об этом представляется абсурдной.

Российскому праву неизвестны категории субъектов, обладающих только правами, но не обладающих обязанностями и ответственностью. Ответственность — основа действия права. Следовательно, легализация прав животных может стать не только «концом прав человека» [15, с. 34], но и началом конца права.

В-третьих, популяризация идеи о возможности наделения животных правами без объективной возможности сделать их носителями юридических обязанностей способна привести к укоренению мысли о том, что существование прав в отрыве от обязанностей соответствует представлениям о человеке как носителе человеческого начала.

Обладание правами без обязанностей и ответственности может начать восприниматься как норма не только для животного, но и для человека. В этой ситуации может возникнуть феномен юридического иждивенчества, когда люди будут ожидать, что о реализации их прав позаботится кто-то другой, и не будут проявлять активность и настойчивость в их осуществлении и защите.

В-четвертых, в правосознании, в отличие от морального сознания, «конкурируют различные ценностные системы... наблюдается сосуществование противостоящих систем ценностей» [20, с. 3]. В этой связи придание правам животных посредством их легализации той же ценности, которая придается правам людей, создает условия дискриминации человека и «отмены» не только тех, кто настаивает на высшей ценности его прав, но и тех, кого можно заподозрить в нетолерантности к самой идее, что животные являются носителями прав в той же мере, что и человек.

Таким образом, вследствие легализации прав животных могут возникнуть те же эффекты, которые последовали за отменой расовой дискриминации в США, инверсией гендерной власти и юридическим признанием в ряде стран мира небинарных гендерных классификаций, прежде всего это позитивная дискриминация человека, обратная толерантность и доминирование идеологии виктимности.

Результаты исследования

Проведенный анализ свидетельствует о том, что легализация прав животных вряд ли может стать подходящим средством решения тех актуальных для общества проблем, возможность разрешения которых с ней связывают.

Перспективы такой легализации неоднозначны, она может иметь серьезные последствия, причем не только негативные в социальном плане, но и разрушительные для права. При этом тех же результатов, которых ожидают от легализации прав животных, гипотетически можно достичь за счет использования других возможностей, заключенных в праве, и их применение не связано со столь высокими рисками.

Недостаточная эффективность названных средств связана с тем, что изначально проблемы гуманистического и гуманитарного характера решать при помощи права невозможно. При их разрешении правовой инструментарий может играть лишь вспомогательную роль.

Список источников

1. Брайдотти Р. Постчеловек / пер. с англ. Д. Хамис. М.: Изд-во Института Гайдара, 2021. 408 с.
2. Бёркс Х. Дж. Динамическая целостность. Прагматическая ценность третьего тысячелетия // Здравый смысл. 2003. № 1 (26). С. 14–20.
3. Возможность невозможного: планетарный гуманизм для России и мира: сб. мат-лов Междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 14–18 июня 2000 г.). М.: РГО, 2001. 597 с.
4. Заксер Н. Человек в животном. Почему животные так часто походят на нас в своем мышлении, чувствах и поведении / пер. с нем. Н. Ф. Штильмарк. М.: ВШЭ, 2020. 240 с.
5. Моисеев Н. Н. Экология человечества глазами математика: Человек, природа и будущее цивилизации. М.: Ленанд, 2022. 256 с.

6. Игнатова Н. Ю. «Новая метафизика» как ответ на вызовы эпохи антропоцена // Революция и эволюция: модели развития в науке, культуре, обществе: труды II Всерос. науч. конф. (Нижний Новгород, 29 ноября – 1 декабря 2019 г.). Нижний Новгород: Красная ласточка, 2019. С. 115–118.
7. Ioseliani A. D. Philosophical view of environmental safety in the global world // Социально-гуманитарное обозрение. 2020. № 1. Р. 11–15.
8. Гаджиев Г. А. Войниканис Е. А. Может ли робот быть субъектом права? (поиск правовых норм для регулирования цифровой экономики // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 4. С. 24–48.
9. Ладенков Н. Е. Модели наделения искусственного интеллекта правосубъектностью // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия «Гуманитарные и общественные науки». 2021. № 3. С. 12–20.
10. Cupp R. Cognitively Impaired Human, Intelligent Animals, and Legal Personhood // Florida Law Review. 2017. Vol. 69. № 2. Р. 465–517.
11. Dombrowski D. A. Babies and Beasts: The Argument from Marginal. Urbana: University of Illinois Press, 1997. 221 p.
12. Marquardt K, Levine H. M., Larochelle M. AnimalScam: the beastly abuse of human rights. Washington: Regnery, 1993. 221 p.
13. Шавьер Ф. С. Права животных и экологические права в Верховном Суде Бразилии // Правоприменение. 2018. Т. 2. № 1. С. 133–140.
14. Анисимов А. П. Права животных в российском и зарубежном праве // Аграрное и земельное право. 2016. № 1 (133). С. 103–108.
15. Гоглева К. Ю. Человеческий взгляд на нечеловеческие права // Байкальские компаративистские чтения: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. (Иркутск, 20–21 марта 2025 г.) / отв. ред. И. А. Миннирес. Иркутск: Изд. дом БГУ, 2025. С. 32–40.
16. Дойников П. И. О цивилитарно-либертарной концепции прав животных // Черные дыры в российском законодательстве. 2021. № 1. С. 66–69.
17. Sunstein C. Introduction: What Are Animals Rights? // Animal rights: current debates and new directions. New York: Oxford University Press, 2004. Р. 3–21.
18. Фромм Э. Ситуация человека — ключ к гуманистическому психоанализу // Проблема человека в западной философии; под ред. Ю. Н. Попова. М.: Прогресс, 1988. С. 443–482.
19. Пинкер С. Лучшее в нас: почему насилия в мире стало меньше. М.: Альпина нон-фикшн, 2020. 952 с.
20. Фабрика И. В. Аксиологическая сущность правосознания личности: теоретический аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2007. 26 с.

References

1. Brajdotti R. Postchelovek / per. s angl. D. Khamis. M.: Izdatelstvo Instituta Gajdara, 2021. 408 s.
2. Birx H. J. Dinamicheskaya celostnost'. Pragmaticheskaya cennost' tret'ego ty'syacheletiya // Zdravy smysl. 2003. № 1 (26). S. 14–20.
3. Vozmozhnost' nevozmozhnogo: planetarny'j gumanizm dlya Rossii i mira: sb. mat-lov Mezhdunar. nauch. konf. (Sankt-Peterburg, 14–18 iyunya 2000). M.: RGO, 2001. 597 s.

4. Sachser N. Chelovek v zhivotnom. Pochemu zhivotnye tak chasto poxodyat na nas v svoem myshlenii, chuvstvax i povedenii / per. s nem. N. F. Shtilmark. M.: HSE University, 2020. 240 s.
5. Moiseev N. N. Ekologiya chelovechestva glazami matematika: Chelovek, priroda i budushhee civilizatsii. M.: Lenand, 2022. 256 s.
6. Ignatova N. Yu. «Novaya metafizika» kak otvet na vyzovy epohi antropotsena // Revolyutsiya i evolyutsiya: modeli razvitiya v nauke, kulture, obshchestve: trudy II Vseros. nauch. konf. (Nizhnij Novgorod, 29 noyabrya – 01 dekabrya 2019). Nizhnij Novgorod: Krasnaya lastochka, 2019. S. 115–118.
7. Ioseliani A. D. Philosophical view of environmental safety in the global world // Social-humanitarian review. 2020. № 1. S. 11–15.
8. Gadzhiev G. A., Vojnikanis E. A. Mozhet li robot byt' sub'ektom prava? (poisk pravovykh norm dlya regulirovaniya cifrovoj ekonomiki) // Pravo. Zhurnal Vyshey shkoly ekonomiki. 2018. № 4. S. 24–48.
9. Ladenkov N. E. Modeli nadeleniya iskusstvennogo intellekta pravosubyektnostyu // Vestnik Baltijskogo federalnogo universiteta im. I. Kanta. Seriya «Gumanitarnie i obshchestvennye nauki». 2021. № 3. S. 12–20.
10. Cupp R. Cognitively Impaired Human, Intelligent Animals, and Legal Personhood / Florida Law Review. 2017. Vol. 69. № 2. S. 465–517.
11. Dombrowski D. A. Babies and Beast: The Argument from Marginal. Urbana: University of Illinois Press, 1997. 221 s.
12. Marquardt K., Levine H. M., Larochelle M. AnimalScam: the beastly abuse of human rights. Washington: Regnery, 1993. 221 s.
13. Chavier F. S. Prava zhivotnykh i ekologicheskie prava v Verhovnom Sude Braziliy // Pravoprimenenie. 2018. T. 2. № 1. S. 133–140.
14. Anisimov A. P. Prava zhivotnykh v rossijskom i zarubezhnom // Agrarnoe i zemelnoe pravo. 2016. № 1 (133). S. 103–108.
15. Gogleva K. Yu. Chelovecheskij vzglyad na nechelovecheskie prava // Bajkalskie komparativistskie chteniya: sb. materialov mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Irkutsk, 20–21 marta 2025) / otv. red. I. A. Minnikes. Irkutsk: Izd. dom BGU, 2025. S. 32–40.
16. Dojnikov P. I. O civilitarno-libertarnoy koncepcii prav zhivotnykh // Chernye dyry v rossijskom zakonodatelstve. 2021. № 1. S. 66–69.
17. Sunstein C. Introduction: What Are Animals Rights? // Animal rights: current debates and new directions. New York: Oxford University Press, 2004. S. 3–21.
18. Fromm E. Situatsiya cheloveka – klyuch k gumanisticheskomu psixoanalizu / E. Fromm // Problema cheloveka v zapadnoy filosofii; pod red. Yu. N. Popova. M.: Progress, 1988. S. 443–482.
19. Pinker S. Luchshee v nas: pochemu nasiliya v mire stalo menshe. M.: Alpina non-fikshn, 2021. 952 s.
20. Fabrika I. V. Aksiologicheskaya sushhnost' pravosoznaniya lichnosti: teoreticheskij aspekt: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Chelyabinsk, 2007. 26 s.

УДК 340

DOI: 10.24412/2076-9113-2025-359-18-26

И. Р. Метшин

Мэрия города Казани,
Казань, Российская Федерация,
Gorduma.kazan@tatar.ru

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ УКРЕПЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЕДИНСТВА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XIX ВЕКЕ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности социальной деятельности в период Российской империи с точки зрения влияния социальной ситуации на укрепление государственного единства. Полноценная государственная система социальной поддержки нуждающихся слоев населения отсутствовала. Государство фактически устранилось от реализации социальной функции, делегировав соответствующие задачи общественным структурам и частным лицам, земским учреждениям и церкви. Развитие благотворительности рассмотрено на примере города Казани. Анализ исторических фактов показывает, что благотворительность имела адресный характер и не могла решить масштабных социальных проблем российского общества. Острая социальная ситуация негативно влияла на благополучие населения и в силу этого отрицательно сказывалась на укреплении государственного единства.

Ключевые слова: государственное единство; Российская империя; социальное законодательство; социальное призрение; благотворительность.

UDC 340

DOI: 10.24412/2076-9113-2025-359-18-26

I. R. Metshin

The City Hall of Kazan,
Kazan, Russian Federation,
Gorduma.kazan@tatar.ru

SOCIAL ASPECTS OF STRENGTHENING THE STATE UNITY OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE NINETEENTH CENTURY

Abstract. The article examines the features of social activity during the period of the Russian Empire, from the point of view of the influence of the social situation on the strengthening of state unity. There was no full-fledged state system of social support for the needy segments of the population. The state has effectively eliminated

the implementation of the social function, delegating the corresponding tasks to public structures and individuals, zemstvo institutions and the church. The development of charity is considered on the example of the city of Kazan. An analysis of historical facts shows that charity was targeted and could not solve the large-scale social problems of Russian society. The acute social situation had a negative impact on the well-being of the population and, as a result, negatively affected the strengthening of State unity.

Keywords: state unity; Russian Empire; social legislation; social charity; charity.

Введение

Обеспечение государственного единства представляет собой комплексную деятельность, направленную на совершенствование всех сторон жизни общества и государства. Помимо правового, политического и экономического аспектов, эта деятельность имеет и выраженную социальную направленность. Социальное благополучие населения представляется одним из важнейших факторов, влияющих на желание членов социума жить в едином государстве. Повышение уровня жизни, поддержание высоких либо приемлемых стандартов укрепляет доверие к государственной власти, способствует ее легитимизации, что, в свою очередь, позитивно влияет на обеспечение государственного единства. В связи с этим социальная функция государства, связанная с обеспечением необходимых стандартов уровня жизни, с заботой о нуждающихся, развитием здравоохранения и благотворительности, приобретает важнейшее значение.

Методы исследования

Для проведения исследования использованы общенаучные методы анализа и синтеза. Взаимодействие Российского государства и общества рассмотрено на основе принципов и законов диалектики. Социальное законодательство Российской империи изучается с помощью формально-юридического метода. Обращение к историческому опыту определяет использование историко-правового метода.

Основное исследование

В мировой и отечественной практике сложилось два основных подхода к реализации социальной функции государства. В одном случае речь идет о всеобщей системе социального обеспечения населения, финансируемой и организуемой государством. Примером успешной реализации такого подхода можно считать опыт Советского Союза, где уровень жизни пенсионеров и инвалидов был достаточно высокий, существовали бесплатная

медицина и бесплатное образование, предоставлялись иные меры социальной поддержки. Но такая система возможна при наличии двух условий: полной вовлеченности государства в соответствующую деятельность и достаточно-го государственного финансирования. Выполнение этих условий возможно только при определенном типе государства, которое в данном случае может именоваться социалистическим. В иных случаях государство, как правило, не имеет ни финансовых, ни организационных возможностей для создания всеобъемлющей системы социального обеспечения и вынуждено сочетать меры социальной поддержки с развитием альтернативных механизмов, в первую очередь благотворительности. Такой подход позволяет диверсифицировать ресурсы и ослабить давление на государственный бюджет. В то же время он не лишен определенных недостатков. Благотворительность как форма помощи нуждающимся в силу своей природы имеет факультативный характер, слабо поддается контролю и нормированию, не является всеобъемлющей и не может оказать существенного влияния на социальную ситуацию в стране. Благотворительность — это адресная поддержка, которая бывает эффективной только как дополнение к государственной системе социального обеспечения. В то же время именно адресный характер благотворительной помощи в ряде случаев является ее преимуществом.

В Российской империи востребованность всех видов социальной поддержки была крайне высокой в связи с низким уровнем жизни подавляющего большинства населения. Существуют споры по поводу размера децильного коэффициента как главного показателя имущественного расслоения общества применительно к этому историческому периоду¹. По нашему мнению, представляется обоснованной позиция Г. И. Ханина, который путем самостоятельных подсчетов определил его как 1:21,2 [11, с. 71], то есть соотношение в два раза больше, чем считающееся критическим, и существенно больше, чем соответствующий показатель в России в 1990-е гг.².

Низкий жизненный уровень и значительное имущественное расслоение жителей Российской империи можно объяснить наличием целого ряда неблагоприятных факторов. Среди них на первое место следует поставить экономической фактор: относительно слабое развитие промышленности; преобладание рискованного земледелия, зависевшего от погодных условий; слабая механизация сельского хозяйства; отставание темпов экономического роста от роста населения и т. д. Сказывалось отсутствие всеобщего пенсионного обеспечения: пенсии получали только чиновники и некоторые другие немногочисленные категории. Ситуацию усугубляло отсутствие полноценной системы медицинской помощи, особенно в сельской местности. В этом вопросе ситуация стала

¹ Децильный коэффициент — показатель, используемый в социологии и статистике для оценки уровня дифференциации населения по доходам; соотношение доходов — 10 % самых бедных и 10 % самых богатых членов общества.

² Децильный коэффициент // Большая Российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/c/detsil-nyi-koeffitsient-79932> (дата обращения: 25.04.2025).

меняться только после земской реформы 1864 г., когда появились земские больницы и началась подготовка врачей для них. При этом земская медицина не могла охватить всех нуждавшихся в помощи, особенно в отдаленных регионах и сельской местности.

Социальное положение рабочих, несмотря на то что их доходы превышали доходы крестьян, было во многих случаях достаточно тяжелым. Например, помощник начальника Московского губернского жандармского управления капитан Щепотьев в своем донесении в III отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии писал, что «вечно работник у хозяина в долгу, ему нет почти возможности выйти из долга, все получаемое работником жалованье остается у хозяина: за провизию, которую его непременно обязывают брать на фабрике, и потом за штрафы, которые взыскиваются с работника за малейшую безделицу...» [8, с. 526]. Подобных документов в архивах сохранилось достаточно много, значительная их часть была опубликована в советский период. О недовольстве рабочих своим тяжелым положением свидетельствует и количество стачек и забастовок. Например, в 1872 г. их было 30, в 1873 г. — 29, в 1874 г. — 34 [8, с. 611–618]. И это данные за относительно спокойные годы, по сравнению, скажем, с началом XX в. Ситуация с крестьянскими выступлениями была не лучше, они не прекращались ни до, ни после отмены крепостного права.

Между социальными проблемами населения Российской империи и вопросами государственного единства прослеживается прямая взаимосвязь. С общих позиций только сильная центральная власть может удержать и освоить окраины государства, расположенные на большом удалении от центра и столицы. При этом такая власть должна иметь серьезную поддержку у населения, прочную социальную основу, позволяющую ей последовательно проводить избранный политический курс и необходимые социально-экономические преобразования. Кроме того, социальное самочувствие населения окраин не отличалось в лучшую сторону от ситуации в центральных губерниях, на периферии существовали те же проблемы с доходами населения, социальной помощью, организацией здравоохранения. Благотворительные общества и организации были сосредоточены в крупных центрах, где имелись богатые жертвователи из числа дворянства и купечества. В провинции, а тем более на окраинах империи, таких учреждений практически не было, помощь нуждавшимся не оказывалась. Низкий уровень жизни населения, высокие показатели заболеваемости и смертности, эпидемии, нищета и беспризорность, периоды голода, охватывавшего многие губернии в случае неурожая³, — все это снижало уровень доверия к власти, негативно влияло на состояние законности и правопорядка, подрывало социальную базу самодержавия и в итоге наносило ущерб вопросам укрепления государственного единства.

Правительство Российской империи отчетливо осознавало необходимость решения социальных вопросов, повышения уровня жизни населения,

³ Наиболее сильный голод был в 1891 г., а затем в 1897 г.

создания системы медицинской помощи, а также пенсионного обеспечения. Но оно не могло выделять на эти цели значительных средств, так как постоянно было вынуждено бороться с хроническими дефицитами бюджета, львиная доля которого уходила на военные нужды [2, с. 463]. Постоянные войны, которые вынуждено было вести государство, подвергаясь агрессии со стороны многочисленных соседей, расстраивали состояние дел в бюджетной сфере. В этих условиях финансирование социальных вопросов оставалось на крайне низком уровне, что вынуждало правительство возлагать надежды на общественное призрение и благотворительность. Как отмечал Г. В. Мальцев, государство делегировало свои социальные функции, «переложив соответствующие заботы на церковь и еще на земщину, на крестьянскую деревенскую общину...» [4, с. 242]. Фактически правительство видело свою задачу в социальной сфере в том, чтобы создавать правовые условия для возникновения и развития частных и общественных благотворительных структур, а также стимулировать их активность с помощью разного рода поощрений, включая чины и награды.

Период Российской империи стал временем институционализации социального призрения. В XVIII веке были созданы Приказы общественного призрения, которые фактически явились первыми органами, предназначенными для организации социальной деятельности в масштабах губерний [7, с. 145]. Большого социального эффекта их деятельность не принесла. Более масштабные действия в организации призрения начались только в XIX веке. Отмена крепостного права обострила вопрос о социальной поддержке нуждавшихся. Кроме того, в ходе масштабной систематизации законодательства были созданы нормативные основы благотворительности в виде Устава об общественном призрении, вошедшего в Свод законов.

Анализ данного источника права показывает некоторые важные особенности социальной политики государства и форм ее реализации в имперский период. Прежде всего, оказание социальной помощи имело сословный характер, что отражалось и в законодательстве. Например, призрение бедняков духовного звания осуществлялось в особых формах и на основании отдельных актов. Для основных сословий общества были предусмотрены свои типы заведений призрения и особые формы оказания помощи.

В то же время нельзя отрицать участие государства, прежде всего представителей правившей династии, в поддержке социальных инициатив. При непосредственном участии императрицы Марии Федоровны в 1797 г. было создано Ведомство учреждений императрицы Марии, которое со временем превратилось в достаточно разветвленную структуру, включавшую в свой состав общества и заведения различных направлений социальной деятельности. После кончины Марии Федоровны ведомство специальным указом было принято под покровительство императора [10], а его учреждения преобразованы в IV отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии, — то есть получили государственный статус.

Несмотря на это, социальная помощь нуждающимся была децентрализованной: отсутствовали единый координационный центр и общее руководство. «Наряду с учреждениями, находившимися под Высочайшим покровительством, существовали заведения, которые создавались и контролировались городами, земствами, церковными властями, частными лицами. Подобная децентрализация не способствовала координации работы всей системы общественного призрения, ее полноценному развитию, в конечном итоге она снижала качество и эффективность оказания социальной помощи нуждавшимся» [9, с. 126]. Не было и общего источника финансирования, в большинстве случаев оно осуществлялось за счет добровольных пожертвований. В итоге благотворительностью и социальным призрением с большим или меньшим успехом занимались: ведомства и учреждения, создававшиеся при личном покровительстве членов императорской семьи; земские и городские учреждения; церковные структуры, включая приходские попечительства при православных церквях; частные благотворительные общества и заведения. В большинстве случаев их локализация определялась не наличием значительного количества нуждавшихся, а присутствием богатых жертвователей, прежде всего купцов и дворян.

Создание общественных и частных благотворительных структур осложнялась существовавшими правовыми и бюрократическими препонами. Неполнота законодательных норм восполнялась циркулярами МВД, которые были не всегда доступны для использования. Несовершенство благотворительного законодательства отмечалось на страницах специализированных периодических изданий: журналов «Детская помощь», «Трудовая помощь» и т. д.

Казанская губерния являлась одним из довольно развитых в экономическом отношении регионов Российской империи. Присутствие в Казани богатых купцов создавало определенные предпосылки для развития социального призрения и благотворительности.

Первое общественное благотворительное учреждение Казани (Казанский попечительский о бедных комитет, состоявший под надзором Императорского человеколюбивого общества) было открыто в 1816 г. Комитет основал три столовых для жителей города, содержал богадельню, училище и ремесленные мастерские. В 1848 г. был открыт дом призрения, в котором в разные периоды содержалось от 43 человек (в год открытия) до 400 человек в 1885 г. [3, с. 482–483].

Успешная реализация социального призрения во многом зависела от общественных инициатив, участия населения. Примером такой инициативы может служить создание в Казани городского общественного банка в 1843 г. Банк был учрежден, чтобы содержать дом призрения для престарелых и увечных жителей города, открытый в Казани. Городской общественный банк, созданный на средства, собранные городскими жителями, начал финансировать этот социальный проект, а позднее и иные, включая Александровскую больницу и несколько детских приютов [1, с. 20]. В середине XIX столетия средства

на содержание городских учреждений благотворительного характера стали выделяться и непосредственно из городского бюджета [12, с. 10].

К концу XIX столетия в Казани сформировалась целая сеть благотворительных организаций, создававших различные учреждения для оказания помощи нуждавшимся. Они оказывали помощь детям и бедным, финансовую поддержку учебных заведений и учащихся, создавали лечебницы для небогатого населения и дома трудолюбия, где неимущие могли заработать себе на пропитание. «Практиковались различные формы благотворительной помощи, в том числе организация бесплатных обедов, выдача пособий деньгами и вещами, обучение ремеслу, медицинская помощь. Предпринимались попытки хотя бы частично решить остро стоявшую проблему сиротства» [5, с. 45].

В качестве одного из примеров приведем Общество помощи неизлечимо больным женщинам, открывшееся в Казани в 1897 г. Для сбора средств был придуман необычный способ: в местах народных гуляний устанавливали весы, за взвешивание вносили плату в 5 копеек [6, с. 5]. Этот случай наглядно характеризует финансовую ситуацию большинства благотворительных обществ.

Оценивая в целом ситуацию с оказанием социальной помощи нуждавшимся в Российской империи, отметим, что Казань в данном вопросе занимала лидирующие позиции, ненамного отставая от крупнейших городов — Санкт-Петербурга и Москвы, что было связано с успешным экономическим развитием города и политикой его руководства. В то же время ни в крупных городах, ни тем более в небольших населенных пунктах благотворительность не могла существенным образом повлиять на социальную ситуацию, которая оставалась по-прежнему острой. Количество бедных, нищих, больных было значительным, не все они могли получить необходимую помощь.

Результаты исследования

Проведенное исследование показывает, что важным условием укрепления государственного единства выступает социальное благополучие населения страны. В Российской империи существовала острая социальная ситуация, которая усугублялась отсутствием государственной системы социальной помощи населению, а также высоким уровнем имущественного расслоения в обществе. Соответствующая функция была делегирована общественным и частным структурам, которые не могли полностью справиться с решением социальных проблем. Благотворительность, имевшая адресный характер, помогала отдельным нуждавшимся, но не могла решить масштабных социальных проблем российского общества. Это негативно влияло на внутрисоциальную обстановку, сказывалось на легитимности государственной власти, создавало среду для роста протестных настроений и грядущего социального взрыва.

Список источников

1. Долакова М. И. Правовые основы создания и деятельности городского общественного банка в Казани // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2016. № 4 (24). С. 19–23.
2. Долакова М. И., Зубанова С. Г., Пашенцев Д. А. Правовые основы реализации финансовой политики государства в Российской империи второй половины XIX века // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2018. Т. 9. № 4. С. 452–466.
3. История Казани в документах и материалах. XIX век. Кн. 2. Население, конфессии, благотворительность. Казань: Татарское книжное изд-во, 2011. 702 с.
4. Мальцев Г. В. Нравственные основания права. М.: Изд-во СГУ, 2008. 550 с.
5. Метшин И. Р. Казанская губерния в составе Российской империи: вопросы сохранения государственного единства. М.: Норма, 2025. 68 с.
6. Отчет Общества вспомоществования неизлечимо больным женщинам в г. Казани за 1903 год — 6 год существования. Казань, 1904. 8 с.
7. Пашенцев Д. А. Российские правовые традиции в социальной сфере (историко-правовой аспект) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2018. Т. 9. № 2. С. 139–156.
8. Рабочее движение в России в XIX веке: сборник документов и материалов / под ред. А. М. Панкратовой. М.: Госполитиздат, 1950. Т. 2. Ч. 1. 697 с.
9. Семионкина Н. Г. Особенности правового регулирования общественного призрения в Российской империи // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2017. № 4 (28). С. 124–129.
10. Указ «О принятии Государем Императором под свое покровительство всех заведений, состоящих в ведении покойной Государыни Императрицы Марии Федоровны» (26.10.1828, № 2379) // Полное собрание законов Российской империи. СПб., Тип. 2 Отделения Собств. е. и. в. Канцелярии, 1830–1885. Собр. 2. Т. 3. С. 24–25.
11. Ханин Г. И. Какова была социальная дифференциация в дореволюционной России? // Идеи и идеалы. 2010. Т. 1. № 2 (4). С. 64–72.
12. Экономическое состояние городских поселений Европейской России в 1861–1862 гг. СПб.: Тип. К. Вульфа, 1863. Ч. 1. 922 с.

References

1. Dolakova M. I. Pravovye osnovy sozdaniya i dejatel'nosti gorodskogo obshhestvennogo banka v Kazani // Vestnik MGPU. Seriya: Juridicheskie nauki. 2016. № 4 (24). S. 19–23.
2. Dolakova M. I. Zubanova S. G., Pashentsev D. A. Pravovye osnovy realizacii finansovoj politiki gosudarstva v Rossijskoj imperii vtoroj poloviny XIX veka // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo. 2018. T. 9. № 4. S. 452–466.
3. Istorija Kazani v dokumentah i materialah. XIX vek. Kn. 2. Naselenije, konfessii, blagotvoritel'nost. Kazan: Tatarskoe knizhnoe izd-vo, 2011. 702 s.
4. Maltsev G. V. Nravstvennye osnovanija prava. M.: Izd-vo SGU, 2008. 550 s.
5. Metshin I. R. Kazanskaja gubernija v sostave Rossijskoj imperii: voprosy sohraneniya gosudarstvennogo edinstva. M.: Norma, 2025. 68 s.
6. Otchet Obshhestva vspomoshchestvovaniya neizlechim bolnym zhenshinam v g. Kazani za 1903 god — 6 god sushestvovaniya. Kazan, 1904. 8 s.
7. Pashentsev D. A. Rossijskie pravovye tradicii v social'noj sfere (istoriko-pravovoj aspekt) // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo. 2018. T. 9. № 2. S. 139–156.

8. Rabochee dvizhenie v Rossii v XIX veke. Sbornik dokumentov i materialov / pod red. A. M. Pankratovoj. M.: Gospolitizdat, 1950. T. 2. Ch. 1. 697 s.
9. Semionkina N. G. Osobennosti pravovogo regulirovanija obshhestvennogo prizrenija v Rossijskoj imperii // Vestnik MGPU. Serija: Juridicheskie nauki. 2017. № 4 (28). S. 124–129.
10. Ukaz «O prinjatii Gosudarem Imperatorom pod svoe pokrovitelstvo vseh zavedenij, sostojashih v vedenii pokojnoj Gosudarini Imperatrity Marii Fedorovny»: ukaz (26.10.1828, № 2379) // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. SPb., Tip. 2 Otdelenija sobstv. e. i. v. Kantselarii, 1830–1885. Sobr. 2. T. 3. S. 24–25.
11. Hanin G. I. Kakova byla socialnaja differenciacija v dorevoljucionnoj Rossii? // Idei i idealy. 2010. T. 1. № 2 (4). S. 64–72.
12. Ekonomicheskoe sostojanie gorodskih poselenij Evropejskoj Rossii v 1861–1862 gg. SPb.: Tip. K. Vul'fa, 1863. Ch. 1. 922 s.

Статья поступила в редакцию: 24.04.2025;
одобрена после рецензирования: 28.05.2025;
принята к публикации: 05.06.2025.

The article was submitted: 24.04.2025;
approved after reviewing: 28.05.2025;
accepted for publication: 05.06.2025.

УДК 340.12; 340.153

DOI: 10.24412/2076-9113-2025-359-27-39

Р. Ю. Почекаев

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»,

Санкт-Петербург, Российская Федерация,

rpochekaev@hse.ru

**ГОСУДАРСТВО И ПРАВО УЛУСА ДЖУЧИ
(ЗОЛОТОЙ ОРДЫ И ЕЕ НАСЛЕДНИКОВ)
В ЮРИДИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ:
ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

Аннотация. Целью статьи является анализ состояния юридических исследований государства и права Улуса Джучи, то есть Золотой Орды и ее наследников — тюрко-монгольских государств; выявление причин незначительного внимания правоведов (историков права) к данной проблематике; определение основных тенденций и перспектив изучения политико-правовой истории Улуса Джучи с юридической точки зрения. Причины, по которым правоведы уделяют мало внимания государству и праву Улуса Джучи, заключаются в отсутствии значительного числа правовых памятников для историко-правового анализа и в необходимости знаний специфики традиционного восточного права вообще и тюрко-монгольского права в частности. Не владея таковыми и нередко опираясь на европоцентристскую модель истории государства и права, те юристы, которые проводят подобные исследования, допускают немало ошибок в своих изысканиях. Также юристы, которые обращаются к государству и праву Улуса Джучи, зачастую не имеют представления о современном состоянии исследований по его истории, о введенных в научный оборот источниках и т. д.

По итогам исследования разработаны рекомендации более активно использовать междисциплинарный подход, взаимодействовать со специалистами смежных отраслей (историками, востоковедами и др.), а также уделять внимание анализу отдельных отраслей права и правовых памятников.

Ключевые слова: история государства и права; традиционное государство и право; Улус Джучи; юридические памятники; неюридические источники.

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00147, <https://rscf.ru/project/23-18-00147>, реализуемого на базе Воронежского государственного университета.

UDC 340.12; 340.153

DOI: 10.24412/2076-9113-2025-359-27-39

R. Yu. Pochekaev

National Research University
Higher School of Economics,
Saint Petersburg, Russian Federation,
rpochekaev@hse.ru

STATE AND LAW OF THE JOCHI ULUS (GOLDEN HORDE AND ITS HEIRS) IN LEGAL RESEARCH: TRENDS AND PROSPECTS

Abstract. The purpose of the article is to analyze the state of legal research on the state and law of the Jochi Ulus, that is, the Golden Horde and its heirs, the Turkic-Mongolian states; to identify the reasons for the insignificant attention of jurists (legal historians) to this issue; to identify the main trends and prospects for studying the political and legal history of the Jochi Ulus from a legal point of view. The reasons why legal scholars pay little attention to the state and the law of the Jochi Ulus are the absence of a significant number of legal monuments for historical and legal analysis and the need to know the specifics of traditional Oriental law in general and Turkic-Mongolian in particular. Lacking such knowledge and often relying on the Eurocentric model of the history of the state and law, those lawyers who conduct such research make many mistakes in their research. Also, lawyers who turn to the state and the law of the Jochi Ulus often have no idea about the current state of research on its history, about the sources introduced into scientific circulation, etc.

Based on the results of the study, recommendations were developed to use an interdisciplinary approach more actively, to interact with specialists in related fields (historians, orientalists, etc.), as well as to pay attention to the analysis of individual branches of law and legal monuments.

Keywords: history of state and law; traditional state and law; Jochi Ulus, legal monuments; non-legal sources.

Acknowledgements: the work was supported by Russian Science Foundation, project no. 23-18-00147, <https://rscf.ru/project/23-18-00147>, implemented at the Voronezh State University.

Введение

Изучение истории Золотой Орды в последние десятилетия переживает настоящий взлет в связи с расширением междисциплинарных подходов и активным введением в научный оборот новых исторических источников. В результате исследователи сегодня обращаются к изучению таких аспектов золотоордынской истории, которые не привлекали внимания их предшественников. Не последнее место занимают проблемы государства и права. Однако значительная часть авторов, обращающихся к истории

государства и права Золотой Орды, — это специалисты по общей истории, многие из которых далеко не всегда корректно оперируют юридическими понятиями и категориями, а правовые памятники зачастую используют в качестве источников по политической или социально-экономической истории.

Что касается правоведов — историков государства и права, то их участие в изучении политико-правовой истории Улуса Джучи (под этим названием в рамках данного исследования мы подразумеваем не только Золотую Орду, но и ее преемников — позднесредневековые тюркские государства) является менее значительным, чем могло бы быть. При этом нельзя сказать, что в большинстве своем такие работы обладают преимуществами перед исследованиями специалистов по общей истории в политико-правовой сфере. В настоящей статье предпринимается попытка анализа причин, по которым государство и право Улуса Джучи не пользуется большим вниманием со стороны правоведов, а также проблем, с которыми они сталкиваются. Также автор стремится выявить основные направления, по которым в рамках данной тематики историки права проводят исследования, и определить перспективы дальнейших юридических изысканий по истории государства и права Золотой Орды и ее наследников.

Методы исследования

Для проведения исследования используются такие методы, как критический анализ, сравнительно-правовой подход, историко-правовой метод.

Основное исследование

Для отечественных исследований по истории Улуса Джучи в целом характерна традиция изучения этого государства преимущественно в контексте развития русско-ордынских отношений (равно как и отношений России с постордынскими государствами). Неудивительно, что и значительная часть юридических исследований государства и права Золотой Орды больше посвящена русско-ордынским правоотношениям и ордынскому влиянию на последующее развитие Российского государства и права.

Наверное, самым ранним собственно юридическим исследованием можно считать статью И. Д. Беляева, в которой он попытался систематизировать информацию о золотоордынских чиновниках, действовавших на Руси [5]. Хотя основными источниками его исследования стали ярлыки золотоордынских ханов русским митрополитам и древнерусские летописи, исследователь понимал неполноту их информации в отношении устройства Золотой Орды и обратился также к иностранным источникам, правда в изложении и интерпретации Н. Я. Бичурина (о. Иакинфа) в его «Записках о Монголии». Не приходится удивляться, что результаты этого первого юридического исследования

о Золотой Орде оказались не слишком значительными и содержащими немало ошибок, очевидных для современных ученых. Однако не стоит забывать, что И. Д. Беляев все же оказался первопроходцем, поэтому его работа до сих пор используется специалистами — хотя чаще всего при характеристике историографии соответствующих направлений исследований.

Другие дореволюционные юристы, не посвящая специальных трудов именно Золотой Орде, тем не менее, в своих произведениях обращались к вопросам влияния этого государства на правовое развитие Руси и Российского государства в дальнейшем. Так, В. И. Сергеевич обоснованно полагал, что многие виды русских налогов, сборов и повинностей (например, ямская) были заимствованы из Золотой Орды. Правда, при этом часто не проводилось разграничения собственно налогов, например «запросов», то есть подношений ордынским правителям и сановникам со стороны русских князей и населения [22, с. 164, 182, 190, 196]. О заимствовании из ордынской практики ямской повинности в специальном исследовании сообщает также И. Я. Гурлянд [8, с. 29–44]. Ф. И. Леонтович, разделяя мнение ряда исследователей-историков, считает, что из Золотой Орды на Русь пришло такое явление как местничество [17, с. 268–269].

В советский период мы практически не встречаем юридических исследований о государстве и праве Золотой Орды (за исключением обзоров в учебниках, которые мы в данной статье не анализируем). По всей видимости, это связано с тем, что в советское время не было принято уделять много внимания данному государству, а в большинстве исторических работ оно характеризовалось, как «паразитическое» образование, жившее грабежами русских земель. Естественно, говорить о каком-либо государстве и праве и тем более, правовом влиянии на Русь в данных условиях было довольно рискованно.

Поэтому новые юридические исследования по истории русско-ордынских правоотношений появляются уже в постсоветский период. При этом разные исследователи, оценивая степень золотоордынского правового влияния на Русь, придерживаются противоположных точек зрения. Так, С. Н. Жаров считает, что на Руси в период зависимости от Золотой Орды существовало «двоезаконие», то есть применялись и русское, и ордынское (монгольское) право [10].

В. В. Еремян, опубликовавший трехтомную (!) монографию о Руси в ордынский период, напротив, заявляет об отсутствии влияния золотоордынского права на русское, объясняя его правовой неразвитостью самой Золотой Орды [9]. Впрочем, нельзя не отметить, что данная монография производит удручающее впечатление по целому ряду причин. Во-первых, автор либо по неведению, либо сознательно отказался от привлечения новейших исследований по истории Золотой Орды (наиболее часто используемые им исследования — это работы Н. М. Карамзина, С. М. Соловьева, А. Н. Насонова, Б. Д. Грекова и А. Ю. Якубовского, то есть исследования от дореволюционного периода до 1940-х гг.). Во-вторых, В. В. Еремян не потрудился обратиться не только к источникам по истории Золотой Орды, ее государству и праву, введенным в научный оборот в последние годы, но и к более ранним, широко известным

и доступным источникам. Соответственно, анонсированный им «широкий круг источников» составляют преимущественно древнерусские летописи и актовые материалы русского происхождения. В-третьих, исследователь не столько пытается изучить особенности правоотношений между русскими землями и Золотой Ордой, сколько подогнать исторические и юридические факты и мнения исследователей под свою идею о том, что «кочевники-скотоводы» по определению ничему не могли научить власти и население Руси в правовом отношении. Эта мысль, как мантра, регулярно повторяется в разных вариациях на страницах всех трех томов его монографии [9, т. 1, с. 221–222, 267; т. 2, с. 6, 8, 122, 157, 166; т. 3, с. 7, 27, 29]. Не улучшают впечатление от ознакомления с этим опусом также отсылки автора к образчикам «альтернативной истории», в частности, публикациям С. И. Валянского, Д. В. Калужного, Я. А. Кеслера. Сам факт использования подобных работ в научном (тем более в историко-правовом) исследовании вызывает недоумение.

Впрочем, некоторые работы юристов, обращающихся к отдельным аспектам истории государства и права Золотой Орды (пусть даже и в контексте русско-ордынских правоотношений) представляются вполне квалифицированными и весьма полезными на предмет дальнейшего развития исследуемых тем. Например, изыскания нижегородского исследователя Ю. В. Сочнева содержат фундаментальный анализ ханских ярлыков, выданных русской церковью. Несмотря на то что эти ярлыки — один из наиболее распространенных источников, исследователю удалось по-новому интерпретировать некоторые их фрагменты, проследить влияние положений ордынских документов на развитие некоторых сфер правоотношений на Руси и далее, вплоть до Московского царства (см., напр. [23; 24]). Высокий научный уровень публикаций Ю. В. Сочнева объясняется знанием современной историографии, привлечением дополнительных источников (причем не только о Золотой Орде, но и о других современных ей монгольских государствах, обладающих близким государственным устройством и правовой системой), а также вниманием к конкретным аспектам исследуемой проблематики.

По такому же пути пошел Э. В. Георгиевский, который обратился к анализу уголовно-правовых положений ханских ярлыков русской церкви и их влиянию на русское уголовное право [7]. Выводы автора выглядят обоснованными. К сожалению, исследователь не стал продолжать изучение данного аспекта, лишь кратко проанализировав его в рамках фундаментального изучения истории российского уголовного права.

Вопросами государства и права Золотой Орды российские историки права практически не занимаются, и по данной тематике имеются лишь единичные работы специалистов. Так, в 1995 г. известный специалист по международному праву Р. А. Тузмухамедов опубликовал статью, посвященную международно-правовым аспектам истории Золотой Орды, рассмотрев их, впрочем, в большей степени в соотнесении с теорией международного права [25]. Еще один известный правовед, В. К. Цечоев, посвятил отдельную главу своей докторской

диссертации государству и праву Золотой Орды в контексте исследования становления государства и права народов Дона и Северного Кавказа. В главе рассматривается, в частности, и вопрос о Великой Ясе Чингисхана как источнике права Золотой Орды [27, с. 277–296]. Важным достижением исследователя стала фиксация региональных особенностей развития золотоордынской государственности и права — пусть даже на примере одного региона, который тем не менее отличался пестротой и разнообразием этнического и религиозного состава населения, наличием различных правовых традиций и т. д. Вместе с тем нельзя не отметить, что в трактовке Великой Ясы исследователь следует общепринятому стереотипу о том, что это был свод законов Чингисхана, регулировавший практически все сферы правоотношений.

Интерес к государству и праву Улуса Джучи проявляют представители казахстанской юридической науки, используя собственный подход к исследованию золотоордынской политико-правовой истории.

Долгое время вопросами государства и права Улуса Джучи занимается Т. С. Жумаганбетов. Изначально имея историческое образование, он дважды стажировался в российских юридических научных и образовательных учреждениях, что позволило ему достаточно квалифицированно исследовать ряд аспектов правовой истории Золотой Орды — сначала в виде многочисленных отдельных статей, а затем в рамках итоговой монографии [11]. Однако его изысканиям присущ весьма досадный недостаток. Изначально поставив цель доказать преемственность государства и права Золотой Орды от древнетюркских политико-правовых традиций, а затем проследить значение ордынского правового наследия для последующего Казахского ханства, исследователь сам себя ограничил в объеме исследуемых вопросов и анализируемых материалов. В результате, сосредоточившись на анализе государственного и правового опыта Великой Степи, он изучил исключительно политико-правовые реалии степных, кочевых регионов Золотой Орды и пришел к выводу, что основу ее государственности и правового регулирования составляли правовые обычаи, унаследованные еще от древнетюркских кочевников. Этот подход позволил ему достичь поставленной цели и убедительно продемонстрировать неизменность кочевых традиций, их преемственность от древних тюрков до кочевников Золотой Орды, а затем и населения Казахского ханства. Однако при этом Т. С. Жумаганбетов полностью игнорирует тот факт, что далеко не все регионы Золотой Орды являлись кочевыми, и в оседлых местностях действовали совсем другие административные и правовые реалии — в Поволжье и Крыму, на Северном Кавказе и в Хорезме. Таким образом, результаты его исследований несколько «примитивизируют» золотоордынскую государственность и право, сводя их к традициям кочевников, характерным для восточных территорий Улуса Джучи, но не для всего государства в целом.

Надо сказать, что не только Т. С. Жумаганбетов придерживается такого подхода, он характерен и для других казахстанских исследователей. Так, Ж. И. Ибрагимов, рассуждая о Великой Ясе (казалось бы, об имперском

законодательстве эпохи Чингисхана и его преемников), рассматривает ее как основной источник права Золотой Орды и также выводит ее положения из обычного права кочевников Великой Степи [14]. Впрочем, некоторые из казахских правоведов, как, например, Э. Б. Аблаева, прямо обозначают территориальные рамки своих исследований [1], что снимает в отношении их работ вышеуказанные замечания. Скорее всего, особенности казахского подхода в изучении Золотой Орды (в том числе ее государства и права) связаны с тем, что в последние годы Республика Казахстан все настойчивее позиционирует себя в качестве основного наследника Золотой Орды. Соответственно, цель исследователей — показать, что именно на территории современного Казахстана происходили основные политические, правовые и иные процессы в эпоху Улуса Джучи, что, конечно, не вполне соответствует историческим реалиям.

Обратимся теперь к работам по истории государства и права наследников Золотой Орды — тюркских государств позднего Средневековья.

Определенный интерес правоведы проявляют к изучению государства и права Крымского ханства. Такой интерес вполне объясним — от этого государства, в отличие от Золотой Орды, сохранилось весьма значительное число правовых документов (ханских ярлыков и писем, судебных реестров и т. д.), а также неюридических источников — крымско-татарских и османских хроник и летописей, записок современников, содержащих ценные сведения о политико-правовых реалиях Крыма ханского периода. Неудивительно, что целый ряд юристов обращался к правовой истории этого государства. Так, украинский правовед А. В. Кресин рассматривает общие вопросы государства и права Крымского ханства [30]. Исследовательница Ф. А. Аметка защитила кандидатскую диссертацию по государству и праву Крымского ханства [2], а затем, развивая свои исследования, неоднократно обращалась к отдельным аспектам его правовой истории, в том числе и в соавторстве [см., напр.: 3]. Данные работы представляют интерес, однако нельзя не отметить, что внимание автора в большей степени сосредоточено на тех элементах крымско-ханской государственности и права, которые имели мусульманское происхождение, при этом практически не уделяется внимания наследию Золотой Орды.

Наиболее востребованной для крымских правоведов является тема суда и судебного процесса в Крымском ханстве. Так, к изучению суда в Крымском ханстве обращался Э. С. Ваниев, предприняв теоретико-правовой анализ сиджиллей — судебных реестров этого государства [6]. Некоторые выводы автора представляются спорными (например, классификация судебных решений исключительно как правоприменительных актов), но сами его исследования вызывают интерес и могут быть использованы для дальнейшего развития данной тематики. Еще один крымский юрист, В. Н. Коваль, также обратился к истории суда в период Крымского ханства, ограничившись, правда, его самой общей характеристикой [15].

Значительное число работ правоведов (преимущественно казахстанских) в советский период было посвящено государству и праву еще одного наследника

Золотой Орды — Казахского ханства. Следует отметить, что и здесь специалисты в большей степени обращались к анализу традиционных степных институтов (многочисленные работы по данной тематике, не имеющие отношения к правовой традиции Улуса Джучи, мы не анализируем в данной статье), практически не уделяя внимания преемственности казахской государственности и права от Золотой Орды. Кроме того, их внимание привлекали реалии уже Нового времени — преимущественно периода пребывания казахов под властью Российской империи. Лишь отдельные советские казахские юристы (в частности, С. З. Зиманов [13]) обращались к изучению правовых элементов, унаследованных Казахским ханством от Золотой Орды: институту ханской власти, отдельным видам налогов и повинностей. Впрочем, и их рассматривали в контексте развития социально-экономических отношений и в соотношении с политикой России. Отметим, что и современные казахстанские правоведы сохраняют такой подход (см., напр.: [19]). Пожалуй, из советских юристов только С. Л. Фукс позволил себе кратко проследить преемственность государственных и политических институтов Казахского ханства от Золотой Орды, используя, впрочем, для их обозначения эвфемизм «древнее монгольское право» [26, с. 113–123].

С. З. Зиманов, продолживший свои изыскания в постсоветский период, уже в 2000-х гг. предпринял попытку вывести традицию казахского суда биев (на основе обычного права) из Монгольской империи и Золотой Орды, считая, что первым народным судьей был некий Майкы-бий — соратник Чингисхана [12, с. 53, 68]. Как видим, и в данном случае в центре внимания исследователя оказываются не золотоордынские институты власти и права, а обычное право, достаточно символически связываемое с джучидским наследием.

История государства и права других наследников Золотой Орды освещалась в единичных юридических исследованиях.

Например, в 1970–1980-х гг. Е. А. Поноженко защитил кандидатскую диссертацию по государству и праву Ногайской Орды [20]. В традициях того времени он сосредоточился на общественно-политическом строе этого государства и некоторых аспектах обычного права. Однако автор рассмотрел их в процессе эволюции начиная с XV в. (когда еще существовала Золотая Орда), уделив внимание властным и правовым институтам, унаследованным ногайцами из Улуса Джучи.

Что касается Сибирского ханства, то юридических исследований, непосредственно посвященных его государству и праву, насколько нам известно, не проводилось. Вероятно, это в значительной степени связано с тем, что от него сохранилось еще меньше правовых памятников, нежели от Золотой Орды. Исследователи-юристы (и дореволюционные, и современные), как и в случае с Казахским ханством, в основном уделяют внимание вопросам обычного права, работая преимущественно с материалами XVIII–XIX вв. но допуская, что эти обычаи могли существовать в Сибири и в ханский период [см., напр.: 4, с. 6; 16, с. 49–50].

Отсутствуют юридические исследования по государству и праву Казанского, Астраханского и Касимовского ханств — также по причине малочисленности или полного отсутствия аутентичных юридических памятников.

Завершая обзор, хотелось бы уделить внимание еще одной группе исследователей государства и права Золотой Орды, а именно студентам юридических вузов и факультетов (речь идет о научных статьях и докладах, опубликованных в соответствующих изданиях). Наибольшим интересом с их стороны пользуются золотоордынские суд и процесс [21; 28; 29], а также налоги [18]. Впрочем, посвятив этой тематике одну-две работы, молодые исследователи в дальнейшем к ней не возвращаются. Причинами утраты интереса могут являться как переключение внимания на другие, практико-ориентированные, отраслевые дисциплины, так и понимание того, что поднятые ими вопросы в статьях уже в значительной степени исследованы с правовой точки зрения, а для их дальнейшей проработки надо обращаться к более широкому кругу источников и исследований (в том числе неюридических), что может отвлечь молодых юристов от учебной и в дальнейшем практической деятельности по своей основной профессии.

Результаты исследования

По итогам проведенного анализа можно выявить несколько основных тенденций в юридических исследованиях государства и права Улуса Джучи.

Во-первых, в отличие от исторических исследований Золотой Орды и ее наследников, в юридических исследованиях мы не встречаем научных школ: каждый исследователь самостоятельно выбирает для себя тематику, использует тот круг методов и источников, которыми располагает и считает нужными.

Во-вторых, большинство юридических исследований посвящено тем наследникам Золотой Орды, от которых сохранилось больше правовых памятников — это Крымское и Казахское ханства. По другим ханствам, от которых таких источников не сохранилось или сохранились лишь единичные тексты, правоведы исследований не проводят. Исключение, впрочем, составляет сама Золотая Орда, от которой до нас дошел также весьма ограниченный круг юридических памятников. Но в данном случае неугасающий интерес к этому государству — традиция российской науки, а, кроме того, недостаток собственнорядных источников правоведы компенсируют русскими юридическими и неюридическими памятниками.

В-третьих, междисциплинарный характер исследований по истории государства и права Улуса Джучи обуславливает более обоснованные и корректные результаты исследований тех правоведов, которые активно используют неюридические источники, исторические и востоковедческие исследования, контактируют с другими специалистами по истории Золотой Орды и ее наследников.

К перспективам дальнейших юридических исследований государства и права Улуса Джучи можно отнести, в частности, развитие междисциплинарного сотрудничества юристов с историками, востоковедами, филологами и, возможно, даже религиоведами. Также современным и эффективным представляется обращение правоведов не к общим вопросам государства и права Золотой Орды и ее наследников, а к отраслевым, вплоть до историко-правового анализа конкретных документов в юридических понятиях и категориях. Кроме того, перспективным представляется вовлечение молодых ученых в изучение данной тематики за счет как научного (обеспечение публикаций результатов их изысканий), так и материального стимулирования (участие в проектах, получение грантов). Наконец, вполне возможно, что юристы-исследователи напрасно отказываются от изучения тех ханств, от которых не сохранилось правовых памятников. Как показывают исследования историков, более поздние документы (относящиеся к периоду так называемых Казанского, Астраханского и Сибирского царств в составе Московского государства XVI – начала XVIII вв.) могут содержать важную правовую информацию и о том периоде, когда во главе этих государств стояли ханы-Чингизиды.

Список источников

1. Аблаева Э. Б. Правовая система Казахстана в ордынский период // *Lex Russica*. 2019. № 10 (155). С. 141–153.
2. Аметка Ф. А. Крымское ханство: становление и развитие государственности и права (первая половина XV – вторая половина XVIII вв.): дис. ... канд. юрид. наук. Харьков, 2003. 185 с.
3. Аметка Ф. А., Хаваджи Д. Р. Историко-правовые аспекты организации и осуществления судебной власти в Крымском ханстве (первая половина XV – вторая половина XVIII вв.) // *Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки*. 2019. Т. 5 (71). № 4. С. 9–15.
4. Бакиева Г. Т. Обычай и закон: очерки правовой культуры сибирских татар в XVIII – начале XX века. Новосибирск: Гео, 2011. 213 с.
5. Беляев И. Д. О монгольских чиновниках на Руси, упоминаемых в ханских ярлыках // *Архив историко-юридических сведений, относящихся до России*, издаваемый Н. Калачовым. М.: Типография А. Семена, 1850. Кн. I. С. 97–110.
6. Ваниев Э. С. Историко-правовая характеристика крымских сиджилей // *Вестник Юридического факультета Южного федерального университета*. 2021. Т. 8. № 1. С. 9–15.
7. Георгиевский Э. В. Общая уголовно-правовая характеристика ярлыков татарских ханов русским митрополитам // *Право и политика*. 2017. № 2. С. 67–77.
8. Гурлянд И. Я. Ямская гоньба в Московском государстве до конца XVII века. Ярославль: Тип. губернского правления, 1900. 339 с.
9. Еремян В. В. Ордынская Русь (от общины-государства к уделу-вотчине): в 3 т. М.: РУДН, 2015.
10. Жаров С. Н. Русское и монгольское законодательство: проблемы двоезаконония на Руси // *Россия и Восток: проблемы взаимодействия: материалы 3-й Междунар. науч. конф.* (29 мая – 4 июня 1995 г.). Челябинск: ЧГУ, 1995. С. 42–44.

11. Жумаганбетов Т. С. Улус Джучи. Государственная организация и правовые отношения в XIII–XV вв. (Тюрко-кыпчакские политические и правовые традиции в средневековой монгольской государственности). Алматы: Жеті Жарғы, 2020. 367 с.
12. Зиманов С. З. Казахский суд биев — уникальная судебная система. Алматы: Атамура, 2008. 223 с.
13. Зиманов С. З. Политический строй Казахстана конца XVIII и первой половины XIX веков. Алма-Ата: Изд-во Акад. наук КазССР, 1960. 296 с.
14. Ибрагимов Ж. И. Институты монгольского права периода Золотой Орды // Российско-Азиатский правовой журнал. 2022. № 3. С. 45–53.
15. Коваль В. Н. Развитие судопроизводства в Крыму (период Крымского ханства) // История государства и права. 2023. № 3. С. 48–53.
16. Лаппо Д. Е. Об изучении степного права // Русская мысль. 1906. Т. X. С. 36–51.
17. Леонтович Ф. И. К истории права русских инородцев: Древний монголо-калмыцкий или ойратский устав взысканий (Цааджин-Бичик) // Записки Императорского Новороссийского университета. Одесса, 1879. Т. XXVIII. 262 с.
18. Лучко А. И. Влияние татаро-монгольского ига на правовое регулирование налоговых отношений на Руси // Труды юридического факультета: материалы Межвузовской студенческой науч. конф. «Право и экономика: вопросы истории и теории» (Санкт-Петербург, 14–15 марта 2013 г.). СПб., 2013. Т. II. С. 180–186.
19. Онланбекова Г. М. История развития судебной власти в период Казахского ханства // Символ науки. 2016. № 2. С. 128–135.
20. Поноженко Е. А. Общественно-политический строй Ногайской Орды в XV – середине XVII вв.: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1977. 200 с.
21. Сапронова Ю. В., Ярошенко У. А. Суд и правосудие в Золотой Орде // Академия педагогических идей. Новация. 2018. № 6. С. 698–706.
22. Сергеевич В. И. Древности русского права. Т. III. Землевладение. Тягло. Порядок обложения. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1903. 496 с.
23. Сочнев Ю. В. Золотоордынский правовой прецедент в царской грамоте 1606 г. // Народ и власть: взаимодействие в истории и современности: научный ежегодник факультета права НИУ ВШЭ, Нижний Новгород. Вып. 5. Нижний Новгород: НИУ ВШЭ – Нижний Новгород, 2018. С. 126–136.
24. Сочнев Ю. В. Проблема определения «даныщиков» в ярлыке золотоордынского хана Менгу-Темира // Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе: сб. ст. участников XVI Региональной науч.-практ. конф. (13 декабря 2018 г.). Вып. XV. Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2019. С. 14–19.
25. Тузмухамедов Р. А. Некоторые международные и международно-правовые аспекты, создания, существования и падения Золотой Орды // Московский журнал международного права. 1995. № 1. С. 116–124.
26. Фукс С. Л. Очерки истории государства и права казахов в XVIII и первой половине XIX в. Астана: Юридическая книга, 2008. 810 с.
27. Цечоев В. К. Происхождение государства и права народов Дона и Северного Кавказа: Античность и средневековье: дис. ... д-ра. юрид. наук. Ростов на/Дону, 2004. 385 с.
28. Шургучиев О. С. Источники о судопроизводстве в Золотой Орде // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2016. Т. 28. № 6. С. 128–134.
29. Якушева Я. Я., Калашникова Е. Б. Суд и правосудие в Золотой Орде // Наука, образование: общество: тенденции и перспективы развития: сб. мат-лов VI Междунар.

науч.-практ. конф. (Чебоксары, 18 июня 2017 г.). Чебоксары: Интерактив плюс, 2017. Т. 1. С. 57–61.

30. Kresin O. Law and state of Crimean Khanate (some theses) // Everything for the layer. 2016. № 168. S. 110–117.

References

1. Ablaeva E. B. Pravovaya sistema Kazakhstana v ordynskiy period // Lex Russica. 2019. № 10 (155). S. 141–153.

2. Ametka F. A. Krymskoe khanstvo: stanovlenie i razvitie gosudarstvennosti i prava (pervaya polovina XV – vtoraya polovina XVIII v.): dis... kand. jurid. nauk. Kharkov, 2003. 185 s.

3. Ametka F. A., Khavadzhi D. R. Istoriko-pravovye aspekty organizatsii i osushchestvleniya sudebnoy vlasti v Krymskom khanstve (pervaya polovina XV – vtoraya polovina XVIII vv.) // Uchenye zapiski Krymskogo federalnogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. 2019. T. 5 (71). № 4. S. 9–15.

4. Bakieva G. T. Obychay i zakon: ocherki pravovoy kultury sibirskikh tatar v XVIII – nachale XX veka. Novosibirsk: Geo, 2011. 213 s.

5. Belyaev I. D. O mongolskikh chinovnikakh na Rusi, upominaemykh v khanskikh yarlykakh // Arkhiv istoriko-yuridicheskikh svedeniy, otnosyashchikhsya do Rossii, izdavaemij N. Kalachovim. M.: Tipografiya A. Semena, 1850. Kn. I. S. 97–110.

6. Vaniev E. S. Istoriko-pravovaya kharakteristika krymskikh sidzhiley // Vestnik Yuridicheskogo fakulteta Yuzhnogo federalnogo universiteta. 2021. T. 8. № 1. S. 9–15.

7. Georgievskiy E. V. Obshchaya ugolovno-pravovaya kharakteristika yarlykov tatarskikh khanov russkim mitropolitam // Pravo i politika. 2017. № 2. S. 67–77.

8. Gurlyand I. Ya. Yamskaya gon'ba v Moskovskom gosudarstve do kontsa XVII veka. Yaroslavl: Tip. gubernskogo pravleniya, 1900. 339 s.

9. Eremyan V. V. Ordynskaya Rus (ot obshchiny-gosudarstva k udelu-votchine): v 3 t. M.: RUDN, 2015.

10. Zharov S. N. Russkoe i mongolskoe zakonodatelstvo: problemy dvoezakoniya na Rusi // Rossiya i Vostok: problemy vzaimodeystviya: materialy 3 Mezhdunar. nauch. konf. (29 maya – 4 iyunya 1995 g.). Chelyabinsk: Chelyabinskiy gosudarstvenniy un-t, 1995. S. 42–44.

11. Zhumaganbetov T. S. Ulus Dzhuchi. Gosudarstvennaya organizatsiya i pravovye otnosheniya v XIII–XV vv. (Tyurko-kypchakskie politicheskie i pravovye traditsii v sredne-vekovoy mongol'skoy gosudarstvennosti). Almaty: Zheti Zhargy, 2020. 367 s.

12. Zimanov S. Z. Kazakhskiy sud biev — unikal'naya sudebnaya Sistema. Almaty: Atamura, 2008. 223 s.

13. Zimanov S. Z. Politicheskoy stroy Kazakhstana kontsa XVIII i pervoy poloviny XIX vekov. Alma-Ata: Izd-vo Akad. nauk KazSSR, 1960. 296 s.

14. Ibragimov Zh. I. Instituty mongol'skogo prava perioda Zolotoy Ordyy // Rossiysko-Aziatskiy pravovoy zhurnal. 2022. № 3. S. 45–53.

15. Koval V. N. Razvitie sudoproizvodstva v Krymu (period Krymskogo khanstva) // Istoriya gosudarstva i prava. 2023. № 3. S. 48–53.

16. Lappo D. E. Ob izuchenii stepnogo prava // Russkaya mysl'. T. X. 1906. S. 36–51.

17. Leontovich F. I. K istorii prava russkikh inorodtsev: Drevniy mongolo-kalmytskiy ili oy ratskiy ustav vzyskaniy (Tsaadzhin-Bichik) // Zapiski Imperatorskogo Novorossiyskogo universiteta. Odessa, 1879. T. XXVIII. 262 s.

18. Luchko A. I. Vliyanie tataro-mongol'skogo iga na pravovoe regulirovanie nalogovykh otnosheniy na Rusi // Trudy yuridicheskogo fakul'teta: materialy Mezhvuzovskoy studencheskoy nauch. konf. «Pravo i ekonomika: voprosy istorii i teorii» (Sankt-Peterburg, 14–15 marta 2013 g.). SPb., 2013. T. II. S. 180–186.
19. Onlanbekova G. M. Istoriya razvitiya sudebnoy vlasti v period Kazakhskogo khanstva // Simvol nauki. 2016. № 2. S. 128–135.
20. Ponozenko E. A. Obshchestvenno-politicheskiy stroy Nogayskoy Ordy v XV – sereдинe XVII vv.: dis. ... kand. jurid. nauk. M., 1977. 200 s.
21. Sapronova Yu. V., Yaroshenko U. A. Sud i pravosudie v Zolotoy Orde // Akademiya pedagogicheskikh idey. Novatsiya. 2018. № 6. S. 698–706.
22. Sergeevich V. I. Drevnosti russkogo prava. T. III. Zemlevladienie. Tyaglo. Poryadok oblozheniya. SPb.: Tip. M. M. Stasyulevicha, 1903. 496 s.
23. Sochnev Yu. V. Zolotoordynskiy pravovoy pretsedent v tsarskoy gramote 1606 g. // Narod i vlast: vzaimodeystvie v istorii i sovremennosti: nauchniy ezhegodnik fakulteta prava HSE University, Nizhniy Novgorod. Vyp. 5. Nizhniy Novgorod: HSE University – Nizhniy Novgorod, 2018. S. 126–136.
24. Sochnev Yu. V. Problema opredeleniya «dan'shchikov» v yarlyke zolotoordynskogo khana Mengu-Temira // Voprosy arkhivovedeniya i istochnikovedeniya v vysshey shkole: sb. st. uchastnikov XVI Regionalnoj nauch.-prakt. konf. (13 dekabrya 2018 g.). Vyp. XV. Arzamas: Arzamasskiy filial NNGU, 2019. S. 14–19.
25. Tuzmukhamedov R. A. Nekotorye mezhdunarodnye i mezhdunarodno-pravovye aspekty, sozdaniya, sushchestvovaniya i padeniya Zolotoy Ordy // Moskovskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava. 1995. № 1. S. 116–124.
26. Fuks S. L. Ocherki istorii gosudarstva i prava kazakhov v XVIII i pervoy polovine XIX v. Astana: Yuridicheskaya kniga, 2008. 810 s.
27. Tsechoev V. K. Proiskhozhdenie gosudarstva i prava narodov Dona i Severnogo Kavkaza: Antichnost' i srednevekov'e: dis. ... d-ra jurid. nauk. Rostov na/Donu, 2004. 385 s.
28. Shurguchiev O. S. Istochniki o sudoproizvodstve v Zolotoy Orde // Vestnik Kalmitskogo instituta gumanitarnikh issledovaniy RAN. 2016. T. 28. № 6. S. 128–134.
29. Yakusheva Ya. Ya. Kalashnikova E. B. Sud i pravosudie v Zolotoy Orde // Nauka, obrazovanie: obshchestvo: tendentsii i perspektivy razvitiya: sb. materialov VI Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Cheboksary, 18 iyunya 2017 g.). Cheboksary: Interaktiv plyus, 2017. S. 57–61.
30. Kresin O. Law and state of Crimean Khanate (some theses) // Everything for the layer. 2016. № 168. S. 110–117.

Статья поступила в редакцию: 28.04.2025;
одобрена после рецензирования: 28.05.2025;
принята к публикации: 05.06.2025.

The article was submitted: 28.04.2025;
approved after reviewing: 28.05.2025;
accepted for publication: 05.06.2025.

УДК 343.9

DOI: 10.24412/2076-9113-2025-359-40-51

В. А. Абаканова

Северо-Западный институт управления
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Санкт-Петербург, Российская Федерация,
vabakanova07@yandex.ru

СОВРЕМЕННОЕ РАЗВИТИЕ КРИМИНАЛИСТИКИ: ЦИФРОВОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Аннотация. Эффективность и значимость средств и методов расследования преступлений рассматривается через призму цифрового пространства. Цель исследования состоит в определении основных тенденций развития криминалистического знания в эпоху цифровизации. Для достижения поставленной цели решались следующие задачи: установление сущностных ориентиров криминалистического знания, выявление роли и значения фундаментальных криминалистических знаний на современном этапе, обнаружение особенностей прикладных криминалистических рекомендаций для практики расследования преступлений.

В исследовании выявлены основные черты современного криминалистического знания, детерминирующие развитие криминалистики в цифровом пространстве: динамичность, адаптивность, научность, практикоориентированность и инновационность. Показана значимость прикладных криминалистических исследований для дальнейшего развития криминалистики при условии их соответствия запросам цифровизации.

Ключевые слова: криминалистика; фундаментальная наука; цифровизация; обеспечение расследования преступлений; цифровая криминалистика; цифровые технологии в следственной и экспертной деятельности.

UDC 343.9

DOI: 10.24412/2076-9113-2025-359-40-51

V. A. Abakanova

Northwestern Institute of Management
of the Russian Academy of National Economy
and Public Administration
under the President of the Russian Federation,
Saint Petersburg, Russian Federation,
vabakanova07@yandex

MODERN DEVELOPMENT OF CRIMINOLOGY: DIGITAL DIMENSION

Abstract. The effectiveness and importance of crime investigation tools and methods is viewed through the prism of the digital space. The purpose of the study is to identify the main trends in the development of forensic knowledge in the era of digitalization. To achieve this goal, the following tasks were solved: to establish the essential guidelines of criminalistic knowledge, to identify the role and importance of fundamental criminalistic knowledge at the present stage, to identify the features of applied criminalistic recommendations for the practice of investigating crimes.

The study identifies the main features of modern forensic knowledge that determine the development of criminology in the digital space: dynamism, adaptability, scientific, practice-oriented and innovative. The importance of applied forensic research for the further development of criminology is shown, provided that it meets the demands of digitalization.

Keywords: criminalistics; fundamental science; digitalization, ensuring the investigation of crimes; digital forensics; digital technologies in investigative and expert activities.

Введение

На протяжении всего своего развития криминалистическая наука неоднократно подвергалась переосмыслению. Пересматривались кажущиеся фундаментальными ее концепции и теории, уточнялись цели и задачи, стоявшие перед ней в определенные периоды развития общества. Вызовы сегодняшнего времени с неизбежностью диктуют необходимость другого подхода к пониманию природы и задач криминалистики, ее сущностных характеристик и векторов развития.

Сегодня цифровые технологии пронизывают все области жизнедеятельности человека, трансформируя существующие и формируя новые общественные отношения и модели поведения их субъектов. Оказывая влияние как на правоохранительную, так и на преступную деятельность, цифровизация обуславливает появление новых теоретических концепций и подходов к практическим рекомендациям.

Еще в 2004 году А. М. Кустов писал о третьем этапе развития криминалистики, делая акцент прежде всего на расширении границ ее предмета и изменении структуры [11, с. 10]. Однако на сегодняшний день, полагаем, развитие криминалистики подошло к четвертому этапу своего существования, который инициирован четвертой научно-технической революцией, характеризующейся динамичным внедрением цифровых технологий во все отрасли знания и формирующей новый тип мировоззрений.

Сегодня вектор развития криминалистики рассматривается в рамках смены правовой парадигмы, что, в свою очередь, не может не повлиять на криминалистическое знание.

Эвристический потенциал криминалистики реализуется через разработку криминалистических рекомендаций, основывающихся на современных инновационных технологиях. Однако эффективность реализации подготовленных криминалистикой средств и методов расследования преступлений определяется научным обеспечением их внедрения в практическую деятельность правоохранительных органов. Это выступает необходимым условием результативности изменений практики раскрытия, расследования и предупреждения преступлений, свидетельствует о подлинной реализации наукой своей служебной функции.

Методы исследования

Методологической основой исследования явился диалектический метод познания, который позволил рассмотреть вопросы становления криминалистического знания в его развитии и сложной системе взаимодействия его структуры. Сравнительно-правовой метод использовался для сравнительного анализа различных точек зрения относительно предмета криминалистики, ее природы, задач и сущностных характеристик. Применение формально-юридического и логического методов предоставили возможность изложить тенденции развития криминалистики в определенной логической последовательности и выявить свойства современного криминалистического знания, формирующегося в цифровом пространстве. Deskriptivный метод использовался при описании различных подходов к анализу фундаментальных и прикладных основ криминалистики, а также при описании воздействия правовых технологий на трансформацию криминалистики.

Степень научной разработанности темы

Целенаправленное развитие криминалистической науки предполагает ее ориентацию на практическую составляющую. Это не раз отмечалось в литературе (Р. С. Белкин [3], В. К. Гавло [6], А. Ю. Головин [7]) и не вызывает, как правило, возражений.

В начале XXI века в научном сообществе активизировалась дискуссия о роли и значении криминалистики как прикладной науки. Криминалистику обвиняют в «практической узости». Речь в основном идет о том, что криминалистикой разработан некий банк данных, состоящий из рекомендаций по расследованию и раскрытию преступлений, однако по различным причинам эти рекомендации не используются на практике. В качестве значимых факторов, приведших к кризису, отмечается тенденция к теоретизации криминалистики и нереалистичность разрабатываемых ею рекомендаций, опирающихся в своем большинстве на научные измышления, далекие от потребностей практики [10, с. 12]. Чтобы разрешить данную кризисную ситуацию, ученые-криминалисты акцентируют свое внимание на соотношении уровня «развития криминалистических научных знаний и уровня их использования в практической деятельности правоохранительных органов» [16, с. 378]. В этой связи криминалистические научные изыскания концентрируются на вопросах создания условий для внедрения разработанных рекомендаций. Вектор развития криминалистических знаний направляется на проблемы криминалистического обеспечения расследования и судебного следствия (А. Ф. Волынский [5], И. И. Лузгин [13], М. В. Субботина [21]). По данной тематике защищаются диссертации (Ю. Ю. Барбачакова [2], Э. К. Горячев [8], Е. В. Щеглова [24]). Перед криминалистикой ставится задача разработки эффективного механизма внедрения криминалистических рекомендаций в практику противодействия преступности. Постепенно происходит переход от познавательной-теоретической к практически-преобразовательной деятельности [20]. Даже предлагается разработать новую теорию — «криминалистическую инноватику» [16, с. 379], объектом исследования которой должна стать криминалистическая инновационная деятельность. Значимыми становятся не просто абстрактные идеи, а криминалистические инновации, обладающие новизной и практической применимостью. Таким образом, ставится вопрос о расширении предмета криминалистики. Кроме уже разработанных групп закономерностей, составляющих ее предмет, предлагается включить закономерности, «характеризующие использование на практике разрабатываемых криминалистикой методов, приемов и средств оптимизации борьбы с преступностью — закономерности криминалистической инновационной деятельности» [16, с. 378]. То есть обосновывается необходимость в методологической разработке эффективных механизмов внедрения криминалистических рекомендаций в практику расследования.

Однако развитие общественных отношений внесло существенные коррективы в процесс поиска направлений развития криминалистической науки. Новый подход к пониманию роли и значения криминалистики определил революционные изменения в технологической и коммуникационной сферах.

Основное исследование

Определяющим фактором в развитии общественных отношений сегодня становится цифровизация. Она не могла не повлиять на развитие правовой действительности. Теоретики права отмечают, что новые цифровые технологии оказывают непосредственное и опосредованное воздействие на правовую среду — как сами технологические нововведения используются в правовой сфере (непосредственное воздействие), так и технологии влияют на общественные отношения (опосредованное воздействие) [1, с. 7].

Попробуем разобраться, насколько эти положения обуславливают выбор направления развития криминалистики.

Будучи наукой, тесно и неразрывно связанной с практикой, криминалистика с неизбежностью реагирует на любые изменения объективной действительности. Трансформация общественных отношений ведет к качественным изменениям в преступности, что, в свою очередь, определяет изменение природы самой криминалистики. В этой связи необходимо обратиться к пониманию сущности науки криминалистики и современному ее пониманию. Это закономерно диктует необходимость трансформации системы криминалистического знания. Несмотря на то что большинство ученых-криминалистов сходились и сходятся во мнении относительно сугубо прикладного характера криминалистики, думается, что понимание ее природы как исключительно прикладной науки устарело. Со времени своего становления и достижения самостоятельного статуса криминалистика постепенно приобрела двойственную природу, включающую как фундаментальную, так и прикладную составляющую. Сегодня все больше ученых, склонных считать теоретические криминалистические знания фундаментальными [23]. Теоретические положения становятся фундаментальными разработками как для самой криминалистики, так и для уголовно-процессуального права, судебной экспертизы, теории оперативно-разыскной деятельности.

Смена правовой парадигмы требует создания нового теоретического базиса, способного отвечать современным вызовам. Цифровые следы, использование цифровых технологий при совершении преступлений, изменения менталитета как сотрудников правоохранительных органов, так и преступников, вызванные доминированием информационно-коммуникационных технологий, позволяют говорить о необходимости развития нового теоретического вектора в криминалистике.

Цифровая парадигма, без сомнения, потребует новых подходов в криминалистике. Сегодня подвергаются переосмыслению, казалось бы, незыблемые криминалистические категории: теория отражения, криминалистическая характеристика и т. д. [17]. Уже разработанные криминалистические ресурсы не справляются. Скорее всего, изменение криминалистического знания коснется как формы его применения, так и самого его содержания. Неслучайно некоторые специалисты предлагают разработать новое направление в криминалистике — цифровую криминалистику, включающую в свой предмет выявление

закономерностей, основанных на особенностях использования современных информационно-коммуникационных технологий, а также закономерностей, связанных с возникновением и трансформацией криминалистически значимой электронной информации как в правоприменительной, так и в преступной деятельности [15, с. 144].

Думается, что выделение частной теории криминалистической цифровизации преждевременно. Исходя из анализа криминалистической литературы, можно прийти к выводу, что, говоря о цифровой криминалистике, большинство авторов подразумевает цифровые технологии [12]. В этой связи, по нашему мнению, достаточно выделения в устоявшейся структуре криминалистики разделов, посвященных информационным технологиям. Например, в криминалистической технике возможен раздел об алгоритмах работы с цифровыми следами, об использовании микробиома, цифровых орудий и средств совершения преступлений, цифрового моделирования и т. д. В криминалистической тактике могут быть применимы технологии искусственного интеллекта при выдвижении версий и организации следственных действий. В методике расследования теоретические разработки могут касаться сферы программирования расследования преступлений, совершаемых с использованием цифровых технологий.

В любом случае во главу угла должны ставиться, прежде всего, фундаментальные научные знания, предназначение которых — стать каркасом, на который должны опереться новые криминалистические знания. Разумное сочетание традиционного фундаментального знания и инновационных технологий должно рассматриваться «в качестве двух диалектически связанных сторон единого процесса развития науки» [18, с. 128], в котором преемственность знаний выступает в форме восприятия уже устоявшихся достижений при условии их критического переосмысления.

Значимым компонентом процесса доминирования информационно-коммуникационных технологий в обществе становится мышление самих членов общества.

Возникает вопрос, является ли сложившаяся в криминалистике ситуация кризисом познания или это лишь необходимость адаптации к изменению объективной реальности.

Если это кризис мышления, то в его преодолении стоит отталкиваться от субъекта мышления [22, с. 20]. В этом могут помочь новые теоретические концепции, базирующиеся на теории познания. Сторонники данного подхода ведут речь в первую очередь о так называемой «когнитивной криминалистике». Фактически адепты данной идеи исходят из необходимости использования ранее накопленных в криминалистической науке знаний для формирования более эффективной системы организации расследования преступлений уже в новом цифровом формате.

Во втором случае криминалистические знания можно рассматривать в качестве инструмента для решения криминальных проблем цифрового общества.

Иначе говоря, «действие порождает противодействие» [4]. Недавно появившиеся виды преступлений, изменение способов совершения уже известных, так сказать, «апробированных» преступлений и новые личностные характеристики преступников как раз и могут рассматриваться в качестве триггеров для развития криминалистики.

В этой связи стоит вернуться к практической составляющей криминалистики, то есть к значимости разрабатываемых ею рекомендаций для нужд борьбы с преступностью. Как бы ни были фундаментальны и инновационны теоретические знания, разработанные в недрах криминалистики, они должны рассматриваться, прежде всего, как средство, обеспечивающее дальнейшее решение прикладных проблем практики [20, с. 218].

Оставаясь наукой, ориентированной на решение прикладных задач борьбы с преступностью, криминалистика имеет двойственный характер своим практическим компонентом. Разрабатываемые ею рекомендации должны учитывать как деятельность по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений, так и саму криминальную деятельность.

Стоит признать, что криминалистика, хотя и ставит перед собой задачи предотвращения преступлений, но достаточно редко действует на опережение. Поэтому неудивительно, что цифровые технологии стали первоначально востребованы криминалом. В этой связи достаточно наглядна ситуация с криптовалютой. Активно заявившая о себе в 2009 году технология блокчейн практически сразу стала популярна у криминала. Криминальные схемы с использованием биткоинов начали стремительно проводиться на черном рынке. Такая востребованность криптовалюты в криминальных кругах определялась самой сущностью данного продукта — анонимностью операций и эмиссий, отсутствием обеспеченности реальной стоимостью, значительной скоростью оборота. Немаловажную роль также играло отсутствие правового регулирования. Хотя статистической информации по криминальной обстановке не было, но доказательством того, что ситуация приобрела значительные масштабы, стало проведенное в 2014 году совещание Генеральной прокуратуры РФ, Межведомственной рабочей группы по противодействию преступлениям в сфере экономики, МВД, ФСБ и Центробанка¹. На совещании впервые на таком высоком уровне поднимались вопросы использования анонимных платежных систем в целях легализации преступных доходов и наркоторговли. В такой ситуации необходимость криминалистических разработок по борьбе с новыми формами преступлений стала очевидна.

Сегодняшние реалии цифровой действительности позволяют выявить основные черты современного криминалистического знания, детерминирующие развитие криминалистики в цифровом пространстве.

Во-первых, отличительной чертой современного научного криминалистического знания становится его мобильность. Под ней мы понимаем

¹ Генпрокуратура назвала биткоины «суррогатной валютой» // Рос. газета. 6 фев. 2014. URL: <https://rg.ru/2014/02/06/bitcoin-site-anons.html> (дата обращения: 10.05.2025).

динамичную адаптацию научного знания под современные реалии. Криминалистическая наука в эпоху «доцифровизации» развивалась неспешно, опираясь на разработанные ею фундаментальные категории. В литературе утвердилось мнение, что для практического использования нового знания требуется «время, в течение которого должна быть обеспечена его методическая обработка, переподготовка кадров и т. д.» [19, с. 218]. Наверное, еще недавно такая позиция соответствовала реалиям. Однако сейчас наблюдается ситуация, при которой инертное развитие научного знания недопустимо. В противном случае пропасть между криминалистикой и практикой борьбы с преступностью будет все больше увеличиваться. И хотя тот факт, что криминалистические рекомендации не успевают за динамикой преступности, не нов, особенно заметно это стало в период развития цифровых технологий.

Во-вторых, сейчас становится очевидным, что время концентрации криминалистики на внутренних проблемах ушло. Ныне развитие криминалистики необходимо рассматривать в направлении ее функционирования в практике борьбы с преступностью. Может показаться, что фундаментальная составляющая криминалистики отошла на второй план. В цифровом обществе все нацелено на результат и таким образом криминалистика должна сконцентрироваться на эффективных рекомендациях. Но, по-нашему мнению, это не так. Именно в данный момент особое значение приобретают фундаментальные исследования в области раскрытия, расследования и предотвращения преступлений, затрагивающие предмет науки, ее систему и значение криминалистического знания в эпоху цифровой детерминанты.

В-третьих, осуществляя свою основную функцию — обеспечение правоохранительных органов адекватными современным реалиям рекомендациями по борьбе с преступностью, криминалистика должна исходить, с одной стороны, из системы основополагающих теоретических положений, а с другой — использовать инновационные технологии. Эти инновационные процессы касаются как формы, так и содержания криминалистических рекомендаций. Что касается формы, рекомендации предполагают использование цифровых технологий для обеспечения эффективной коммуникации, в частности, при производстве следственных действий с применением возможностей видеоконференц-связи или в целях продуктивного использования средств и методов, основанных на цифровых технологиях. Сущностные же характеристики применения цифровых технологий основываются на особенностях функционирования современных информационно-коммуникационных продуктов. Они могут использоваться для выявления закономерностей преступной деятельности и закономерностей информационно-компьютерного обеспечения следствия, сбора и анализа цифровой информации, оценки полученных в ходе расследования результатов и т. д. Особое значение приобретает использование цифровых технологий (в том числе нейросетей) в ходе производства экспертиз по уголовным делам. Компьютерные средства и базы данных, а также системы гибридного интеллекта помогают в разработке компьютерных систем анализа

изображений; в создании репозиторийев по объектам судебной экспертизы, в исследовании цифровых следов и т. д. [14].

Результаты исследования

Сегодня взгляд на тенденции развития криминалистики меняется. Еще недавно дискуссии о роли и значении криминалистики в основном сводились к критике стагнации криминалистического знания, опирающегося практически целиком на разработанные советской криминалистикой постулаты. Сегодняшняя дискуссия перешла в другое русло — как трансформировать криминалистическое знание исходя из потребностей цифрового общества. Каждая эпоха в процессе своего развития меняет представление о том, что считать эффективным и каковы критерии эффективности [9, с. 15]. Исходя из запросов эпохи цифровизации, криминалистическое знание может быть эффективным при наличии следующих условий: динамичности, адаптивности, научности, практикоориентированности и инновационности. Парадоксально, но как раньше, так и теперь делается схожий вывод пропасть между теорией и практикой существенна. Однако если раньше о существующей пропасти между устоявшимися теоретическими положениями и правоприменением говорилось как о кризисе, то сейчас, скорее, криминалистика стоит на пути революционных изменений, связанных со сменой правовой парадигмы. Цифровизация становится флагом развития криминалистических знаний, а развитие криминалистического знания во многом зависит от практики применения цифровых технологий.

Список источников

1. Абрамов Р. А., Пашенцев Д. А. Основные направления влияния современных технологий на развитие права // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2024. № 1 (53). С. 7–13.
2. Барбачакова Ю. Ю. Техничко-криминалистическое обеспечение расследования контрабанды: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 26 с.
3. Белкин Р. С. Курс криминалистики: в 3 т. Т. 1: Общая теория криминалистики. М.: Юристъ, 1997. 408 с.
4. Вербер Б. Третье человечество / пер. с фр. В. М. Липка. М.: Рипол-Классик, 2018. 591 с.
5. Волынский А. Ф. Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений как форма реализации социальных функций криминалистики // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2008. № 3 (6). С. 64–69.
6. Гавло В. К. Избранные труды. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2011. 848 с.
7. Головин А. Ю., Головина Е. В. Деятельность по раскрытию и расследованию преступлений как объект системных исследований. М.: Российский новый университет, 2016. 160 с.

8. Горячев Э. К. Тактико-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 27 с.
9. Дорская А. А., Дорский А. Ю. Основные направления повышения эффективности правоприменения в условиях цифровизации // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2024. № 1 (53). С. 14–26.
10. Колдин В. Я. Криминалистика: теоретическая наука или прикладная методология? // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 2000. № 4. С. 3–18.
11. Кустов А. М. Криминалистика — этапы эволюционного развития // Вестник криминалистики. 2004. № 2 (10). С. 4–10.
12. Кустов А. М. «Цифровая криминалистика» или «цифровые технологии в криминалистике» // Современные технологии и подходы в юридической науке и образовании: сб. мат-лов Междунар. науч.-практ. форума. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2021. С. 173–181.
13. Лузгин И. И. Перспективы развития технико-криминалистического обеспечения как основы информационного уровня расследования преступлений // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2013. № 13–1. С. 114–116.
14. Россинская Е. Р. Нейросети в судебной экспертологии и экспертной практике: проблемы и перспективы // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 3 (115). С. 21–33.
15. Смушкин А. Б. Электронная цифровая информация как центральный объект электронной цифровой криминалистики // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2022. № 1 (21). С. 142–154.
16. Сокол В. Ю. Инновационная деятельность как объект криминалистических исследований // Пробелы в российском законодательстве. 2008. № 1. С. 378–379.
17. Сокол В. Ю. Затянувшийся триумф теории отражения в отечественной криминалистике. Краснодар: [б. и.], 2019. 323 с.
18. Сокол В. Ю. Кризис современной отечественной криминалистики // Криминалистика и судебно-экспертная деятельность в условиях современности: материалы Междунар. науч.-практ. конф.: в 2 т. Краснодар: Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2013. Т. 1. С. 127–140.
19. Сокол В. Ю. Научоведческие проблемы криминалистики // Общество и право. 2008. № 1 (19). С. 218–220.
20. Сокол В. Ю. Современные подходы к определению предмета криминалистики // Общество и право. 2009. № 2 (24). С. 215–219.
21. Субботина М. В. Криминалистические проблемы расследования хищений чужого имущества: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2004. 42 с.
22. Холопов А. В. Определение перспективных направлений научных исследований как предпосылка преодоления кризиса в криминалистике // Проблемы уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы. 2018. № 1 (11). С. 19–23.
23. Чельшева О. В. Гносеологические основы отечественной криминалистики: теоретико-прикладное исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб, 2003. 300 с.
24. Щеглова Е. В. Криминалистическое обеспечение расследования легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 21 с.

References

1. Abramov R. A., Pashentsev D. A. Osnovnye napravleniya vliyaniya sovremennykh tekhnologiy na razvitiye prava // Vestnik MGPU. Seriya: Yuridicheskie nauki. 2024. № 1 (53). S. 7–13.
2. Barbachakova Yu. Yu. Tekhniko-kriminalisticheskoe obespechenie rassledovaniya kontrabandy: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Moskva, 2006. 26 s.
3. Belkin R. S. Kurs kriminalistiki: v 3 t. T. 1: Obshchaya teoriya kriminalistiki. M.: Yurist, 1997. 408 s.
4. Verber B. Tret'e chelovechestvo / per. s fr. V. V. Lipka. M.: Ripol-Klassik, 2018. 591 s.
5. Volynskiy A. F. Kriminalisticheskoe obespechenie raskrytiya i rassledovaniya prestuplenij kak forma realizacii social'nykh funktsij kriminalistiki // Yuridicheskaya nauka i pravoohranitel'naya praktika. 2008. № 3 (6). S. 64–69.
6. Gavlo V. K. Izbrannyye trudy. Barnaul: Izd-vo Altayskogo gos. un-ta, 2011. 848 s.
7. Golovin A. Yu., Golovina E. V. Deyatel'nost' po raskrytiyu i rassledovaniyu prestuplenij kak obyekt sistemnykh issledovaniy. M.: Rossiyskiy novyy universitet, 2016. 160 s.
8. Goryachev E. K. Taktiko-kriminalisticheskoe obespechenie raskrytiya i rassledovaniya prestuplenij: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Moskva, 2004. 27 s.
9. Dorskaya A. A., Dorskij A. Yu. Osnovnye napravleniya povysheniya effektivnosti pravoprimeneniya v usloviyakh cifrovizacii // Vestnik MGPU. Seriya: Yuridicheskie nauki. 2024. № 1 (53). S. 14–26.
10. Koldin V. Ya. Kriminalistika: teoreticheskaya nauka ili prikladnaya metodologiya? // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 11. Pravo. 2000. № 4. S. 3–18.
11. Kustov A. M. Kriminalistika — etapy evolyucionnogo razvitiya // Vestnik kriminalistiki. 2004. № 2 (10). S. 4–10.
12. Kustov A. M. «Cifrovaya kriminalistika» ili «cifrovyye tekhnologii v kriminalistike» // Sovremennyye tekhnologii i podhody v yuridicheskoy nauke i obrazovanii: sb. mat-lov Mezhdunar. nauch.-prakt. foruma. Kaliningrad: Izd-vo BFU im. I. Kanta, 2021. S. 173–181.
13. Luzgin I. I. Perspektivy razvitiya tekhniko-kriminalisticheskogo obespecheniya kak osnovy informacionnogo urovnya rassledovaniya prestuplenij // Aktualnyye problemy borby s prestupleniyami i inymi pravonarusheniyami. 2013. № 13-1. S. 114–116.
14. Rossinskaya E. R. Nejroseti v sudebnoy ekspertologii i ekspertnoy praktike: problemy i perspektivy // Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYuA). 2024. № 3 (115). S. 21–33.
15. Smushkin A. B. Elektronnaya cifrovaya informatsiya kak central'nyy ob'ekt elektronnoy cifrovoj kriminalistiki // Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra. 2022. № 1 (21). S. 142–154.
16. Sokol V. Yu. Innovacionnaya deyatel'nost' kak ob'ekt kriminalisticheskikh issledovaniy // Probely v rossiyskom zakonodatel'stve. 2008. № 1. S. 378–379.
17. Sokol V. Yu. Zatyannuvshiysya triumf teorii otrazheniya v otechestvennoy kriminalistike. Krasnodar: [b. i.], 2019. 323 p.
18. Sokol V. Yu. Krizis sovremennoy otechestvennoy kriminalistiki // Kriminalistika i sudebno-ekspertnaya deyatel'nost' v usloviyakh sovremennosti: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.: v 2 t. Krasnodar: Izd-vo KrU un-t MVD Rossii. 2013. T. 1. S. 127–140.
19. Sokol V. Yu. Naukovedcheskie problemy kriminalistiki // Obshchestvo i pravo. 2008. № 1 (19). S. 218–220.

20. Sokol V. Yu. Sovremennye podhody k opredeleniyu predmeta kriminalistiki // Obshchestvo i pravo. 2009. № 2 (24). S. 215–219.
21. Subbotina M. V. Kriminalisticheskie problemy rassledovaniya hishchenij chuzhogo imushchestva: avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk. Volgograd, 2004. 42 s.
22. Holopov A. V. Opredelenie perspektivnyh napravlenij nauchnyh issledovaniy kak predposylka preodoleniya krizisa v kriminalistike // Problemy ugovnogo processa, kriminalistiki i sudebnoj ekspertizy. 2018. № 1 (11). S. 19–23.
23. Chelysheva O. V. Gnoseologicheskie osnovy otechestvennoj kriminalistiki (teoretiko-prikladnoe issledovanie):dis. ... d-ra jurid. nauk. SPb, 2003. 300 s.
24. Shcheglova E. V. Kriminalisticheskoe obespechenie rassledovaniya legalizacii (otmyvaniya) dohodov, poluchennyh prestupnym putem: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2009. 21 s.

Статья поступила в редакцию: 28.04.2025;
одобрена после рецензирования: 28.05.2025;
принята к публикации: 05.06.2025.

The article was submitted: 28.04.2025;
approved after reviewing: 28.05.2025;
accepted for publication: 05.06.2025.

УДК 342.4:342.56

DOI: 10.24412/2076-9113-2025-358-52-61

Д. Б. Горохов

Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации,
Москва, Российская Федерация,
julia7709@yandex.ru

М. М. Степанов

Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации,
Москва, Российская Федерация,
stepanovtao@mail.ru

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ИНИЦИАТИВЫ ПО ОБРАЩЕНИЮ С ЖИВОТНЫМИ БЕЗ ВЛАДЕЛЬЦЕВ С ПОЗИЦИЙ ПРАВОВОЙ ДОКТРИНЫ

Аннотация. Целью исследования является анализ общественных инициатив, связанных с защитой жизни и здоровья граждан от нападения безнадзорных собак и содержащих предложения по обращению с животными без владельцев. В работе рассматриваются общественные инициативы, размещенные на сайте «Российская общественная инициатива», федеральное законодательство и законодательство отдельных субъектов Российской Федерации в области обращения с животными, а также уголовное и административное законодательство применительно к предложениям, содержащимся в общественных инициативах. Сформулирован вывод о том, что для решения проблемы обращения с животными без владельцев и защиты жизни и здоровья граждан от нападения безнадзорных собак необходимо не столько изменение существующего правового регулирования, сколько совершенствование правоприменительной практики.

Ключевые слова: общественные инициативы; животные без владельцев; принципы обращения с животными; правовое регулирование в области обращения с животными; традиционные российские духовно-нравственные ценности.

UDC 342.4:342.56

DOI: 10.24412/2076-9113-2025-358-52-61

D. B. Gorokhov

Institute of Legislation and Comparative Law
under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation,
julia7709@yandex.ru

M. M. Stepanov

Institute of Legislation and Comparative Law
under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation,
stepanovtao@mail.ru

PUBLIC INITIATIVES ON THE TREATMENT OF ANIMALS WITHOUT OWNERS FROM THE STANDPOINT OF LEGAL DOCTRINE

Abstract. The purpose of the study is to analyze public initiatives related to protecting the life and health of citizens from attacks by stray dogs and containing proposals for the treatment of animals without owners. The paper examines public initiatives posted on the Russian Public Initiative website, federal legislation and legislation of individual subjects of the Russian Federation in the field of animal treatment, as well as criminal and administrative legislation in relation to proposals contained in public initiatives. The conclusion is formulated that in order to solve the problem of handling animals without owners and protect the life and health of citizens from attacks by stray dogs, it is necessary not so much to change the existing legal regulation as to improve law enforcement practice.

Keywords: public initiatives; animals without owners; principles of animal treatment; legal regulation in the field of animal treatment; traditional Russian spiritual and moral values.

Введение

В юридической литературе обосновывается мысль о том, что в современном мире происходит изменение процесса осуществления людьми правового выбора, вследствие чего снижается эффективность действия правовых норм. Правовой выбор становится гораздо менее прогнозируемым и управляемым, чем в том случае, когда право, влияя на него, имеет возможность эффективно управлять поведением людей [4]. В этой связи возрастает роль общественных инициатив, целью которых является совершенствование законодательства — результат осознанной, инициативной деятельности граждан, направленной на установление правил поведения в обществе.

Проект «Российская общественная инициатива», с возможностью использования дистанционного электронного голосования для реализации гражданами права на участие в управлении делами государства следует рассматривать в качестве новой институализированной формы непосредственной демократии, целью которой является принятие значимых решений [7; 8]. При этом общественные инициативы могут использоваться и как инструмент лоббирования в процессе законотворческой деятельности, например, для демонстрации народной поддержки подготавливаемых к внедрению правовых новаций при внесении проекта федерального закона на рассмотрение в Государственную думу Федерального собрания Российской Федерации.

В последнее время активно обсуждаются проблемы, связанные с животными, прежде всего с безнадзорными или не имеющими владельцев. Некоторые предложения граждан в этой сфере были оформлены в виде общественных инициатив и размещены в интернете для широкого ознакомления и проведения голосования. В настоящем исследовании будут рассмотрены только две из них, представляющие, по мнению авторов наибольший интерес. Речь идет об общественных инициативах № 27Ф117007 «Изолировать бродячих собак от общества»¹ и № 37Ф117415 «Приравнять безнадзорных собак к социально-опасным животным, требующих соответствующих мер от региональных органов исполнительной власти»² (далее — общественные инициативы). Согласно информации, содержащейся на сайте российской общественной инициативы, они набрали необходимое количество голосов и находятся на рассмотрении экспертной рабочей группы федерального уровня³.

Исходя из безусловного приоритета защиты жизни и здоровья человека как высшей ценности и выражая искреннее сочувствие людям, пострадавшим от нападения животных, авторы настоящей статьи полагают необходимым проанализировать эти общественные инициативы и с научно-доктринальных позиций дать объективную правовую оценку их содержанию.

Методы исследования

Методология исследования включает в себя диалектический подход, общенаучные методы (системный, анализ, синтез, дедукция, индукция и др.) и частнонаучные методы (формально-юридический, сравнительно-правовой и др.).

¹ URL: <https://www.roi.ru/117007/> (дата обращения 16.05.2025).

² Общественная инициатива № 37Ф117415 «Приравнять безнадзорных собак к социально-опасным животным, требующих соответствующих мер от региональных органов исполнительной власти» // Сайт «Российская общественная инициатива». URL: <https://www.roi.ru/117415/> (дата обращения 16.05.2025).

³ URL: <https://www.roi.ru/> (дата обращения 16.05.2025).

Основное исследование

Анализ содержания общественных инициатив по защите граждан от причинения вреда их жизни и здоровью безнадзорными животными

Общественная инициатива № 27Ф117007 «Изолировать бродячих собак от общества» посвящена решению проблемы, связанной с наличием бродячих собак и отдельными случаями их нападения на людей. В инициативе отмечается: «Бродячие собаки не домашние животные, а смертельно опасные хищники. Необходимо изолировать их от общества любыми способами. Давно пора очистить улицы от хищников, представляющих реальную угрозу».

Для решения проблемы авторы инициативы предлагают принять следующие меры: «Разрешить людям обороняться от нападающих свор любыми способами, не рискуя стать фигурантом уголовного дела. Запретить подкармливать собак. Ввести уголовную ответственность собственников и ответственных за территорию, на которой совершено нападение».

В общественной инициативе № 37Ф117415 «Приравнять безнадзорных собак к социально-опасным животным, требующих соответствующих мер от региональных органов исполнительной власти» при описании проблемы отмечается, что наличие одичавших бездомных собак нарушает права граждан на охрану здоровья и обеспечение безопасности, а принимаемые в отношении животных гуманные меры малоэффективны.

Решить проблему в данной общественной инициативе предлагается с помощью следующих мер: отнести стаи безнадзорных собак к категории социально-опасных объектов и принять в отношении данной категории животных нормативно-правовые акты, направленные на защиту населения от них. Такие акты должны предусматривать: «разрешение региональным органам власти применения радикальных мер в субъектах РФ, где такая проблема имеет место быть по обращениям граждан»; «обозначение специализированных групп лиц, действующих по разрешению органов власти при осуществлении вышеупомянутых мер».

Можно заключить, что в основе рассматриваемых общественных инициатив лежит общий подход — принять радикальные меры к «бродячим», «бездомным», «безнадзорным» собакам, при этом содержащиеся в них предложения отличает избыточно жесткая, негуманная риторика.

Следует отметить, что идеи общественных инициатив о том, что «бродячих собак» необходимо изолировать от общества «любыми способами» с целью «очистить улицы от хищников» и добиться в качестве результата «исчезновения собак», а также разрешить региональным органам власти применять «радикальные меры» и обеспечить «обозначение специализированных групп лиц, действующих по разрешению органов власти при осуществлении вышеупомянутых мер» противоречат действующему законодательству Российской Федерации. Их нормативное закрепление приведет к кардинальному

изменению существующего подхода к правовой регламентации отношений, связанных с обращением с животными без владельцев.

Федеральный закон «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁴ (далее — Федеральный закон об ответственном обращении с животными) исходит из необходимости защиты животных, а также укрепления нравственности, соблюдения принципов гуманности, обеспечения безопасности и иных прав и законных интересов граждан [6, с. 23–42; 3, с. 71–76].

Содержащиеся в общественных инициативах предложения по решению проблемы обращения с животными без владельцев позволяют использовать «радикальные меры» для «очистки улиц», включая запрещенные Федеральным законом об ответственном обращении с животными способы, предусматривающие жестокое обращение. Например, рассматриваемые общественные инициативы могут подразумевать возможность физического уничтожения собак, находящихся на улице, или причинение им гибели при отлове и транспортировке, а не доставку их в приюты для животных.

Кроме того, избыточно жесткая риторика общественных инициатив не согласуется с гуманной политикой государства по отношению к животным [2, с. 131–133, 291–298; 9, 72–78, 148–156], а содержание инициатив не соответствует признакам гуманизма и милосердия как традиционных российских духовно-нравственных ценностей⁵.

О состоянии уголовного и административного законодательства в области обращения с животными

В настоящее время в Российской Федерации отношения, связанные с обращением с животными без владельцев, регулируются, прежде всего, Федеральным законом об ответственном обращении с животными [5, с. 433]. Возникающие на его основе правоотношения характеризуются комплексностью. Они образуются в результате применения не только его норм, но и норм многочисленных подзаконных нормативных правовых актов, издаваемых на федеральном уровне⁶.

⁴ Федеральный закон от 27 декабря 2018 г. № 498-ФЗ «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2018. № 53 (часть I). Ст. 8424.

⁵ Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 46. Ст. 7977.

⁶ См. например: Постановление Правительства Российской Федерации от 10 сентября 2019 г. № 1180 «Об утверждении методических указаний по осуществлению деятельности по обращению с животными без владельцев» // Собрание законодательства РФ. 2019. № 38. Ст. 5300; Постановление Правительства Российской Федерации от 23 ноября 2019 г. № 1504 «Об утверждении методических указаний по организации деятельности приютов

В регулировании отношений, связанных с обращением с животными, значительное место отведено региональному законодательству⁷, которое находится в состоянии непрерывного реформирования [1]. Так, в отношении предложений, содержащихся в общественных инициативах, сформулированных как «запретить подкармливать собак», обеспечить «безопасную среду жизнедеятельности человека», следует отметить, что данный вопрос относится к полномочиям органов государственной власти субъектов Российской Федерации и регулируется соответствующими нормативными актами. Например, в Московской области принято распоряжение, утверждающее порядок предотвращения причинения животными без владельцев вреда жизни или здоровью граждан⁸.

Таким образом, следует констатировать, что в России имеется и действует значительный по объему массив правовых норм в области обращения с животными, содержащийся в федеральном и региональном законодательстве.

для животных и установлению норм содержания животных в них» // Собрание законодательства РФ. 2019. № 48. Ст. 6847; Постановление Правительства Российской Федерации от 30 июня 2021 г. № 1089 «О федеральном государственном контроле (надзоре) в области обращения с животными» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 28 (часть I). Ст. 5519; Постановление Правительства Российской Федерации от 3 ноября 2022 г. № 1980 «Об утверждении методических указаний по предотвращению причинения животными без владельцев вреда жизни или здоровью граждан» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 46. Ст. 7997.

⁷ См. например: Закон Ивановской области от 20 декабря 2019 г. № 82-ОЗ «О разграничении полномочий в области обращения с животными между органами государственной власти Ивановской области» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/3700201912240006> (дата обращения: 16.05.2025); Постановление Правительства Ивановской области от 28 февраля 2020 г. № 78-п «Об утверждении Порядка осуществления деятельности по обращению с животными без владельцев на территории Ивановской области» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/3700202003050008> (дата обращения: 16.05.2025); Постановление Правительства Ивановской области от 8 июля 2020 г. № 310-п «Об установлении Порядка организации деятельности приютов для животных и норм содержания животных в приютах для животных на территории Ивановской области» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/3700202007080010> (дата обращения: 16.05.2025); Постановление Правительства Ивановской области от 11 ноября 2021 г. № 521-п «Об утверждении Положения о региональном государственном контроле (надзоре) в области обращения с животными» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/3700202111110008> (дата обращения: 16.05.2025); Постановление Правительства Ивановской области от 13 ноября 2024 г. № 547-п «Об утверждении Порядка предотвращения причинения животными без владельцев вреда жизни или здоровью граждан на территории Ивановской области» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/3700202411150011> (дата обращения: 16.05.2025).

⁸ Распоряжение Министерства сельского хозяйства и продовольствия Московской области от 22 марта 2023 г. № 19PB-68 «Об утверждении Порядка предотвращения причинения животными без владельцев вреда жизни или здоровью граждан на территории Московской области» // Сайт Министерства сельского хозяйства и продовольствия Московской области. URL: <http://msh.mosreg.ru> (дата обращения: 16.05.2025).

Следует подчеркнуть, что его реализация осуществляется прежде всего органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления.

В связи с этим в качестве основной причины формирования «стай одичавших бездомных собак» и их нападения на людей нужно рассматривать не столько отсутствие надлежащего правового регулирования или наличия дефектов норм права на федеральном и региональном уровнях, сколько недостаточно эффективную реализацию положений Федерального закона об ответственном обращении с животными и других нормативных правовых актов.

Что же касается содержащихся в общественных инициативах предложений, связанных с внесением изменений в уголовное и административное законодательство, то следует отметить следующее.

Физическое воздействие на животных без владельцев («бродячих собак», «бродячую стаю», «одичавших бездомных собак», «безнадзорных собак» и др.) со стороны обороняющегося для защиты себя или других лиц от нападения является правомерным и не влечет рисков привлечения к юридической, прежде всего уголовной ответственности, поскольку охватывается понятием «крайняя необходимость» (статья 39 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ)⁹).

Встречаются случаи, когда причиняется такой вред животным, который явно не соответствует характеру и степени угрожавшей опасности, а также обстоятельствам, которые допускали возможность устранения опасности иным способом. Применение насилия к животным без владельцев, после того как опасность уже устранена (например, безнадзорная собака получила увечья в результате оборонительных действий или у нее имеются травмы, ограничивающие возможность передвижения и т. п.), может быть квалифицировано в соответствии со статьей 245 «Жестокое обращение с животными» УК РФ.

Если речь идет о возможности создания «специализированных групп лиц», применяющих «радикальные меры» с целью причинения увечья или гибели животным без владельцев, то такие действия являются наказуемыми. Согласно пункту «а» части 2 статьи 245 УК РФ данные деяния при наличии последствий — причинение увечий или гибели животным — должны квалифицироваться как жестокое обращение с животными, совершенное группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой.

При отсутствии признаков уголовно наказуемого деяния виновные лица должны привлекаться к административной ответственности за жестокое обращение с животными (часть 2 статьи 8.52. Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ)¹⁰).

⁹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

¹⁰ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

Организация и осуществление деятельности по обращению с животными без владельцев входят в полномочия органов государственной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления и реализуются соответствующими должностными лицами перечисленных органов. При наличии состава преступления должностное лицо может быть привлечено к уголовной ответственности в соответствии со статьей 293 «Халатность» УК РФ.

КоАП РФ (статьи 8.52. и 8.54.) также содержит составы правонарушений, позволяющие привлекать к ответственности как лиц, совершивших жестокое обращение с животными, так и лиц, не соблюдающих требования к содержанию домашних животных или требования к осуществлению деятельности по обращению с животными владельцами приютов для животных и деятельности по обращению с животными без владельцев.

Следовательно, действующее уголовное и административное законодательство уже содержит механизмы, позволяющие как исключить возможность применения мер уголовной ответственности к лицу, которое, правомерно защищая себя или других лиц от нападения животных без владельцев, причиняет им увечье или гибель, так и привлекать к ответственности виновных лиц, совершивших жестокое обращение с животными. В случае неисполнения или ненадлежащего исполнения должностным лицом своих обязанностей при осуществлении деятельности по обращению с животными без владельцев такое лицо при наличии состава преступления может быть привлечено к уголовной ответственности за халатность.

Таким образом, введение в законодательство дополнительных «радикальных мер» с наделением полномочиями «специализированных групп лиц» с целью «очистить улицы от хищников, представляющих реальную угрозу», является избыточным и противоречащим основам действующего правового регулирования в сфере обращения с животными без владельцев.

Результаты исследования

Проведенное исследование показывает, что рассмотренные общественные инициативы не могут быть признаны гуманными, они по своей сущности и содержанию противоречат цели, принципам и нормам существующего правового регулирования в сфере обращения с животными. Риторика этих инициатив не согласуется с гуманистической направленностью современной политики государства по отношению к животным. Анализ законодательства Российской Федерации в области обращения с животными применительно к предложениям, содержащимся в общественных инициативах, показывает, что действующее законодательство не требует внесения в него каких-либо существенных изменений (дополнений). Отечественное уголовное законодательство, как было указано выше, уже содержит механизмы, позволяющие исключить возможность применения мер уголовной ответственности к лицу, которое при защите себя

или других лиц от нападения животных без владельцев причиняет им увечье или гибель (статья 39 «Крайняя необходимость» УК РФ).

Представляется, что прежде всего необходимо обратить внимание не на изменение существующего правового регулирования, а на совершенствование правоприменительной практики обращения с животными без владельцев.

Анализ содержания общественных инициатив, включая предлагаемые ими меры и способы воздействия на животных, не соответствуют действующему законодательству. Особую настороженность вызывает игнорирование принципов гуманности и нравственности, которые из морально-нравственных императивов, признаваемых обществом, с принятием Федерального закона об ответственном обращении с животными преобразовались в нормы права.

Не соответствующие этим правовым принципам и нормам инициативы способствуют формированию общественных установок, характеризующихся пренебрежением к праву и духовно-нравственным ценностям, что ведет к риску выбора людьми поведения, основанного на вседозволенности, безнаказанности и насилию.

Список источников

1. Бондарчук И. В., Руденко А. В., Хоменко А. С. Реформирование регионально-го законодательства об обращении с животными в свете формирующейся судебной практики // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2021. № 1 (41). С. 62–70.
2. Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный): с учетом изменений, одобренных в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года / Т. Я. Хабриева [и др.]; под ред. Т. Я. Хабриевой. М.: ИНФРА-М, 2021. 368 с.
3. Комментарий к Федеральному закону от 27 декабря 2018 г. № 498-ФЗ «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (постатейный) / С. А. Боголюбов [и др.]; отв. ред. Д. Б. Горохов. М.: Юридическая фирма Контракт, 2020. 278 с.
4. Лановая Г. М. Осуществление правового выбора в условиях текущей современности: особенности и проблемы // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2025. № 1 (57). С. 7–14.
5. Научные концепции развития российского законодательства / В. Р. Авхадеев [и др.]; под ред. Т. Я. Хабриевой, Ю. А. Тихомирова. М.: Норма, 2024. 656 с.
6. Обращение с животными в России и за рубежом: законодательство и правоприменение: науч.-практ. пособие / С. А. Боголюбов [и др.]; отв. ред. Д. Б. Горохов. М.: ИНФРА-М, 2025. 456 с.
7. Примакова Т. О. Российская общественная инициатива: проблемы формирования и функционирования новой формы непосредственной демократии // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 7. С. 69–74.
8. Труцалова Т. О. Возможности дистанционного электронного голосования для участия граждан в управлении делами государства // Государственная власть и местное самоуправление. 2022. № 5. С. 18–22.
9. Хабриева Т. Я., Клишас А. А. Тематический комментарий к Закону Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г.

№ 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». М.: Норма, 2022. 240 с.

10. Шабалина М. А. Проблемы правового регулирования обращения с безнадзорными животными в России // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т. 15. № 5. С. 198–227.

References

1. Bondarchuk I. V., Rudenko A. V., Homenko A. S. Reformirovanie regional'nogo zakonodatel'stva ob obrashchenii s zhivotnymi v svete formiruyushcheysya sudebnoj praktiki // Vestnik MGPU. Seriya: Yuridicheskie nauki. 2021. № 1 (41). S. 62–70.

2. Kommentarij k Konstitucii Rossijskoj Federacii (postatejnyj): s uchetoм izmenenij, odobrennyh v hode obshcherossijskogo golosovaniya 1 iyulya 2020 goda / T. Ya. Habrieva [i dr.]; pod red. T. Ya. Habrievoj. M.: INFRA-M, 2021. 368 s.

3. Kommentarij k Federal'nomu zakonu ot 27 dekabrya 2018 g. № 498-FZ «Ob otvetstvennom obrashchenii s zhivotnymi i o vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii» (postatejnyj) / S. A. Bogolyubov [i dr.]; otv. red. D. B. Gorohov. M.: Yuridicheskaya firma Kontrakt, 2020. 278 s.

4. Lanovaya G. M. Osushchestvlenie pravovogo vybora v usloviyah tekuchej sovremennosti: osobennosti i problemy // Vestnik MGPU. Seriya: Yuridicheskie nauki. 2025. № 1 (57). S. 7–14.

5. Nauchnye koncepcii razvitiya rossijskogo zakonodatel'stva: monografiya / V. R. Avhadeev [i dr.]; pod red. T. Ya. Habrievoj, Yu. A. Tihomirova. M.: Norma, 2024. 656 s.

6. Obrashchenie s zhivotnymi v Rossii i za rubezhom: zakonodatel'stvo i pravoprimeneniye: nauch.-prakt. posobie / S. A. Bogolyubov [i dr.]; otv. red. D. B. Gorohov. M.: INFRA-M, 2025. 456 s.

7. Primakova T. O. Rossijskaya obshchestvennaya iniciativa: problemy formirovaniya i funkcionirovaniya novoj formy neposredstvennoj demokratii // Konstitucionnoe i municipalnoe pravo. 2014. № 7. S. 69–74.

8. Trushchalova T. O. Vozmozhnosti distancionnogo elektronnoho golosovaniya dlya uchastiya grazhdan v upravlenii delami gosudarstva // Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie. 2022. № 5. S. 18–22.

9. Habrieva T. Ya., Klishas A. A. Tematicheskij kommentarij k Zakonu Rossijskoj Federacii o popravke k Konstitucii Rossijskoj Federacii ot 14 marta 2020 g. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». М.: Норма, 2020. 240 с.

10. Shabalina M. A. Problemy pravovogo regulirovaniya obrashcheniya s beznadzornymi zhivotnymi v Rossii // Pravo. Zhurnal Vyshej shkoly ekonomiki. 2022. Т. 15. № 5. С. 198–227.

Статья поступила в редакцию: 28.04.2025;
одобрена после рецензирования: 28.05.2025;
принята к публикации: 05.06.2025.

The article was submitted: 28.04.2025;
approved after reviewing: 28.05.2025;
accepted for publication: 05.06.2025.

УДК 341.1

DOI: 10.24412/2076-9113-2025-358-62-77

Р. Р. Исмаилов

Конституционный суд Азербайджанской Республики,

Баку, Азербайджан,

rovshan_ismayilov@constcourt.gov.az

ДЕЙСТВИЕ РЕШЕНИЙ ОРГАНОВ КОНСТИТУЦИОННОГО КОНТРОЛЯ ПО КРУГУ ЛИЦ: *INTER PARTES* ИЛИ *ERGA OMNES*

Аннотация. Статья посвящена исследованию действия решений органов конституционного контроля по кругу лиц, обычно обозначаемое как действие *inter partes* и *erga omnes*. Автор анализирует теоретические и практические аспекты данной проблемы, опираясь на примеры нормативной регламентации правовых систем США, Германии, Франции, Италии, Испании, Португалии и других стран. Особое внимание уделено влиянию принципа *stare decisis* в диффузной модели, а также концепции «негативного законодателя», характерной для централизованного контроля в странах континентального права. В работе показано, что граница между указанными подходами не является абсолютной, а конкретная правоприменительная практика обусловлена национальными особенностями и эволюцией конституционного контроля в различных странах. Выводы статьи подчеркивают необходимость дальнейшего изучения рассматриваемого вопроса в процессе адаптации традиционных моделей к реалиям современных правовых систем и разработки на этой основе более точных критериев разграничения моделей конституционного контроля.

Ключевые слова: конституционный контроль; *inter partes*; *erga omnes*; *stare decisis*; централизованная модель; диффузная модель.

UDC 341.1

DOI: 10.24412/2076-9113-2025-358-62-77

R. R. Ismailov

Constitutional Court of the Republic of Azerbaijan,

Baku, Azerbaijan,

rovshan_ismayilov@constcourt.gov.az

THE EFFECT OF DECISIONS OF CONSTITUTIONAL REVIEW BODIES ON PERSONS: *INTER PARTES* OR *ERGA OMNES*

Abstract. The article is devoted to the study of the action of decisions of constitutional control bodies on persons, including the distinction between the action *inter partes* and *erga omnes*. The author analyses theoretical and practical aspects of this problem, relying

on examples from the legal systems of the USA, Germany, France, Italy, Spain, Portugal and other countries. Special attention is paid to the influence of *stare decisis* in the diffuse model, as well as the concept of 'negative legislator', characteristic of centralised control in the countries with civil law systems. The article shows that the boundary between the above approaches is not absolute, and the specific law practice is conditioned by national peculiarities and evolution of constitutional control in different countries. The conclusions of the article emphasise the need for further study of the issue in question in the process of adapting traditional models to the realities of modern legal systems and developing on this basis more precise criteria for differentiating models of constitutional control.

Keywords: constitutional control; *inter partes*; *erga omnes*; *stare decisis*; centralised model; diffuse model.

Введение

Исследование различных аспектов деятельности органов конституционного контроля на протяжении многих лет основывается на широко распространенном мнении, согласно которому все системы конституционного контроля, так или иначе, могут быть отнесены к одной из двух моделей: диффузной или централизованной. В последние годы в научной доктрине этот подход все чаще ставится под сомнение [18; 4]. В частности, различные авторы разработали альтернативные указанному выше подходу предложения по моделированию конституционного контроля. Главная причина, по которой необходимо переосмыслить построение моделей конституционного контроля по органоцентрическому критерию на диффузную и централизованную, — это так называемые эмпирические проблемы [32, р. 161]. Их суть сводится к тому, что сконструированные модели не в состоянии адекватно отразить правовую реальность многообразия систем конституционного контроля, сложившихся в различных странах.

Следует отметить, что одним из критериев, регулярно используемых учеными для противопоставления диффузной и централизованной моделей конституционного контроля, является круг лиц, на которых распространяются решения органа, осуществляющего контроль. Соответственно, в рамках такой классификации можно выделить решения, действующие *in casu et inter partes*¹ [3, с. 309] (обычно именуемые *inter partes*), а также *erga omnes*² [3, с. 187]. В первом случае судебный акт имеет правовые последствия только для сторон в конкретном процессе, во втором он имеет общие последствия, применимые ко всем субъектам. При этом широко распространено мнение, что в системах конституционного контроля, придерживающихся диффузной модели, характерно действие *inter partes*, а для стран с централизованной моделью — действие *erga omnes* [17, р. 85–88; 8, с. 231–232; 6, с. 58; 1, с. 60; 5, с. 171; 9, с. 32, 40].

¹ Между сторонами по делу (*лат.*).

² По отношению ко всем; к каждому (*лат.*).

Кроме того, закон, признанный неконституционным с действием *inter partes*, считается недействительным в принципе, как не имеющий никаких последствий. То есть в данном случае решение имеет обратную силу в том смысле, что оно имеет последствия *ex tunc*³ [3, с. 205], а закон, объявленный неконституционным, считается никогда не существовавшим или никогда не имевшим юридической силы. Поэтому решение органа конституционного контроля имеет декларативные последствия, так как оно объявляет, декларирует ничтожность неконституционного закона.

С другой стороны, решение о неконституционности закона с действием *erga omnes* считается аннулируемым. Поэтому в данном случае решение, имея перспективное действие, характеризуется последствиями *ex nunc*⁴ [3, с. 204] или *pro future*⁵ [3, с. 510], а закон, признанный неконституционным, считается действующим вплоть до его отмены судом или до определенного им момента в будущем, но после принятия решения. Таким образом, в этом случае решение имеет конститутивные последствия — в том смысле, что закон становится неконституционным только после принятия решения.

Тем не менее это различие, связанное с правовыми последствиями судебного решения о неконституционности закона, не является абсолютным, как свидетельствует практика осуществления конституционного контроля в различных странах. Поэтому необходимо более подробно исследовать возможность использования (в качестве дополнительного) рассматриваемого критерия для дифференциации диффузной и централизованной моделей.

Основное исследование

Несмотря на то что в системах с диффузной моделью конституционного контроля решение имеет последствия *inter partes* (например, в США при принятии решения Верховным судом), практические последствия этого решения, в силу доктрины *stare decisis*, по сути, являются общими.

Формально решение, принятое Верховным судом США по конституционному вопросу, имеет значение только для сторон по делу. Закон, признанный неконституционным, не аннулируется судом, поскольку законодательный орган, его принявший, является единственным органом, уполномоченным на его отмену. Соответственно, такой закон продолжает действовать, несмотря на негативное решение о его действительности. Тем не менее, когда решение о неконституционности закона принимается Верховным судом, в отношении нижестоящих судов действует правило *stare decisis et non quita movere*⁶ [2, с. 142], согласно которому они обязаны следовать решению Верховного

³ С момента совершения (лат.).

⁴ С настоящего момента; с момента вынесения решения (лат.).

⁵ На будущее; в будущем (лат.).

⁶ Стоять на решенном и не нарушать спокойствие (лат.).

суда. На практике это означает, что данный закон, по существу, может считаться утратившим силу, поскольку после соответствующего решения Верховного суда, если в отношении этого нормативно-правового акта будут возбуждены другие дела в других судах, они будут обязаны их разрешать в соответствии с позицией вышестоящего суда [25, р. 611].

С другой стороны, необходимо учитывать, что Верховный суд, вынося решение о конституционности закона, толкует Конституцию, определяя содержание высшего закона страны. Учитывая принцип верховенства Конституции США, решения этого суда, содержащие выявленный смысл Основного закона, являются обязательными для всех государственных органов.

Этот вопрос был рассмотрен Верховным судом в деле «*Купер против Аарона*». Основанием для рассмотрения данного дела стала сложившаяся ситуация в некоторых южных штатах, в которых ряд должностных лиц, включая губернатора и членов законодательного собрания Арканзаса, отказались выполнять решение Верховного суда по делу «*Браун против Совета по образованию Топики*»⁷. Они настаивали на том, что штаты вправе не следовать решениям федеральных судов, если придут к выводу, что те противоречат Конституции.

Суд единогласно отверг это утверждение и подтвердил юридическую обязательность своего предыдущего решения по делу *Брауна* о недопустимости практики сегрегации в системе образования для органов всех ветвей власти в штатах, будь то законодательная, исполнительная или судебная власть. В частности, сославшись на решение по делу «*Марбери против Мэдисона*»⁸, суд указал, что это решение провозгласило основной принцип, согласно которому «федеральная судебная власть является верховной в толковании Конституции, и с тех пор этот принцип соблюдается этим судом и всей страной как постоянная и неотъемлемая черта нашей конституционной системы. Из этого следует, что толкование Четырнадцатой поправки, сформулированное этим судом в деле Брауна, является высшим законом страны, а ст. VI Конституции делает ее обязательной для штатов, несмотря на все положения Конституции или законов любого штата об обратном». Поэтому «конституционные права детей не подвергаться дискриминации при приеме в школу по признаку расы или цвета кожи, провозглашенные этим судом в деле Брауна, не могут быть отменены законодателями штата, его исполнительными или судебными органами ни открыто и прямо, ни косвенно, посредством уклончивых схем сегрегации»⁹.

Таким образом, в США, благодаря действию принципа *stare decisis*, предполагающего обязательную силу решений Верховного суда, обеспечивается единообразное истолкование Конституции, что, в свою очередь, позволяет избежать противоречивых решений судов по конституционным вопросам. При этом, правда, следует уточнить, что принцип *stare decisis* не является абсолютным.

⁷ Brown v. Board of Education of Topeka. 347 U.S. 483 (1954).

⁸ Marbury v. Madison. 5 U.S. (1 Cranch) 137 (1803).

⁹ Cooper v. Aaron. 358 U.S. 1 (1958).

Это проявляется в первую очередь в отношении самого Верховного суда. Как было указано судьей Л. Брендайзом в деле «*Burnet против Колорадо ойл энд газ*»: «*Stare decisis* не является, в отличие от правила *res judicata*, всеобщим и непреложным предписанием. ... В делах, затрагивающих Федеральную Конституцию, где исправление путем принятия законодательных мер практически невозможно, Суд часто отменял свои предыдущие решения. Суд склоняется перед уроками опыта и убедительностью рассуждений, признавая, что процесс проб и ошибок, столь плодотворный в физических науках, уместен и в судебной функции»¹⁰.

Тем не менее вплоть до изменения Верховным судом США своей правовой позиции, она, в силу действия принципа *stare decisis*, обязательна для нижестоящих судов и иных государственных органов. Таким образом, соответствующее решение данного суда, хоть и косвенно, но приобретает силу, сопоставимую с *erga omnes*, несмотря на то что формально действие такого решения ограничено сторонами по рассмотренному делу.

Что касается централизованной модели конституционного контроля, то и здесь не во всех случаях решения органов конституционного контроля обязательны для всех субъектов. Например, в некоторых системах контроля действие решения, принятого в порядке конкретного контроля, ограничивается только участниками процесса, в котором рассматривалась конституционность оспоренного закона.

Что касается обоснования необходимости распространения силы *erga omnes* на решения конституционных судов, то в литературе высказывалось мнение, что «с точки зрения государственного устройства наиболее важным элементом европейской модели защиты Конституции является абсолютный результат решения органа конституционного правосудия. Решение конституционного суда или трибунала имеет последствие *erga omnes*, то есть касается всех (а не только сторон осуществляемого в суде конституционного производства, как в американской модели)» [9, с. 40].

В этой связи следует отметить, что изначально концепция централизованного конституционного контроля, возложенного на специализированный суд, задумывалась Г. Кельзеном как осуществление не судебной функции (несмотря на название органа), а законодательной, как органа, принимающего «негативный акт законодательства»¹¹. Конституционный суд не должен выносить конкретных решений о неконституционности законов на основании каких-либо предположений об отдельном факте; это относится к компетенции органа, вносящего запрос о конституционности. Компетенция же конституционного суда ограничивается чисто абстрактным вопросом о наличии логического соответствия, которое должно существовать между проверяемым законом и конституцией.

¹⁰ Burnet v. Coronado Oil and Gas Co. 285 U.S. 393 (1932). P. 406.

¹¹ Kelsen H. La garantie juridictionnelle de la Constitution. La Justice constitutionnelle // Revue du droit public et de la science politique en France et à l'étranger. 1928. P. 224–226. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k9355286/f205.item> (дата обращения: 16.03.2025).

Соответственно, в этом чисто логическом суждении, для которого не характерно реальное применение закона в конкретном деле, речь не идет о судебной деятельности, подразумевающей разрешение спора. Поэтому Г. Кельзен указывает, что, когда конституционный суд объявляет закон неконституционным, его решение является проявлением законодательного действия, что, в свою очередь, дает основания предполагать, что решение конституционного суда имеет силу закона. В связи с этим считается, что до принятия этого решения закон является действительным, а судьи судов общей юрисдикции обязаны его применять¹².

Г. Кельзен разработал эту концепцию в качестве ответа на возможные возражения, которые мог бы вызвать судебный контроль за конституционностью законов, учитывая идею верховенства парламента, широкую распространенную в правовой доктрине большинства европейских стран начала прошлого века. Таким образом, запрещая судьям общих судов воздерживаться от применения не соответствующих Конституции законов и одновременно предоставляя конституционному суду право признавать закон неконституционным с действием *erga omnes*, с одной стороны, обеспечивались требования доктрины верховенства парламента, а с другой — гарантировался примат Конституции над законом.

В результате конституционный суд, вместо того чтобы конкурировать с парламентом, становится его логическим дополнением. Его функция сводилась к решению вопросов о действительности закона на основе рациональной логики, без всякой необходимости разрешать конкретные споры, выступая в качестве негативного законодателя. Поэтому законодательная власть для Г. Кельзена делилась на два органа: первым был собственно парламента, являющийся носителем политической инициативы, так называемый позитивный законодатель; вторым — конституционный суд, наделенный полномочиями отменять законы, противоречащие конституции. Вполне естественно, что рамках данной концепции конституционный суд представляется конституционным органом, отделенным от судебной ветви власти¹³.

Как бы то ни было, сегодня, несмотря на то что практически повсеместно [15, р. 1218–1219] признается скорее судебный, а не законодательный характер деятельности конституционных судов, концепция данного органа, рассматриваемого в качестве суда, который, как правило, не входит в судебную систему страны, преобладает в правовой доктрине стран континентальной Европы. Вместе с тем именно качество «негативного законодателя» позволяет конституционным судам выносить решения, имеющие общеобязательную силу *erga omnes*. Признанный неконституционным закон фактически отменен, так как ни один суд или иной правоприменительный орган не вправе его применять [23, р. 9]. В этой связи следует указать на мнение итальянского ученого А. Пиццоруссо, отмечавшего, что источниками права являются только те, которые устанавливают нормы, которые обладают характером *erga omnes*,

¹² Kelsen H. La garantie juridictionnelle de la Constitution. P. 224–225.

¹³ Ibid. P. 223. (дата обращения: 16.03.2025).

в отношении всех субъектов правовой системы (хотя они не обязательно применимы к каждому из этих субъектов) [27, р. 15].

Таким образом, присущее странам романо-германской семьи права понимание принципов верховенства парламента и демократической легитимности публичной власти, которая в судебной системе проявляется косвенно и может быть достигнута путем строгого применения законов, принятых демократически избранными представительными органами [26, р. 66], предопределяет ситуацию, когда не суд общей юрисдикции, а лишь исключительно специализированный орган конституционного контроля имеет право принимать решение о соответствии парламентского акта конституционному правопорядку страны. Соответственно, решения этого органа о неконституционности общей нормы имеют общий эффект (*erga omnes*) в правовом порядке и, являются обязательными для любого органа государственной власти, будь то это законодательная, исполнительная или судебная власть. Данный подход присущ законодательству таких стран, как Венгрия¹⁴, Германия¹⁵, Испания¹⁶, Польша¹⁷, Франция¹⁸, Чехия¹⁹ и многих других.

Однако, несмотря на то что признак общеобязательности решений конституционного суда является важнейшей отличительной чертой централизованной модели, конституционная и законодательная практика ряда государств свидетельствует, что в определенных случаях решения конституционных судов носят характер *inter partes*, т. е. обязательны лишь для соответствующих участников конституционного дела.

При этом, правда, следует отметить, что практически во всех системах конституционного контроля, организованных по данной модели, проверка

¹⁴ См. ст. 39(1) Закона о Конституционном суде Венгрии // Act CLI of 2011 on the Constitutional Court. URL: <https://hunconcourt.hu/act-on-the-cc/#:~:text=search-,act%20on%20the%20CC,-Act%20CLI%20of/> (дата обращения: 16.03.2025).

¹⁵ См. ст. 31 Закона о Федеральном Конституционном суде Германии // Federal Constitutional Court Act in the version of 11 August 1993 (Federal Law Gazette I p. 1473), last amended by Article 46 of the Act of 12 July 2024 (Federal Law Gazette I no. 234). URL: https://www.gesetze-im-internet.de/englisch_bverfgg/englisch_bverfgg.html (дата обращения: 16.03.2025).

¹⁶ См. ст. 38 (1) Органического закона о Конституционном суде Испании // Ley Orgánica 2/1979, de 3 de octubre, del Tribunal Constitucional. URL: <https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-1979-23709> (дата обращения: 16.03.2025). См. также: ст. 5(1) Органического закон о судебной власти, которая обязывает суды следовать толкованию конституционных положений и принципов, изложенных в решениях Конституционного суда // Ley Orgánica 6/1985, de 1 de julio, del Poder Judicial. URL: <https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-1985-12666> (дата обращения: 16.03.2025).

¹⁷ См. ст. 190(1) Конституции Республики Польша // The Constitution of the Republic of Poland of 2nd April, 1997. URL: <https://www.sejm.gov.pl/prawo/konst/angielski/kon1.htm/> (дата обращения: 16.03.2025).

¹⁸ См. ст. 62 Конституции Франции // Constitution du 4 octobre 1958. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000000571356/> (дата обращения: 16.03.2025).

¹⁹ См. ст. 89(2) Чешской Республики // Ústava České republiky ze dne 16. prosince 1992 ústavní zákon č. 1/1993 Sb. ve znění ústavního zákona č. 347/1997 Sb., 300/2000 Sb., 448/2001 Sb., 395/2001 Sb., 515/2002 Sb., 319/2009 Sb., 71/2012 Sb. a 98/2013 Sb. URL: <https://www.psp.cz/docs/laws/constitution.html> (дата обращения: 16.03.2025).

конституционности закона, осуществленная в порядке абстрактного контроля, завершившаяся признанием данного акта неконституционным, оформляется решением конституционного суда, имеющего силу *erga omnes*. Считается, что в таких делах процессуальные отношения складываются не между истцом и ответчиком, а фактически между заявителем и законом, конституционность которого оспаривается. В данном случае процесс рассматривается как объективный, а не субъективный. Поэтому, если в результате соответствующей проверки конституционности закона будет установлено его несоответствие конституции, последствия такого решения обязательно должны быть *erga omnes* и не могут быть *inter partes* из-за отсутствия истца и ответчика [13, р. 193].

Единственным исключением является опыт Монголии, где сохранены некоторые элементы парламентского контроля за конституционностью. Поэтому решения Конституционного суда данного государства не вступают в силу по их принятию, а направляются, согласно требованиям статьи 66 Конституции²⁰, в Великий государственный хурал, который в течение 15 дней выносит постановление о принятии решения Конституционного суда²¹. В противном случае оно направляется в конституционный суд, который пересматривает весь спор с самого начала. Если основания для отклонения Великим хуралом подтвердятся, Конституционный суд выносит постановление об отмене своего решения.

Сходная ситуация существовала в Польше также в период между 1988 и 1997 годами, когда сейм был наделен правом отменять решения Конституционного трибунала большинством в две трети голосов [31, р. 624].

Относительно решений конституционного суда, принятых в порядке конкретного контроля, также считается, что они должны иметь силу *erga omnes*. Объясняется это тем, что решение конституционного суда сосредоточено на аспектах, касающихся только права, а не фактов, то есть при формировании своей позиции по делу суд не ограничивается конкретным процессом и сторонами, в которых изначально был поднят конституционный вопрос [13, р. 194].

Поэтому в рамках и конкретного контроля, начатого по запросу судов общей юрисдикции, конституционный суд решает поднятый вопрос о конституционности закона абстрактно, не обращаясь ни к фактам, ни к конкретному процессу, в котором может быть поднят конституционный вопрос. Этот вопрос рассматривается не столько для того, чтобы разрешить конкретное дело между сторонами, а для обеспечения верховенства конституции. Таким образом, логика осуществления конституционного контроля в таких странах, как Германия, Австрия, Российская Федерация, Азербайджанская Республика и многих других, в которых сформирована централизованная модель, заключается в том, что решение конституционного суда должно носить характер всеобщего применения, распространяясь на все государственные органы и, таким образом, иметь силу *erga omnes*.

²⁰ Конституция Монгольской Народной Республики // Конституции государств Азии: в 3 т. / под ред. Т. Я. Хабриевой. М., 2010.

²¹ The Law on Constitutional Court Procedure. URL: <https://en.constitutionalcourt.mn/the-law-o-constitutional-court-procedure/> (дата обращения: 16.03.2025).

Однако, как уже отмечалось, опыт отдельных государств европейской модели конституционного контроля свидетельствует, что данный принцип применительно к решениям, принятым в порядке конкретного контроля, соблюдается не всегда.

В частности, Конституционный суд Люксембурга, уполномоченный проверять соответствие законов Конституции страны только в контексте запросов, внесенных судами общей юрисдикции, принимает решения обязательные не для всех судей, а лишь для того судьи, кто непосредственно внес запрос, а также для судей иных судов в дальнейшем призванных вынести решение по этому же делу [24, р. 231]²². Соответственно, признание закона неконституционным не влечет утрату им силы, а данное решение суда имеет силу *inter partes*²³.

В определенной степени сходным образом, в Бельгии при проверке конституционности законов в рамках конкретного контроля, инициированного судами общей юрисдикции, решения Конституционного суда о неконституционности закона обязательны для судьи, внесшего запрос, а также для всех тех судов, которые впоследствии должны вынести решение по тому же делу, то есть делу, с участием одних и тех же сторон и по поводу того же предмета (например, в Апелляционном суде) [20, р. 91; 29, р. 56]²⁴. Такое решение Конституционного суда, впрочем, в силу положений § 2 статьи 26 Специального закона о Конституционном суде освобождают суды общей юрисдикции от обязанности вносить впоследствии запрос об оспаривании данного закона уже признанного неконституционным. Более того, Кассационный суд Бельгии в одном из своих решений постановил, что во всех случаях, когда предмет тождественен уже решенному Конституционным судом вопросу о неконституционности закона, судья не может применять норму этого закона [25, р. 611].

В то же время § 2 статьи 4 указанного закона наделяет ряд субъектов правом оспаривания *in abstracto* конституционности закона, признанного ранее Конституционным судом, не соответствующим Конституции на основе запроса суда общей юрисдикции [21, р. 313]. К числу этих субъектов относятся Совет министров, правительство сообщества или региона, председателей законодательных собраний по требованию двух третей их членов или любое физическое или юридическое лицо, имеющее законный интерес. При этом Закон также устанавливает, что указанное право может быть реализовано не ранее 6 месяцев с момента официального опубликования решения Конституционного суда о неконституционности закона. В результате данной процедуры оспариваемый закон может быть отменен полностью [12, р. 112–113; 19, р. 119–120].

²² Loi du 27 juillet 1997 portant organisation de la Cour Constitutionnelle: Version consolidée applicable au 03/07/2023. URL: <https://legilux.public.lu/eli/etat/leg/loi/1997/07/27/n6/consolide/20230703> (дата обращения: 16.03.2025).

²³ European Commission for Democracy through Law (Venice Commission). Decisions of constitutional courts and equivalent bodies and their execution. Report adopted by the Commission at its 46th plenary meeting (Venice, 9–10 March 2001). URL: [https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-INF\(2001\)009-e](https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-INF(2001)009-e) (дата обращения: 16.03.2025).

²⁴ См статью 28 Специального акта о Конституционном суде. URL: <https://www.const-court.be/en/court/basic-text#2-legislation-organique> (дата обращения: 16.03.2025).

В Португалии в рамках процедуры конкретного контроля решение Конституционного суда по вопросу о конституционности нормы применяется только к делу, послужившему основанием для начала конституционного производства (ч. 1 ст. 80 Закона о Конституционном суде Португалии)²⁵. То есть, если оспоренная норма признается не соответствующей Конституции, суд общей юрисдикции не вправе ее применить в данном конкретном споре.

Однако, если одна и та же норма будет признана неприменимой в связи с ее неконституционностью не менее чем в трех разных делах, то по инициативе одного из судей Конституционного суда или Генерального прокурора Конституционный суд вправе начать процедуру абстрактного контроля (ст. 82 Закона о Конституционном суде Португалии). В случае, если на пленарном заседании суда норма будет признана не соответствующей Конституции, решение об этом имеет такую же силу, как любое иное решение, принятое в порядке абстрактного контроля — *erga omnes*²⁶.

Здесь следует отметить, что указанные выше правовые регулирования охватывают случаи действия решений конституционных судов о признании оспариваемого закона неконституционным. Ситуация может быть совершенно иной при вынесении решения органа конституционного контроля об отказе признать неконституционность обжалуемого закона. В частности, законодательство ряда стран допускает в таких случаях повторное оспаривание закона, признанного ранее соответствующим конституции при условии обоснования жалобы или запроса новыми аргументами, не рассмотренными ранее конституционным судом. С другой стороны, если суд проверяет закон не только в рамках конкретных аргументов, приведенных заявителями, но и в свете иных, дополнительных доводов, выдвигаемых судом по собственной инициативе, его вывод о конституционности закона выглядит более убедительным [23, р. 9].

В целом же асимметрия между решениями, оформляющими негативный или позитивный результат проверки конституционности законов в различных странах, существенно варьируется. Так, в Португалии только решения о признании неконституционности, принятые в результате инициирования управомоченными субъектами абстрактного контроля имеют силу *erga omnes* [10, р. 700].

В Италии данное утверждение справедливо лишь в отношении решений Конституционного суда о признании нормы неконституционной. Иначе говоря, определяющее значение имеет не процедура, используемая при оспаривании, а содержание итогового решения суда по делу. В частности, так называемое отказное решение (*sentenze di rigetto*), в котором Конституционный суд не выявляет нарушение Конституции по запросу суда общей юрисдикции, имеет обязательное значение для внесшего запрос судьи и связывает его только в рамках рассматриваемого им дела, да и то лишь в отношении оснований, приведенных в запросе [11, р. 82; 30, р. 192–193].

²⁵ Law of the Constitutional Court. Law no. 28/82, of 15 November. URL: <https://www.tribunalconstitucional.pt/tc/content/files/en/lawoftheconstitutionalcourt.pdf> (дата обращения: 16.03.2025).

²⁶ Ibid (дата обращения: 16.03.2025).

Следует, однако отметить, что данный вопрос изначально не однозначно воспринимался в правовой доктрине. Так, профессор П. Каламандреи утверждал, что отказные решения должны восприниматься как аутентичные толкования Конституции, которые призваны препятствовать возможности оспаривания в последующем и, следовательно, имеют силу *erga omnes* [14, p. 71]²⁷. Тем не менее Конституционный суд пришел к противоположному выводу. Действие его решения об отсутствии оснований для признания нормы неконституционной ограничивается основным процессом, в котором этот вопрос был впервые поднят; следовательно, это решение имеет обязательную силу только для конкретного дела. Для обоснования данной позиции было отмечено, что, поскольку в целом для итальянской правовой системы присуще ограничение действия судебных решений рамками конкретного дела, норма статьи 136 Конституции, которая придает решениям Конституционного суда о неконституционности норм права силу *erga omnes*, имеет исключительный характер, который не может быть объектом расширительного толкования. В результате действие решений *erga omnes* не может быть применено к отказным решениям [16, p. 56–57].

Данное положение применяется и в отношении так называемых отказных толковательных решений (*sentenza interpretativa di rigetto*) [7, с. 50]. С помощью таких решений суд указывает судье, внесшему запрос, альтернативное толкование нормы, соответствующее Конституции, и тем самым отказывается признать норму неконституционной. Поэтому отказные толковательные решения для других судей обладают не обязательным, а убеждающим воздействием. Это означает, что эффективность отказных решений, в которых итальянский Конституционный суд в результате осуществленного им конформного толкования, указывает на то, что он считает единственно правильной и соответствующей Конституции интерпретацией нормы, зависит от того, согласятся ли с этим толкованием суды общей юрисдикции, и в первую очередь Кассационный суд.

В судебной практике Италии был случай, когда в возникшем конфликте между высшими судами по этому вопросу Конституционный суд был вынужден уступить Кассационному суду. Речь идет об отсутствии согласия указанных судов о толковании ст. 303 Уголовно-процессуального кодекса, связанной с исчислением максимального срока предварительного заключения [33, p. 128–129]. В 1998 г. Конституционный суд вывел, соответствующее статьям 3 и 13 Конституции толкование ст. 303 кодекса²⁸. Кассационный суд, усомнившись в правильности такого толкования, считая норму неконституционной, оспорил ее в Конституционном суде. Однако орган конституционного контроля отклонил запрос, повторив, что ст. 303 Уголовно-процессуального кодекса следует толковать в соответствии с ранее изложенными позициями Конституционного суда, при этом указав, что данная норма не является неконституционной²⁹.

²⁷ Calamandrei P. La illegittimità costituzionale delle leggi nel processo civile. 1950. P. 71.

²⁸ Corte Costituzionale. Sentenza 292/1998. 7 luglio 1998. URL: https://www.cortecostituzionale.it/actionSchedaPronuncia.do?param_ecli=ECLI:IT:COST:1998:292 (дата обращения: 16.03.2025).

²⁹ Corte Costituzionale. Ordinanza 335/2003. 27 ottobre 2003. URL: https://www.cortecostituzionale.it/actionSchedaPronuncia.do?param_ecli=ECLI:IT:COST:2003:335.

Кассационный суд отказался следовать этому толкованию, отметив, что «отказные толковательные решения Конституционного суда не обладают силой *erga omnes*. В этом отношении они отличаются от выводов Конституционного суда о неконституционности оспариваемого положения. Первые содержат только вывод об отсутствии неконституционности и являются определяющими только для дела, в связи с которым был поднят вопрос о конституционности. Во всех остальных случаях обычные судьи сохраняют свои полномочия и обязанность (предусмотренные ст. 101 ч. 2 Конституции) автономно толковать содержание правовых норм»³⁰.

В итоге Конституционный суд был вынужден уступить и в решении от 22 июля 2005 признал ст. 303 Уголовно-процессуального кодекса Италии неконституционной, согласившись с аргументацией Кассационного суда³¹.

Наряду с этим для целого ряда стран нехарактерно установление различного действия для решений конституционных судов в зависимости от признания или непризнания оспоренного акта неконституционным. Так, в Испании эти решения, согласно статье 38 Органического закона о Конституционном суде, обязательны для всех публичных властей и порождают общие правовые последствия со дня их опубликования в «Официальном бюллетене государства» [23, р. 170], а в Германии, в соответствии со статьей 31.1 Закона о Федеральном Конституционном суде имеют силу закона и поэтому обязательны для всех субъектов права [22, р. 329–331].

Результаты исследования

Проведенное исследование показало, что действие решений органов конституционного контроля по кругу лиц может варьироваться в зависимости от модели контроля и национальных правовых традиций. Хотя традиционно принято считать, что диффузная модель предполагает действие решений органов конституционного контроля *inter partes*, а централизованная — *erga omnes*, анализ законодательства и правовой практики различных стран свидетельствует о существовании многочисленных исключений по данному вопросу.

В странах с диффузной моделью, таких как США, механизм *stare decisis* фактически приводит к тому, что решения Верховного суда оказывают влияние, аналогичное действию *erga omnes*. В централизованных системах, напротив, встречаются случаи, когда решения конституционных судов носят ограниченный характер и применяются только к конкретным субъектам, участвовавшим в рассмотрении дела.

³⁰ Corte di Cassazione, Sezioni unite penali. Sentenza 17 maggio 2004 n. 23016. URL: https://www.associazionedeicostituzionalisti.it/old_sites/sito_AIC_2003-2010/cronache/giurisprudenza_costituzionale/200423016/sent_23016_2004.pdf (дата обращения: 16.03.2025).

³¹ Corte Costituzionale. Sentenza 299/2005. 7 luglio 2005. URL: <https://www.cortecostituzionale.it/stampaPronunciaServlet?anno=2005&numero=299&tipoView=P&tipoVisualizzazione=O> (дата обращения: 16.03.2025).

Различные государства выработали собственные подходы к разграничению правовых последствий решений органов конституционного контроля, включая ограничение их обязательности и привязку к конкретным процедурам судебного контроля. Таким образом, строгое противопоставление действия правил *inter partes* и *erga omnes* применительно к актам органов конституционного контроля утрачивает абсолютный характер и требует дальнейшего осмысления в контексте конкретных национальных систем.

Вышеизложенное еще раз свидетельствует и о необходимости более тщательного подхода при определении точных критериев при конструировании различных моделей конституционного контроля.

Список источников

1. Березин Ю. Б. Конституционно-правовой статус органов конституционного контроля в европейских странах: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2006. 234 с.
2. Бернам У. Правовая система США. М.: Новая юстиция, 2007. 1211 с.
3. Душенко К. В., Багриновский Г. Ю. Большой словарь латинских цитат и выражений. М.: КоЛибри, 2017. 909 с.
4. Исмаилов Р. Р. Перспективы европейской модели конституционного контроля // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2024. Т. 20. № 1. С. 32–41.
5. Миряшева Е. В., Павликов С. Г., Сафонов В. Е. Судебный конституционный контроль в России и зарубежных странах: история и современность. / М.: Российский государственный университет правосудия, 2015. 303 с.
6. Молотов А. В. Абстрактный и конкретный судебный конституционный нормоконтроль в деятельности Конституционного Суда Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2003. 229 с.
7. Раффайнер Ш. «Иной мир» государственного иммунитета в германо-итальянском споре об иммунитете государства: возможности и препятствия после решения итальянского Конституционного Суда // Дайджест публичного права. 2019. №. 1. С. 42–71.
8. Сравнительное конституционное право / Б. Н. Топорнин [и др.]. М.: Манускрипт, 1996. 728 с.
9. Шиманек Я. Конституционное правосудие постсоветских государств на фоне модельных решений в сфере внепарламентского контроля конституционности права // Конституционная юстиция в странах Восточной Европы: проблемы теории и практики. М.: Норма, 2019. С. 20–60.
10. Amaral M., Pereira R. The Portuguese Constitutional Court // Constitutional Adjudication: Institutions. Oxford: Oxford University Press, 2020. S. 673–718.
11. Italian constitutional justice in global context / V. Barsotti [i dr.]. Oxford: Oxford University Press, 2017. 324 s.
12. Behrendt Ch. The Belgian Constitutional Court // Constitutional Adjudication: Institutions. Oxford: Oxford University Press, 2020. S. 71–117.
13. Brewer-Carías A. Judicial Review in Comparative Law. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. 432 s.

14. Calamandrei P. La illegittimità costituzionale delle leggi nel processo civile. Padova: Cedam, 1950. 98 s.
15. Cappelletti M., Adams J. Judicial review of legislation: European antecedents and adaptations // *Harvard Law Review*. 1966. Vol. 79. S. 1207–1224.
16. Cappelletti M. La justicia constitucional en Italia // *Boletín del Instituto de Derecho Comparado de México*. 1960. Vol. 13. S. 41–57.
17. Cappelletti M. Judicial review in the contemporary world. Indianapolis: Bobbs-Merrill, 1971. 117 s.
18. da Silva V. A. Beyond Europe and the United States: the wide world of judicial review // *Comparative Judicial Review*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2018. S. 318–336.
19. Debaenst B. An Introduction to Belgian Legal Culture // *Handbook on Legal Cultures: A Selection of the World's Legal Cultures*. Cham: Springer Publishing, 2023. S. 107–144.
20. de Jaegere J. Judicial review and strategic behaviour: an empirical case law analysis of the Belgian Constitutional Court. Cambridge: Intersentia, 2019. 368 s.
21. de Visser M. Constitutional Review in Europe: A Comparative Analysis. Oxford: Hart Publishing, 2014. 484 s.
22. Farahat A. The German Federal Constitutional Court // *Constitutional Adjudication: Institutions*. Oxford: Oxford University Press, 2020. S. 279–355.
23. Ferreres Comella V. Constitutional courts and democratic values a European perspective. New Haven: Yale University Press, 2009. 256 s.
24. Gerkrath J. The constitution of Luxembourg in the context of EU and international law as «Higher Law» // *National Constitutions in European and Global Governance: Democracy, Rights, the Rule of Law*. The Hague: Asser Press, 2019. S. 221–267.
25. Kauper P. Judicial Review of Constitutional Issues in the United States // *Verfassungsgerichtsbarkeit in der Gegenwart*. (Internationalen Kolloquium, Heidelberg 1961). Köln – Berlin: C. Heymann's Verlag. S. 568–642.
26. Kommers D., Miller R. The constitutional jurisprudence of the Federal Republic of Germany. Durham: Duke University Press, 2012. 900 s.
27. Pizzorusso A. Delle Fonti del Diritto. Commentario del Codice Civile, Art. 1–9. Bologna, 1977. S. 15.
28. Pfersmann O. Classifications organocentriques et classifications normocentriques de la justice constitutionnelle en droit comparé // *En hommage à Francis Delpérée — Itinéraires d'un constitutionnaliste*. Bruxelles/Paris: Bruylant/LGDJ, 2007. S. 1131–1145.
29. Popelier P., Martens L. The Belgian Constitutional Court: Navigating between constitutional rights and consociational politics // *Constitutional Review in Western Europe: judicial-legislative relations in comparative perspective*. Abingdon: Routledge, 2024. S. 52–76.
30. Rullo L. The Italian Constitutional Court: A powerful political institution // *Constitutional Review in Western Europe: judicial-legislative relations in comparative perspective*. Abingdon: Routledge, 2024. S. 191–214.
31. Tuleja P. The Polish Constitutional Tribunal // *Constitutional Adjudication: Institutions*. Oxford: Oxford University Press, 2020. S. 619–672.
32. Tusseau G. Au-delà des «modèles» de justice constitutionnelle, pour un comparatisme pragmatiste // *Metodologia della comparaisons*. Lo studio dei sistemi giudiziari nel contesto euro-americano. Bologna: Filodiritto Editore, 2014. S. 160–175.

33. Valentini C. Italy: Constitutionally Conforming Interpretation and Judicial Dialogue // *Constitutionally Conforming Interpretation: Comparative Perspectives*. Oxford: Hart Publishing, 2023. S. 111–136.

References

1. Berezin Yu. B. Konstitucionno-pravovoj status organov konstitucionnogo kontrolya v evropejskix stranax: dis. ... kand. jurid. nauk. Ekaterinburg, 2006. 234 p.
2. Bernam W. Pravovaya sistema USA. M.: Novaya yustitsiya, 2006. 1211 p.
3. Dushenko K. V., Bagrinovskij G. Yu. Bol'shoj slovar' latinskix tsitat i vyrazhenij. M.: Azbuka-Attikus, 2017. 909 s.
4. Ismailov R. R. Perspektivy` evropejskoj modeli konstitucion-nogo kontrolya // *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatelstva i sravnitel'nogo pravovedeniya*. 2024. T. 20. № 1. S. 32–41.
5. Miryasheva E. V., Pavlikov S. G., Safonov V. E. Sudebny'j konstitucionny'j kontrol' v Rossii i zarubezhny'x stranax: istoriya i sovremennost. M.: Rossijskij gosudarstvenny universitet pravosudia, 2015. 303 s.
6. Molotov A. V. Abstraktny'j i konkretny'j sudebny'j konstituci-onny'j normokontrol' v deyatel'nosti Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii: dis. ... kand. jurid. nauk. Tumen, 2003. 229 s.
7. Raffeiher S. «Inoj mir» gosudarstvennogo immuniteta v ger-mano-ital'yanskom spore ob immunitete gosudarstva: vozmozhnosti i prepyatstviya posle resheniya ital'yanskogo Konstitucionnogo Suda // *Dajdzhest publichnogo prava*. 2019. №. 1. S. 42–71.
8. Sravnitel'noe konstitucionnoe pravo / B. N. Topornin [i dr.]. M.: Manuskript, 1996. 728 s.
9. Shimanek Ya. Konstitucionnoe pravosudie postsovetskix gosudarstv na fone model'ny'x reshenij v sfere vneparlamentskogo kontrolya konstitucionnosti prava // *Konstitucionnaya yusticiya v stranax Vostochnoj Evropy': problemy' teorii i praktiki*. M.: Norma, 2019. S. 20—60.
10. Amaral M., Pereira R. The Portuguese Constitutional Court // *Constitutional Adjudication: Institutions*. Oxford: Oxford University Press, 2020. S. 673–718.
11. Italian constitutional justice in global context / V. Barsotti [i dr.]. Oxford: Oxford University Press, 2017. 324 s.
12. Behrendt Ch. The Belgian Constitutional Court // *Constitutional Adjudication: Institutions*. Oxford: Oxford University Press, 2020. S. 71–117.
13. Brewer-Carías A. *Judicial Review in Comparative Law*. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. 432 s.
14. Calamandrei P. *La illegittimità costituzionale delle leggi nel processo civile*. Padova: Cedam, 1950. 98 s.
15. Cappelletti M., Adams J. Judicial review of legislation: European antecedents and adaptations // *Harvard Law Review*. 1966. Vol. 79. S. 1207–1224.
16. Cappelletti M. La justicia constitucional en Italia // *Boletin del Instituto de Derecho Comparado de Mexico*. 1960. Vol. 13. S. 41–57.
17. Cappelletti M. *Judicial review in the contemporary world*. Indianapolis: Bobbs-Merrill, 1971. 117 s.
18. da Silva V. A. Beyond Europe and the United States: the wide world of judicial review // *Comparative Judicial Review*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2018. S. 318–336.

19. Debaenst B. An Introduction to Belgian Legal Culture // *Handbook on Legal Cultures: A Selection of the World's Legal Cultures*. Cham: Springer Publishing, 2023. S. 107–144.
20. de Jaegere J. Judicial review and strategic behaviour: an empirical case law analysis of the Belgian Constitutional Court. Cambridge: Intersentia, 2019. 368 s.
21. de Visser M. Constitutional Review in Europe: A Comparative Analysis. Oxford: Hart Publishing, 2014. 484 s.
22. Farahat A. The German Federal Constitutional Court // *Constitutional Adjudication: Institutions*. Oxford: Oxford University Press, 2020. S. 279–355.
23. Ferreres Comella V. Constitutional courts and democratic values a European perspective. New Haven: Yale University Press, 2009. 256 s.
24. Gerkrath J. The constitution of Luxembourg in the context of EU and international law as «Higher Law» // *National Constitutions in European and Global Governance: Democracy, Rights, the Rule of Law*. The Hague: Asser Press, 2019. S. 221–267.
25. Kauper P. Judicial Review of Constitutional Issues in the United States // *Verfassungsgerichtsbarkeit in der Gegenwart*. (Internationalen Kolloquium, Heidelberg 1961). Köln – Berlin: C. Heymann's Verlag. S. 568–642.
26. Kommers D., Miller R. The constitutional jurisprudence of the Federal Republic of Germany. Durham: Duke University Press, 2012. 900 s.
27. Pizzorusso A. Delle Fonti del Diritto. Commentario del Codice Civile, Art. 1–9. Bologna, 1977. S. 15.
28. Pfersmann O. Classifications organocentriques et classifications normocentriques de la justice constitutionnelle en droit comparé // *En hommage à Francis Delpérée — Itinéraires d'un constitutionnaliste*. Bruxelles/Paris: Bruylant/LGDJ, 2007. S. 1131–1145.
29. Popelier P., Martens L. The Belgian Constitutional Court: Navigating between constitutional rights and consociational politics // *Constitutional Review in Western Europe: judicial-legislative relations in comparative perspective*. Abingdon: Routledge, 2024. S. 52–76.
30. Rullo L. The Italian Constitutional Court: A powerful political institution // *Constitutional Review in Western Europe: judicial-legislative relations in comparative perspective*. Abingdon: Routledge, 2024. S. 191–214.
31. Tuleja P. The Polish Constitutional Tribunal // *Constitutional Adjudication: Institutions*. Oxford: Oxford University Press, 2020. P. 619–672.
32. Tusseau G. Au-delà des «modèles» de justice constitutionnelle, pour un comparatisme pragmatiste // *Metodologia della comparaisons. Lo studio dei sistemi giudiziari nel contesto euro-americano*. Bologna: Filodiritto Editore, 2014. S. 160–175.
33. Valentini C. Italy: Constitutionally Conforming Interpretation and Judicial Dialogue // *Constitutionally Conforming Interpretation: Comparative Perspectives*. Oxford: Hart Publishing, 2023. S. 111–136.

Статья поступила в редакцию: 28.04.2025;
одобрена после рецензирования: 28.05.2025;
принята к публикации: 05.06.2025.

The article was submitted: 28.04.2025;
approved after reviewing: 28.05.2025;
accepted for publication: 05.06.2025.

УДК 340

DOI: 10.24412/2076-9113-2025-359-78-85

З. Ш. Матчанова

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
Санкт-Петербург, Российская Федерация,
zoza2310@yandex.ru

РЕГУЛЯРНЫЙ И ИНИЦИАТИВНЫЙ КОНТРОЛЬ МОТ КАК ОСНОВНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО КОНТРОЛЯ В СФЕРЕ ТРУДА

Аннотация. Статья посвящена исследованию отдельных элементов системы международного контроля в сфере труда.

Целью работы являлось раскрытие содержания регулярного и инициативного контроля МОТ (Международная организация труда). Были поставлены и решены следующие исследовательские задачи: описать проблемы, препятствующие реализации трудовых прав; охарактеризовать основные стадии регулярного контроля; рассмотреть механизм инициативного контроля; выявить основное содержание деятельности экспертов МОТ в исследуемой сфере.

В результате исследования установлено, какие обстоятельства социальной действительности могут служить препятствием для эффективной реализации права на труд; дана характеристика регулярного и инициативного контроля в рамках деятельности МОТ; кратко представлена процедура, осуществляемая экспертами МОТ. Отмечено также, что в процессе международного контроля реализуется принцип трипартизма.

Ключевые слова: трудовые права; международные нормы в сфере труда; нарушение норм; регулярный контроль; инициативный контроль; стадии контроля; Международная организация труда.

UDC 340

DOI: 10.24412/2076-9113-2025-359-78-85

Z. Sh. Matchanova

Herzen State Pedagogical University of Russia,
Saint Petersburg, Russian Federation,
zoza2310@yandex.ru

REGULAR AND PROACTIVE ILO MONITORING AS THE MAIN ELEMENTS OF THE INTERNATIONAL LABOUR CONTROL SYSTEM

Abstract. The article is devoted to the study of individual elements of the international labor control system.

The purpose of the work was to disclose the content of the regular and proactive monitoring of the ILO (International Labour Organization). The following research objectives

were set and solved: to describe the problems impeding the realization of labor rights; to characterize the main stages of regular monitoring; to consider the mechanism of proactive control; to identify the main content of the activities of ILO experts in the field under study.

As a result of the study, it was established which circumstances of social reality can serve as an obstacle to the effective realization of the right to work; the characteristics of regular and proactive monitoring within the framework of ILO activities are given; the procedure carried out by ILO experts is briefly presented. It was also noted that the principle of tripartism is implemented in the process of international control.

Keywords: labor rights; international labor standards; violation of norms; regular control; initiative control; stages of control; International labor organization.

Введение

Международное сообщество выработало обширный круг прав и свобод в области труда, что, безусловно, является серьезным достижением в деле продвижения прав и свобод человека и гражданина в целом. Эффективная защита закрепленных на международном уровне трудовых прав человека — важная, но крайне непростая задача.

Международный контроль за соблюдением норм в сфере труда весьма разнообразен по формам и механизмам. В общем виде к нему можно отнести все существующие на универсальном и региональном уровнях международные правозащитные механизмы. Однако международный контроль в названной сфере включает и специфические элементы, выработанные в рамках одного из специализированных учреждений Организации Объединенных Наций — Международной организации труда [7]. Отдельного внимания заслуживают, на наш взгляд, регулярный (именуемый также постоянным или текущим) и инициативный контроль, реализуемые МОТ.

Степень научной разработанности темы

Вопросам защиты трудовых прав человека уделяется внимание как в рамках международного права, касающегося прав человека, так и в международном трудовом праве. Исследуются в науке и общие вопросы, относящиеся к институту международного контроля за соблюдением норм международного права.

Ведущими авторами в области различных аспектов международного трудового права в современный период являются Д. К. Бекашев [2], К. Н. Гусов [3], Н. Л. Лютов [3; 8], П. Е. Морозов [8], Д. В. Черняева [9] и другие, к работам которых мы обращались и при подготовке данной статьи.

Несмотря на хорошую проработку широкого спектра вопросов в области международно-правового регулирования труда, характеристике регулярного и инициативного контроля, как правило, уделяется не столь серьезное внимание, поэтому нам представляется целесообразным остановиться на данном вопросе отдельно.

Методы исследования

В процессе подготовки статьи были использованы общенаучные методы, принятые в юридических науках, в том числе и в международном трудовом праве.

Формально-юридический метод, логический метод способствовали раскрытию темы и изложению основных вопросов, затрагиваемых в статье, в определенной логической последовательности. Deskriptivnyy метод позволил представить четкую характеристику регулярного контроля и инициативного контроля, которым посвящена данная статья. С применением диалектического метода, а также методов анализа и синтеза все исследуемые элементы международного контроля в сфере труда были представлены в их взаимосвязи и взаимообусловленности.

Основное исследование

Право на труд — одно из важнейших социально-экономических прав человека, эффективная реализация которого зависит от всех субъектов общественных отношений. Всеобщая декларация прав человека 1948 года в статье 22 провозгласила, что каждый человек как член общества имеет право на социальное обеспечение и осуществление необходимых для поддержания его достоинства и для свободного развития его личности прав в экономической, социальной и культурной областях через посредство национальных усилий и международного сотрудничества и в соответствии со структурой и ресурсами каждого государства.

Как видим, здесь подчеркивается социальная сущность человека, его место в системе общественных отношений и провозглашается его право на различные социальные блага, имеющие как ярко выраженную материальную составляющую, так и безусловную духовную. Таким образом, в очередной раз подтверждается неоспоримая идея о том, что для полноценного развития человеческой личности в равной степени важны и материальные, и духовные аспекты. Экономическая, социальная и культурная сферы здесь рассматриваются во взаимодействии и взаимосвязи, что впоследствии будет отражено и в Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах 1966 года. Звучат характерные для всех международных документов в области прав человека понятия «достоинство» и «свобода». Применительно к трудовой сфере эти понятия приобретают особый смысл и наполняются конкретным содержанием. Достаточно вспомнить такие категории из области международного трудового права, как достойный труд, свобода труда и занятий.

Еще один важный посыл, который дает нам декларация, состоит в том, что все обозначенные блага могут быть обеспечены лишь в результате совокупности усилий — международных и национальных. Международное право

очерчивает минимальные стандарты труда и открывает для национально-го права возможности для более глубокого и расширенного их закрепления на внутригосударственном уровне [6]. Кроме того, здесь мы в очередной раз убеждаемся в серьезном значении для сферы международного права такого вопроса, как соотношение и взаимодействие международного и внутригосударственного (национального) права [10].

При этом нельзя обойти вниманием важное уточнение, которое касается структуры и ресурсов каждого государства. Действительно, организационные, финансовые, материальные, технические и многие другие возможности и ресурсы государств мира сильно различаются, что объясняется как объективными, так и субъективными причинами:

- объективные причины обусловлены различиями в финансовых возможностях, наличием или отсутствием доступа к значимым природным ресурсам, характеристикой географического положения, климата и т. д.;
- субъективные причины вытекают из особенностей определенного периода исторического развития, принимаемых на высшем государственном уровне управленческих решений, непредвиденных событий, негативно влияющих на развитие разных сфер общественной жизни, и др.

Все признанные на международном уровне права человека в сфере труда могут быть эффективно реализованы только тогда, когда государства должным образом выполняют свои обязанности, закрепленные в международно-правовых документах в области прав человека (в том числе тех из них, которые выработаны в рамках МОТ и посвящены непосредственно вопросам защиты трудовых прав). Следует упомянуть также кризисные явления в праве [5], которые не обошли и международное трудовое право. Именно поэтому так важен действенный контроль за соблюдением прав в сфере труда.

Прежде чем раскрыть вопрос об основных элементах системы международного контроля МОТ, следует обозначить некоторые обстоятельства социальной действительности, которые существуют на внутригосударственном уровне и служат препятствием для эффективной реализации права на труд, создавая необходимость реагирования на нарушения в сфере труда на уровне МОТ. Наиболее точно данные «обстоятельств» выражены в следующих тезисах:

- «...будет ли государство правовым и социальным, зависит не только от законодателей, органов власти, но и от каждого члена общества... необходимо позитивное отношение к праву, осознание его необходимости и ценности» (А. А. Дорская) [4, с. 2];
- «...искоренение дискриминации в сфере труда не может быть достигнуто только усилиями государственных органов... сами трудящиеся в силу незнания ими прав, нежелания участвовать в судебных процессах, потворствуют распространению дискриминации...» (А. В. Алешина, В. А. Косовская) [1, с. 98].

Итак, основным контрольным органом МОТ является Комитет экспертов по применению конвенций и рекомендаций (далее — Комитет экспертов).

В МОТ выработано две основные процедуры контроля — регулярный и инициативный. Рассмотрим каждый из них подробнее.

Регулярный контроль представляет собой процедуру, предполагающую систематическое изучение докладов о состоянии трудовых сфер государств. Данный вид контроля проходит информационную, юридическую и политическую стадии [2, с. 66–68].

Информационная стадия включает направление государствам — членам МОТ запросов, в которых испрашиваются сведения о состоянии дел в определенном сегменте социально-трудовой сферы. Затем в обозначенные в запросе сроки должен поступить отчет, содержащий ответы по всем поставленным вопросам. Отчет может включать статистические данные, аналитические справки и другую информацию, позволяющую более полно оценить состояние дел в конкретной сфере трудовых отношений. Главная цель — установить, в какой мере соблюдаются государством его международные обязательства в сфере труда, чему и посвящена следующая стадия контроля.

Юридическая стадия — самая активная, в рамках которой эксперты выполняют свою основную роль: дают оценку деятельности государства в рассматриваемой сфере соотносят сведения, представленные государствами в ответах на запрос, с действующими международными нормами и стандартами, в том числе нормами конвенций МОТ. На данной стадии могут быть подвергнуты дополнительному правовому анализу нормы внутригосударственного права в сфере труда и занятий или же в социально-экономической сфере в целом.

Политическая стадия выступает в качестве завершающей, итоговой. В рамках данной стадии происходит выработка решений, содержащих предписания, направленные на корректировку деятельности государств, с тем чтобы вернуть их к надлежащему выполнению принятых ранее международных обязательств в сфере труда. Стадия именуется политической потому, что в этот период происходит попытка воздействовать определенным образом на поведение суверенного, независимого публично-правового субъекта. Как правило, речь идет о мерах рекомендательного и консультационного характера.

Инициативный контроль представляет собой процедуру, включающую рассмотрение поступивших в МОТ жалоб на допущенные государствами нарушения международных трудовых норм [9, с. 106].

Комитет экспертов, в случае установления нарушений, может предпринять следующие меры:

- 1) направить государству прямой запрос с указанием разъяснить обстоятельства и причины допущенных нарушений (это возможно по незначительным нарушениям, когда государство может просто пояснить ситуацию);
- 2) сформулировать конкретные замечания в адрес государства-нарушителя, отразив их в своем специально составленном отчете (по существенным или длящимся нарушениям).

Точного, строгого критерия незначительности и, напротив, существенно нарушения нет, поэтому здесь эксперты ориентируются на свое внутреннее

убеждение, основанное на накопленном опыте, и на детальный анализ конкретной ситуации. Практика такова, что незначительным фактически признается любое нарушение, которое не квалифицируется экспертами как существенное.

Что касается существенных нарушений, то здесь выделяют два критерия — качественный и количественный.

– Качественный критерий касается сущности самого нарушения: насколько серьезно оно затронуло права и свободы в сфере труда, какие обстоятельства отягощали совершение нарушения, какой ущерб претерпели субъекты и т. п.

– Количественный критерий связан прежде всего с анализом частоты и длительности нарушений, а иногда и численности тех субъектов, которые были затронуты этим нарушением (принцип простой: чем чаще повторяются нарушения, чем дольше они длятся по времени и чем большее число лиц пострадало, тем более существенным оно может быть расценено экспертами).

Обращаться с жалобой вправе как национальные объединения работников и работодателей, так и государства-участники [3, с. 176–177]. В данном случае всецело реализуется принцип трипартизма (трехсторонности) — один из важнейших принципов деятельности МОТ.

Работа в Комитете экспертов построена таким образом, что каждый из его членов отвечает за определенную предметную область (сферу труда или конкретную конвенцию, группу конвенций). Это не исключает возможности общения между экспертами, когда каждый вправе проконсультироваться с коллегой, отвечающим за иную сферу.

Эксперты готовят две группы документов:

- 1) прямые запросы, упомянутые выше в связи с реакцией на незначительные нарушения;
- 2) проекты замечаний, которые формулируются при выявлении существенных нарушений.

И запросы, и замечания впоследствии подлежат одобрению со стороны всех членов Комитета экспертов. Если какой-либо вопрос составляет особую сложность, то создаются рабочие группы, где эксперты действуют коллективными усилиями.

Заключения Комитета экспертов принимаются единогласно, но в отдельных случаях возможно и принятие большинством голосов [8, с. 89]. В обобщающем виде все выводы и замечания включаются в итоговый доклад.

Результаты исследования

Таким образом, Комитет экспертов, осуществляя международный контроль в сфере труда, обеспечивает:

- 1) мониторинг применения трудовых норм;
- 2) регулярный анализ докладов государств о выполнении международных конвенций в сфере труда;

3) рассмотрение в рамках инициативного контроля жалоб на нарушение международных трудовых норм в отдельных странах.

Регулярный контроль нередко подвергается критике с точки зрения излишней бюрократизации самого процесса контроля. Также он часто воспринимается как сугубо формальный, поверхностный. Но при этом есть понимание, что такой контроль, безусловно, необходим. Инициативный контроль традиционно считается более гибким и эффективным. На наш взгляд, оба контроля в целом необходимы и востребованы и выступают важными элементами системы международного контроля в сфере труда, выработанными МОТ.

Список источников

1. Алешина А. В., Косовская В. А. Международно-правовые стандарты в сфере недопущения дискриминации трудящихся // Общество. Среда. Развитие. 2014. № 2 (31). С. 95–98.
2. Бекяшев Д. К. Международное трудовое право (публично-правовые аспекты). М.: Проспект, 2013. 280 с.
3. Гусов К. Н., Лютов Н. Л. Международное трудовое право. М.: Проспект, 2014. 588 с.
4. Дорская А. А. Улучшение качества жизни большинства членов общества как критерий результативности правовых реформ // Правозащитник. 2014. № 1. С. 2.
5. Дорская А. А., Дорский А. Ю. Кризисные явления в праве: понятие, причины, виды и признаки // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2022. № 2 (46). С. 22–33.
6. Зарубин Д. В. О непосредственном действии конвенций МОТ в правовой системе Российской Федерации // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2022. № 1. С. 12–20.
7. Кожаква З. Ш. Защита прав человека в сфере охраны труда: роль МОТ // Моя профессиональная карьера. 2019. Т. 1. № 4. С. 75–79.
8. Лютов Н. Л., Морозов П. Е. Международное трудовое право. М.: Проспект, 2011. 216 с.
9. Черняева Д. В. Международные стандарты труда (международное публичное трудовое право. М.: КноРус, 2010. 229 с.
10. Шаповал Е. А. Соотношение конвенций МОТ и трудового законодательства Российской Федерации // Кадровик. 2021. № 3. С. 24–28.

References

1. Aleshina A. V., Kosovskaia V. A. Mezhdunarodno-pravovye standarty v sfere nedopushcheniia diskriminatsii trudiashchikhsia // Obshestvo. Sreda. Razvitie. 2014. № 2 (31). S. 95–98.
2. Bekiashev D. K. Mezhdunarodnoe trudovoe pravo (publichno-pravovye aspekty). M.: Prospekt, 2013. 280 s.
3. Gusov K. N., Liutov N. L. Mezhdunarodnoe trudovoe pravo. M.: Prospekt, 2014. 592 s.
4. Dorskaia A. A. Uluchshenie kachestva zhizni bol'shinstva chlenov obshchestva kak kriterii rezul'tativnosti pravovykh reform // Pravozaashchitnik. 2014. № 1. S. 2.

5. Dorskaia A. A., Dorskij A. Yu. Krizisnye iavleniia v prave: poniatie, prichiny, vidy i priznaki // Vestnik MGPU. Serii: Yuridicheskie nauki. 2022. № 2 (46). S. 22–33.
6. Zarubin D. V. O neposredstvennom deistvii konventsii MOT v pravovoi sisteme Rossiiskoi Federatsii // Elektronnoe prilozhenie k Rossiiskomu iuridicheskomu zhurnalu. 2022. № 1. S. 12–20.
7. Kozhakova Z. Sh. Zashchita prav cheloveka v sfere okhrany truda: rol' MOT // Moia professional'naia kar'era. 2019. T. 1. № 4. S. 75–79.
8. Liutov N. L., Morozov P. E. Mezhdunarodnoe trudovoe pravo. M.: Prospekt, 2011. 216 s.
9. Cherniaeva D. V. Mezhdunarodnye standarty truda (mezhdunarodnoe publichnoe trudovoe pravo). M.: KnoRus, 2010. 229 s.
10. Shapoval E. A. Sootnoshenie konventsii MOT i trudovogo zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii // Kadrovik. 2021. № 3. S. 24–28.

Статья поступила в редакцию: 28.04.2025;
одобрена после рецензирования: 28.05.2025;
принята к публикации: 05.06.2025.

The article was submitted: 28.04.2025;
approved after reviewing: 28.05.2025;
accepted for publication: 05.06.2025.

УДК 347.42

DOI: 10.24412/2076-9113-2025-359-86-93

О. В. Ефимова

Московский городской педагогический университет,
Москва, Российская Федерация,
efimovaov@mgpu.ru

НЕКОТОРЫЕ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ИПОТЕКИ НА ПРИМЕРЕ ЗАЛОГА ЖИЛОГО ПОМЕЩЕНИЯ

Аннотация. В статье рассматривается проблема надлежащего определения такого обременения, как ипотека, в том числе применительно к залому жилого помещения. Точность определения позволит участникам гражданских правоотношений реализовывать все правовые возможности, предоставленные данным видом залога. В статье рассмотрены как основные обязательства, так и требования из данных обязательств, осуществление которых может обеспечивать ипотека. Также проведен общий анализ предмета ипотеки, включающий, в рамках специального регулирования, не только недвижимость.

В качестве проблемных аспектов указана некорректность определения в законодательстве жилых помещений, которые не могут быть предметом ипотеки. По результатам исследования автор предлагает корректирование действующего законодательства об ипотеке с целью формирования однозначной правоприменительной практики возникновения ипотеки.

Ключевые слова: ипотека; недвижимость; денежное требование; жилое помещение; многоквартирный дом; закладная; жилищная ипотека.

UDC 347.42

DOI: 10.24412/2076-9113-2025-359-86-93

O. V. Efimova

Moscow City University,
Moscow, Russian Federation,
efimovaov@mgpu.ru

SOME CIVIL LAW ASPECTS MORTGAGES ON THE EXAMPLE OF RESIDENTIAL COLLATERAL

Abstract. The article considers the problem of the proper definition of such encumbrances as mortgages, including in relation to the pledge of residential premises. The accuracy of the definition will allow participants in civil law relations to realize all the legal possibilities provided by this type of collateral. The article discusses both the main obligations and the requirements of these obligations, the implementation of which can provide a mortgage. A general analysis of the mortgage subject has also been carried out, including, within the framework of special regulation, not only real estate.

The incorrectness of the definition of residential premises in the legislation, which cannot be the subject of a mortgage, is indicated as problematic aspects. Based on the results of the study, the author suggests correcting the current mortgage legislation in order to form an unambiguous law enforcement practice of mortgage origination.

Keywords: mortgage; real estate; monetary claim; residential premises; apartment building; housing mortgage.

Введение

Роль ипотеки в современных экономических реалиях трудно переоценить. Именно недвижимость (как ключевой аспект ипотеки) имеет стоимость, которая не понижается, а даже, напротив, увеличивается. Благодаря данному экономическому свойству недвижимой вещи вполне реальны надежды кредитора на получение достойной компенсации при наличии ипотеки и в случае неисполнения должником своих обязанностей.

В то же время для использования всех ресурсов исследуемого гражданско-правового явления необходимо правильно и полно понимать правовые аспекты ипотеки. «Развитие науки происходит в обществе, следовательно, оно детерминировано динамикой общественных отношений» [2, с. 15].

К сожалению, в общественном сознании давно и прочно сложилось не вполне правильное понимание сути ипотеки. В рамках так называемого бытовизма ипотекой обозначают кредит, получаемый для приобретения жилья под залог такого объекта¹. Указанное восприятие лишь в малой толике соответствует

¹ К примеру, на официальной странице сайта Газпромбанка указано, что ипотека — это вид кредита, который предоставляется на покупку недвижимости: URL: <https://www.gazprombank.ru/knowledge-base/term/ipoteka/> (дата обращения: 10.11.2024).

действительному пониманию ипотеки и сильно занижает ее правовые возможности.

Методы исследования

При изучении заявленной темы были использованы как общелогические методы исследования, так и метод системного анализа правовых явлений, а также сравнительно-правовой, структурно-функциональный методы.

Основное исследование

Исходя из Гражданского кодекса Российской Федерации (ст. 334, п. 4, абз. 2; далее по тексту — ГК РФ), ипотека — это вид залога, определяемый по предмету — недвижимости.

Соответственно, ипотека никогда не может рассматриваться как основное обязательство, но только как акцессорное, призванное обеспечить надлежащее исполнение другого, основного обязательства. При этом данным основным обязательством может быть не только кредитное.

Статья 2 Федерального закона от 16.07.1998 № 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)» (далее — Закон об ипотеке) указывает на различные виды обязательств — как договорных, так и внедоговорных, осуществление которых может обеспечить ипотека. При этом данный перечень является открытым, и запрещение обеспечивать ипотекой какое-либо обязательство может быть установлено только федеральным законом.

Единственное ограничение в рамках правового регулирования ипотеки касается требования, реализацию которого может обеспечивать этот вид залога, — данное право должно быть направлено на получение денежной суммы².

Но даже при таком ограничении ипотека может применяться не только для кредитных обязательств. Требованием, вытекающим из основного обязательства, осуществление которого обеспечивается ипотекой, может быть право продавца на получение покупной цены (если основное обязательство — купля-продажа), право арендодателя на получение арендной платы, выраженной в деньгах (при обеспечении аренды), право подрядчика на получение цены по договору подряда и т. п.

Следующий аспект, который надо иметь в виду, чтобы понимать все возможности ипотеки, — предмет данного вида залога может быть не только жилое помещение [4, с. 62].

² Исходя из буквального толкования ст. 3 Закона об ипотеке, залог недвижимости направлен на надлежащее осуществление в пользу кредитора (залогодержателя) выплаты основной суммы долга, а также иных денежных сумм (в том числе неустойки, убытков и пр.).

Залог может быть сформирован в отношении любых объектов недвижимости (в том числе и в отношении незавершенного строительства), включая воздушные и морские суда, суда внутреннего плавания, а также и на указанные в Законе об ипотеке требования (обязательственные права):

- на право аренды на недвижимое имущество (по общему правилу допускается с согласия арендодателя);
- на право дольщика, формирующееся на основании Федерального закона от 30.12.2004 № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации».

В отношении жилых помещений, в том числе и прав требований участника долевого строительства по договору участия в долевом строительстве, в Законе об ипотеке выделена отдельная глава XIII [7, с. 43].

При залоге перечисленных объектов гражданских прав можно говорить о формировании в буквальном смысле жилищной ипотеки (залог на жилье).

При жилищной ипотеке следует учитывать следующие гражданско-правовые моменты. Помимо объектов в традиционном восприятии недвижимости, сформированном в ст. 130 ГК РФ, в сферу действия залогового обременения попадают и движимые активы — необходимое для строительства жилого дома оборудование, а также соответствующие материалы (при ипотеке строящегося жилого дома).

В этом случае возникает неоднородный предмет залога, относящийся к различным видам залога. Здесь вполне можно согласиться с утверждением С. П. Гришаева, что речь идет о смешанном договоре [3, с. 141].

Введение в ипотечное правоотношение указанных объектов основывается на так называемом принципе эластичности, когда осуществляется обременение залогом не конкретной вещи (права), а экономической стоимости (экономического интереса) гражданско-правового объекта. В силу этого даже изменение физических характеристик имущества не влечет за собой прекращение залога, поскольку последний «будет стремиться обнаружить объект, который вмещает в себя изначально обремененную ценность; заложенным должен считаться этот объект» [2, с. 13].

Следующий важный аспект — в рамках правового регулирования обременения залогом жилых помещений Закон об ипотеке не дает определения такого помещения. Конечно, можно восполнить пробел с помощью иных нормативных актов, содержащих такое определение³.

Вместе с тем Закон об ипотеке содержит ряд конкретизирующих условий по отношению к объектам, которые могут выступать предметом жилищной ипотеки.

³ Так, п. 1 ст. 15 Жилищного кодекса Российской Федерации определяет жилое помещение как изолированное помещение, которое является недвижимым имуществом и пригодно для постоянного проживания граждан (отвечает установленным санитарным и техническим правилам и нормам, иным требованиям законодательства).

1. В п. 1 ст. 74 Закона об ипотеке указано назначение такого помещения (здания) — точно такое же, как и определенное в жилищном законодательстве. Поэтому если помещение по своему целевому назначению, определяемому в том числе техническими характеристиками, не может служить указанной цели, то оно не попадает под действие норм XIII главы Закона об ипотеке. В этом случае оно будет рассматриваться как предмет ипотеки в целом, без особенностей, установленных для жилых помещений⁴.

2. Пункт 2 ст. 74 Закона об ипотеке не разрешает обременять залогом квартиры в многоквартирных домах, которые отнесены к государственному или муниципальному жилищному фонду.

В то же время изложенное в п. 2 ст. 74 Закона об ипотеке правило вызывает вопрос о возможности залога иных жилых помещений, принадлежащих РФ (его субъектам, муниципальным образованиям). В государственной или муниципальной собственности находятся также жилые помещения, составляющие специализированный жилищный фонд. При этом законодатель отличает такие объекты от многоквартирного дома.

В письме Минстроя России от 30.10.2023 № 29273-ОГ/00 «О различии понятий “общежитие” и “многоквартирный дом”» показаны критерии различий между такими зданиями. Например, в общежитии комнаты должны быть не просто меблированы, но и оснащены необходимыми для проживания граждан предметами. В многоквартирном жилом доме это не обязательное условие.

К тому же у общежития, в отличие от многоквартирного дома, нет общего имущества, поскольку право собственности регистрируется на все здание целиком.

Чтобы не было сомнений в возможности или невозможности обременения жилых помещений, составляющих специализированный жилищный фонд, необходимо скорректировать п. 2 ст. 74 Закона об ипотеке и изложить его в следующей редакции:

«2. Ипотека жилых помещений, находящихся в государственной или муниципальной собственности, не допускается».

3. Не только жилые дома и квартиры, находящиеся в государственной или муниципальной собственности, не могут быть предметом ипотеки. Собственно, сам многоквартирный дом не во всех случаях может быть обременен залогом. Согласно п. 6 ст. 15 ЖК РФ многоквартирный дом — это такое здание, в котором присутствует:

⁴ В то же время следует иметь в виду следующее обстоятельство. Статья 74 Закона об ипотеке исключает из объектов залога, регулируемых нормами главы XIII указанного закона, садовые дома. Однако если такое строение имеет «фактическую пригодность для постоянного проживания», то согласно мнению Конституционного суда данный объект может быть отнесен к индивидуальному жилищному фонду (постановление Конституционного суда РФ от 14.04.2008 № 7-П «По делу о проверке конституционности абзаца второго статьи 1 Федерального закона “О садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединениях граждан” в связи с жалобами ряда граждан»).

- минимум две квартиры;
- общее имущество, определенное в ст. 36 ЖК РФ.

Учитывая эти составляющие, заложить такой дом как единый объект способно только лицо, обладающее правом собственности на все здание. Однако такое единство возникает либо у застройщика (пока он не передал квартиры в собственность различным субъектам), либо у РФ, субъекта РФ, муниципального образования (в отношении публичного и муниципального жилищного фонда) [6, с. 55].

Жилищная ипотека может возникнуть не только из договора, но и из закона. Возникновение законной ипотеки связано с обеспечением исполнения вполне конкретного основного обязательства — целевого заемного (в том числе кредитного) для приобретения жилья. Такая законная ипотека предусмотрена, в частности:

- в п. 4 ст. 77 Закона об ипотеке (в отношении жилого помещения, приобретенного или построенного полностью либо частично с использованием накоплений для жилищного обеспечения военнослужащих);
- в п. 2 ст. 77.1 Закона об ипотеке (в отношении объекта незавершенного строительства, возводимого на заложенном земельном участке, или право аренды на земельный участок, на котором происходит строительство наемного дома за счет кредитных/заемных средств).

Еще один гражданско-правовой аспект, на который следует обратить внимание, — это существование в ипотечных правоотношениях ценной бумаги — закладной. Наличие такого правового явления делает возможности ипотеки еще более широкими, в том числе и при жилищной ипотеке. Это связано с оборотоспособностью закладной.

Закладная не является той ценной бумагой, которая должна быть обязательно оформлена при ипотеке. Она появляется в гражданском обороте только при наличии воли субъектов ипотечного правоотношения, выраженной либо в договоре об ипотеке, либо в основном договоре, исполнение которого обеспечивается ипотекой в силу закона (к примеру, законная ипотека обеспечивает исполнение обязательств плательщика ренты по договору ренты в силу прямого указания законодателя в п. 1 ст. 587 ГК РФ).

Закладная может быть выдана также при формировании залога на жилые помещения⁵.

В силу акцессорности залогового обязательства закладная может реализовывать одно из следующих прав:

- право на получение денежной суммы по основному обязательству;

⁵ Только в одном случае при жилищной ипотеке закладная запрещена — при залоге в отношении жилого помещения, которое было построено или приобретено (причем не важно, полностью или частично) за счет накоплений для жилищного обеспечения военнослужащих, предоставленных по договору целевого жилищного займа в соответствии с Федеральным законом «О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих».

– право на преимущественность в удовлетворении своих требований за счет денег, полученных от реализации предмета ипотеки в установленном порядке (но только если не удалось реализовать первое право).

Исходя из ст. 48 Закона об ипотеке закладная является вполне оборотоспособной ценной бумагой. При этом следует иметь в виду, что уступить права по основному и ипотечному обязательствам без передачи закладной (при ее наличии) невозможно.

Залогодержатель вправе без согласия залогодателя осуществить передачу закладной как на возмездной, так и на безвозмездной основе.

Абсолютная оборотоспособность закладной подчеркивается императивным положением о недопустимости запретов на ее передачу под страхом ничтожности, изложенным в п. 4 ст. 48 ГК РФ. Более того, данная норма указывает на право передачи закладной любому третьему лицу, независимо от его правосубъектности⁶.

Также закладная может быть заложена ее держателем залогодержателю закладной в обеспечение обязательства по кредитному договору или иного обязательства, возникшего между данными сторонами.

Результаты исследования

Соответственно, залогодержатель по жилищной ипотеке, которым может выступать любой субъект права (не только кредитная организация), вправе с помощью ипотеки обеспечить осуществление собственных обязательственных прав (и не только по кредитным обязательствам) и при необходимости получить выгоду, отчуждая закладную по возмездной сделке, либо распорядиться ею иным способом по своему усмотрению.

Формат данного исследования позволил выделить и показать только некоторые аспекты ипотеки жилых помещений. Но даже эти отдельные свойства исследуемого обременения дают участникам гражданских правоотношений значительные возможности в обеспечении своих денежных требований по различным гражданско-правовым обязательствам вышеуказанным способом обеспечения исполнения договорных и внедоговорных обязательств.

⁶ Так, в постановлении Арбитражного суда Московского округа от 16.02.2024 № Ф05-531/2024 по делу № А40-36881/2022 было указано на возможность передачи закладной, удостоверяющей права кредитора по потребительскому кредиту, лицу, не имеющему лицензии на право осуществления банковской деятельности.

Список источников

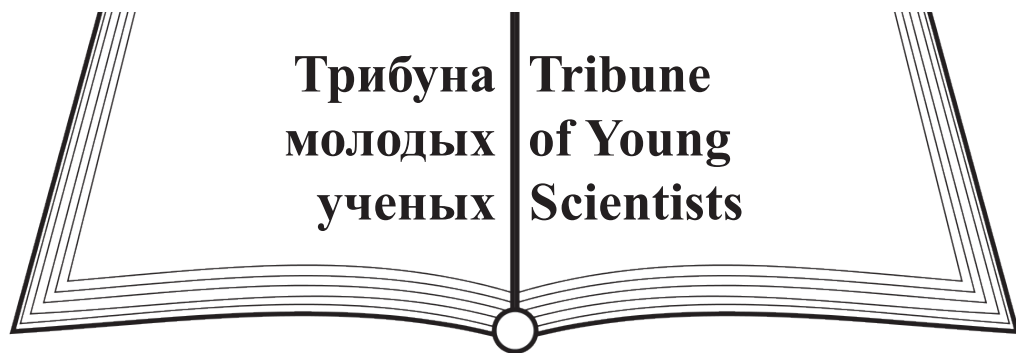
1. Бевзенко Р. С. Принцип единства судьбы прав на земельный участок и на строения на нем // Вестник гражданского права. 2020. № 2. С. 60–123.
2. Бевзенко Р. С., Ястржембский И. А. Ускользнувшая ценность: комментарий к Определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 17.10.2016. № 305-ЭС16-7885 // Вестник экономического правосудия РФ. 2016. № 12. С. 4–15.
3. Гришаев С. П. Комментарий к Федеральному закону от 16.07.1998 г. № 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)» (постатейный) // КонсультантПлюс. 2024.
4. Мартасов Д. Неравноценное встречное исполнение обязательств в договорах купли-продажи квартир: подводные камни // Жилищное право. 2021. № 12. С. 61–67.
5. Пашенцев Д. А. Конструктивизм в современной юридической науке // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2022. № 1 (45). С. 16–22.
6. Свит Ю. П. Особенности залога жилого помещения // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. № 5. С. 50–58.
7. Селиванова Е. С. Часть жилого помещения как объект гражданских и жилищных прав // Семейное и жилищное право. 2020. № 5. С. 42–45.

References

1. Bevzenko R. S. Princip edinstva sud'by' prav na zemel'ny'j uchastok i na stroeniya na nem // Vestnik grazhdanskogo prava. 2020. № 2. S. 60–123.
2. Bevzenko R. S., Yastrzhembskij I. A. Uskol'znuvshaya cennost: kommentarij k Opredeleniyu Sudebnoj kollegii po e'konomicheskim sporam VS RF ot 17.10.2016. № 305-E'S16-7885 // Vestnik e'konomicheskogo pravosudiya RF. 2016. № 12. S. 4–15.
3. Grishaev S. P. Kommentarij k Federal'nomu zakonu ot 16.07.1998. № 102-FZ «Ob ipoteke (zaloge nedvizhimosti)» (postatejny'j) // KonsultantPlyus. 2024.
4. Martasov D. Neravnocennoe vstrechnoe ispolnenie obyazatel'stv v dogovorax kupli-prodazhi kvartir: podvodny'e kamni // Zhilishhnoe pravo. 2021. № 12. S. 61–67.
5. Pashentsev D. A. Konstruktivizm v sovremennoj yuridicheskoy nauke // Vestnik MGPU. Seria: Yuridicheskie nauki. 2022. № 1 (45). S. 16–22.
6. Svit Yu. P. Osobennosti zaloga zhilogo pomeshheniya // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. 2012. № 5. S. 50–58.
7. Selivanova E. S. Chast' zhilogo pomeshheniya kak ob'ekt grazhdanskix i zhilishhnyh prav // Semejnoe i zhilishhnoe pravo. 2020. № 5. S. 42–45.

Статья поступила в редакцию: 28.04.2025;
одобрена после рецензирования: 28.05.2025;
принята к публикации: 05.06.2025.

The article was submitted: 28.04.2025;
approved after reviewing: 28.05.2025;
accepted for publication: 05.06.2025.

УДК 340

DOI: 10.24412/2076-9113-2025-359-94-101

Е. М. Полтавец

Московский городской педагогический университет,
Москва, Российская Федерация,
poltavetsem@mgpu.ru

ДОБРОСОВЕСТНОСТЬ И ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ СУБЪЕКТИВНЫМ ПРАВОМ: СООТНОШЕНИЕ ПРАВОВЫХ КАТЕГОРИЙ

Аннотация. В статье рассматриваются две правовые категории: добросовестность и злоупотребление субъективным правом, а также их соотношение между собой. Среди подходов к решению данной проблемы существует трактовка добросовестности как более широкого правового явления, включающего в себя также и злоупотребление субъективным правом. В трактовке злоупотребления субъективным правом содержится, в свою очередь, добросовестное/недобросовестное поведение. Актуальность данной статьи обусловлена тем, что в юридической науке не сложилось единого подхода к решению этой проблемы, как не сложилось и единого определения понятия «добросовестность», которое относится более к моральной категории, нежели к правовой, и каждый трактует его, исходя из собственных нравственных представлений. Автор приходит к следующему выводу: поскольку категория злоупотребления субъективным правом уже включает в себя принцип добросовестности (нарушение принципа добросовестности приравнивается к злоупотреблению субъективным правом), то говорить о выделении самостоятельной категории добросовестности (когда речь идет о злоупотреблениях субъективным правом) не имеет смысла.

Ключевые слова: злоупотребление субъективным правом; добросовестность; правонарушение; неправомерное поведение; принцип добросовестности; принцип недопустимости злоупотребления правом.

UDC 340

DOI: 10.24412/2076-9113-2025-359-94-101

E. M. Poltavets

Moscow City University,
Moscow, Russian Federation,
poltavetsem@mgpu.ru

GOOD FAITH AND ABUSE OF SUBJECTIVE LAW: CORRELATION OF LEGAL CATEGORIES

Abstract. The article examines two legal categories: good faith and abuse of subjective law, as well as their relationship to each other. Among the approaches to solving this problem, there is an interpretation of good faith as a broader legal phenomenon, which also includes the abuse of subjective law. The interpretation of the abuse of subjective law contains, in turn, conscientious/unscrupulous behavior. The relevance of this article is due to the fact that legal science has not developed a unified approach to solving this problem, nor has there been a unified definition of the concept of “good faith”, which belongs more to the moral category than to the legal one, and everyone interprets it based on their own moral ideas. The author comes to the following conclusion: since the category of abuse of subjective law already includes the principle of good faith (violation of the principle of good faith is equated to abuse of subjective law), it makes no sense to talk about distinguishing an independent category of good faith (when it comes to abuse of subjective law).

Keywords: abuse of subjective law; good faith; offense; misconduct; principle of good faith; principle of inadmissibility of abuse of law.

Введение

Добросовестное осуществление субъективных прав является одним из основополагающих принципов права. В соответствии с пунктами 3 и 4 статьи 1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) лица при осуществлении своих прав и исполнении юридических обязанностей должны действовать добросовестно. Кроме того, на законодательном уровне запрещается извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения.

Сама по себе добросовестность не является специальным юридическим термином. В связи с тем, что данное понятие относится скорее к моральной категории, нежели к правовой, каждый субъект истолковывает его, исходя из собственных нравственных представлений; различные источники дают ему различное толкование. Например, добросовестный человек — тот, кто честно выполняет обязанности¹. В самом общем виде это понятие означает убеждение

¹ Толковый словарь С. И. Ожегова онлайн. URL: <https://slovarozhegova.ru/> (дата обращения: 10.01.2025).

лица, что его правовое отношение правомерно²; также это духовно-нравственное качество личности, выражающееся в правдивости, честности и ответственности³.

Неоднозначно этот термин понимается и в юридической науке. Добросовестность трактуется в нескольких аспектах: общая характеристика субъектов права; характеристика поведения субъекта (добросовестное/недобросовестное осуществление прав); принцип права [3, с. 46]. В связи со значительной субъективной составляющей данного понятия в юридической науке также нет четкого определения категории добросовестности. Нередко рассмотрение данного принципа передано на усмотрение суда (как, например, в случае необходимости установления критериев добросовестности приобретателя собственности в силу давностного владения).

Степень научной разработанности темы

А. А. Малиновский рассматривал добросовестность с позиции внутреннего предела осуществления права: субъект при реализации своего права отказывается от причинения вреда другим участникам правоотношений, исходя из собственных внутренних убеждений. Нравственность — категория, обозначающая принятые в обществе границы осуществления права [10].

По мнению С. А. Красновой, категория добросовестности характеризует субъективную сторону действий участников правоотношений и дает возможность беспрепятственно осуществлять субъективные права. Напротив, отсутствие признака добросовестности в поведении лица влечет наступление неблагоприятных юридических последствий [7].

В. И. Емельянов полагает, что лицо может считаться добросовестным участником правоотношений только тогда, когда оно реализует свои субъективные права без умысла причинить вред контрагентам и не допускает легкомыслия и небрежности в своих действиях в отношении потенциального причинения вреда [4].

Вместе с тем А. М. Ширвиндт сравнивает попытку дать юридическое определение понятию добросовестности с миражом, отмечая безуспешность этого занятия в целом. Проводя анализ правовых принципов и институтов в рамках конкретной правовой системы, правовед отмечает, что все эти элементы разнородны, никак не соотносятся друг с другом, а отсылка в них на принцип добросовестности абсолютно случайна [13].

Наиболее последовательным подходом к определению категории добросовестности можно было бы считать ее условное деление на объективную

² Добросовестность // Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/c/dobrosovestnost-8cf641> (дата обращения: 10.01.2025).

³ Добросовестность // Словари и энциклопедии на Академике. URL: https://spiritual_culture.academic.ru/696/Добросовестность (дата обращения: 10.01.2025).

и субъективную [11, с. 124–125]. В объективном плане она характеризовала бы норму принятого поведения в обществе. В таком случае речь идет о некоем стандарте поведения, ожидаемом от участника правовых отношений при осуществлении им своих прав и исполнении обязанностей. В субъективном значении добросовестность понималась бы как знание управомоченного субъекта о наличии или отсутствии определенных обстоятельств. Однако эти подходы к трактованию добросовестности более похожи на характеристику субъекта с точки зрения отсутствия или наличия в его поведении признаков злоупотребления субъективным правом.

Проанализировав представленные выше позиции правоведов, можно заключить: у принципа добросовестности не существует четкого определения и сформулировать таковое не представляется возможным. Его использование, учитывая различные толкования, приводит к субъективизму и правовой неопределенности.

Вместе с тем схожая ситуация обстоит и с категорией злоупотребления субъективным правом. Пункт 1 статьи 10 ГК РФ прямо запрещает: реализацию субъективных прав с намерением причинить вред другому лицу; действия, совершаемые в обход закона; заведомо недобросовестное осуществление прав — злоупотребление правом.

В юридической науке также не сложилось единого доктринального определения злоупотребления субъективным правом. О. В. Желеева и А. С. Ткач относят явление злоупотребления субъективным правом к социально нежелательному типу поведения, поскольку оно представляет собой формальное исполнение предписаний, направленное на достижение незаконных интересов и причинение вреда другим субъектам правоотношений. В связи с этим данные действия никак нельзя отнести к правомерным [5, с. 77].

А. А. Малиновский утверждает, что категорию злоупотребления субъективным правом составляют действия по реализации субъективных прав в противоречии с их назначением или в целях, отличных от тех, что закреплены в соответствующей правовой норме [9, с. 54].

М. М. Агарков считает, что злоупотреблением правом является такое поведение субъекта права, которое, хотя по внешнему своему виду и реализуется в пределах, регламентированных законом, тем не менее выходит за те границы, которые суд считает правильными в рамках конкретного дела [1].

Исходя из вышеизложенного, становится очевидной некоторая взаимосвязь категорий добросовестности и злоупотребления субъективным правом, отмечаются общие признаки рассматриваемых категорий. А. В. Волков [2, с. 46] считает, что злоупотребление субъективным правом и недобросовестное поведение представляют собой действия, относящиеся к правопользованию и правоосуществлению. Хотя данные действия по своему внешнему выражению являются вполне формальными (лицо осуществляет свои права), тем не менее по своей сути они недействительны, поскольку их содержание незаконно.

Проблема правоприменения данных двух категорий заключается в том, что судебная практика использует категории злоупотребления субъективным правом и добросовестности совокупно, зачастую в качестве идентичных явлений, как, например, они трактуются в решении судов⁴. Это во многом объясняется тем, что только статьей 10 ГК РФ предусмотрена санкция в виде отказа в защите права за заведомо недобросовестное осуществление своих прав (злоупотребление правом) [6; 8, с. 3].

Методы исследования

В ходе исследования использовались такие методы, как: системно-структурный метод, метод дедукции, метод индукции, анализ, формально-юридический метод, метод сравнения.

Основное исследование

Вместе с тем необходимо установить четкое соотношение данных правовых категорий. Для этого необходимо определить: является ли категория злоупотребления субъективным правом частным проявлением категории добросовестности; является ли злоупотребление субъективным правом более широкой правовой категорией в сравнении с добросовестностью; наконец, не являются ли исследуемые явления совершенно разными, никак друг с другом не соотносящимися.

В юридической науке большинство правоведов отстаивают точку зрения, согласно которой категория добросовестности является более широкой и включает в себя злоупотребление субъективным правом. А. В. Волков соотносит их так: поскольку добросовестность как принцип обеспечивает целостность всей системы права, то она выступает базовым элементом по сравнению с принципом недопустимости злоупотребления правом, так как последний находится на «верхушке» системы принципов права и отвечает за пресечение ее нарушений извне [2, с. 46].

Поскольку все правоотношения между субъектами базируются на равноценности и соразмерности осуществления прав контрагентами, то из принципа

⁴ Решение № 2-6593/2024 2-6593/2024~М-5002/2024 М-5002/2024 от 29.08.2024 по делу № 2-6593/2024 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/regular/doc/1KqVP3IpPEJq/?regular-txt=злоупотребление+правом®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=Статья+1.+Основные+начала+гражданского+законодательства%28ГК+РФ%29®ular-date_from=01.03.2024®ular-date_to=28.03.2025®ular-workflow_stage=®ular-area=®ular-court=®ular-judge=&snippet_pos=946#snippet (дата обращения: 19.01.2025); Решение № 2-196/2023 2-196/2023~М-117/2023 М-117/2023 от 26.06.2023 по делу № 2-196/2023 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/e4EYwsRFHuom/> (дата обращения: 19.01.2025).

равенства вытекают принципы справедливости и добросовестности, так как стороны при осуществлении своих прав должны принимать во внимание права и интересы других участников правоотношений. Злоупотребление субъективным правом располагается на вершине данной системы.

А. В. Волков полагает, что, злоупотребляя предоставленным субъективным правом, управомоченный субъект не руководствуется общепринятым значением действующих норм законодательства и действует исходя из собственного их понимания. Таким образом, он недобросовестно игнорирует устоявшееся значение правовых норм и руководствуется собственными корыстными мотивами [2, с. 48].

Данная точка зрения не представляется верной. Категория злоупотребления субъективным правом не может пониматься исключительно как принцип права, так как статьей 10 ГК РФ за злоупотребление правом предусмотрено конкретное неблагоприятное последствие в виде наступления гражданской ответственности (как за всякое правонарушение). Уголовный кодекс, например, содержит статью 285, предусматривающую уголовную ответственность за злоупотребление должностными полномочиями (должностное полномочие характеризуется двумя элементами — субъективным правом и обязанностью по реализации данного права). Законодательство Российской Федерации не предусматривает санкций за нарушение принципов права, в отличие от правонарушений и преступлений.

Кроме того, если исходить из понимания злоупотребления субъективным правом как недобросовестного осуществления прав и если целью такого осуществления является причинение вреда правам других лиц, то очевидно, что категория добросовестности представляет собой более узкое правовое явление и входит в содержание более широкого — злоупотребления субъективным правом; ее самостоятельное выделение не имеет смысла.

А. В. Кузнецов отмечает, что многие правоведы разграничивают рассматриваемые понятия через их определения [8, с. 2]. По мнению А. А. Соловьева [12, с. 21], злоупотребление субъективным правом направлено на нарушение прав других субъектов и не преследует собственных интересов. В то же время недобросовестное поведение нацелено на получение собственной выгоды, которую лицо достигает, игнорируя интересы других лиц, не проявляя должной заботы о них. Однако, злоупотребляя субъективным правом, лицо также реализует собственный интерес, который как раз выражается в причинении вреда другому. Субъект, желая реализовать свое право, выходит за рамки его осуществления и имеет намерение причинить вред другому — в этом намерении и кроется его интерес.

В судебной практике сложился иной подход к определению соотношения категорий, которые мы рассматриваем. В связи с необходимостью реагировать на недобросовестное поведение субъекта и применять меры юридической ответственности суды рассматривают недобросовестные действия как один из вариантов злоупотребления субъективным правом. В таком случае есть

возможность напрямую ссылаться на статью 10 ГК РФ (как на единственную статью, которая предусматривает санкции за конкретное правонарушение), в случае недобросовестного осуществления субъектом своих прав, а также в случаях отсутствия законодательного закрепления принципа добросовестности [6; 8, с. 3].

Результаты исследования

Подводя итог, можно отметить, что злоупотребление субъективным правом является более широким явлением, нежели добросовестность. Определение злоупотребления субъективным правом как недобросовестного осуществления прав в противоречии с их назначением уже обнаруживает факт несоблюдения принципа добросовестности в поведении субъекта. Действия лица по приобретению и осуществлению субъективных прав с нарушением обязанности действовать добросовестно квалифицируются как заведомо недобросовестные, то есть как злоупотребление субъективным правом. Следовательно, поскольку категория злоупотребления субъективным правом уже включает в себя принцип добросовестности (нарушение принципа добросовестности = злоупотребление субъективным правом), то говорить о выделении самостоятельной категории добросовестности, когда речь идет о злоупотреблениях субъективным правом, не имеет смысла.

Список источников

1. Агарков М. М. Избранные труды по гражданскому праву Т. 1: Социальная ценность частного права и отдельных институтов общей части гражданского права. М.: Статут, 2012. 426 с.
2. Волков А. В. Соотношение принципа добросовестности и принципа недопустимости злоупотребления правом в современном гражданском праве // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5 «Юриспруденция». 2013. № 3 (20). С. 44–50.
3. Дерюгина Т. В. Сущность понятия добросовестности в гражданском праве России // Юристъ-Правоведъ. 2010. № 3 (40). С. 46–49.
4. Емельянов В. И. Разумность, добросовестность, незлоупотребление гражданскими правами. М.: Лекс-Книга, 2002. 159 с.
5. Желева О. В., Ткач А. С. Системные и несистемные злоупотребления субъективными правами: понятие, способы предупреждения и пресечения // Уголовная юстиция. 2018. № 12. С. 77–81.
6. Карапетов А. Г. Основные положения гражданского права: постатейный комментарий к статьям 1–16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации. М.: М-Логос, 2020. 1469 с.
7. Краснова С. А. Определение понятия «добросовестность» в российском гражданском праве // Журнал российского права. 2003. № 3. С. 62–67.
8. Кузнецов А. В. Соотношение категорий добросовестности и злоупотребления правом // Международный научно-исследовательский журнал. 2023. № 2 (128). С. 1–5.

9. Малиновский А. А. Злоупотребление субъективным правом (теоретико-правовое исследование). М.: Юрлитинформ, 2007. 352 с.
10. Малиновский А. А. Нравственность в гражданском праве // Нотариус. 2007. № 5. С. 24–28.
11. Новицкий И. Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права // Вестник гражданского права. 2006. № 1. С. 124–181.
12. Соловьев А. А. Злоупотребление правом: некоторые теоретические проблемы // Экономическое правосудие на Дальнем Востоке России. 2019. № 3 (14). С. 18–22.
13. Ширвиндт А. М. Принцип добросовестности в ГК РФ и сравнительное правоведение // Aequum ius. От друзей и коллег к 50-летию профессора Д. В. Дождева. М.: Статут, 2014. С. 203–242.

References

1. Agarkov M. M. Izbrannye trudy po grazhdanskomu pravu. T. 1: Sotsial'naya tsennost' chastnogo prava i otdel'nyh institutov obshchej chasti grazhdanskogo prava. M.: Statut, 2012. 426 s.
2. Volkov A. V. Sootnoshenie principa dobrosovestnosti i principa nedopustimosti zloupotrebleniya pravom v sovremennom grazhdanskom prave // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5 «Yurisprudenciya». 2013. № 3 (20). S. 44–50.
3. Deryugina T. V. Sushchnost' ponyatiya dobrosovestnosti v grazhdanskom prave Rossii // Yurist-Pravoved. 2010. № 3 (40). S. 46–49.
4. Emelyanov V. I. Razumnost', dobrosovestnost', nezloupotreblenie grazhdanskimi pravami. M.: Leks-Kniga, 2002. 159 s.
5. Zheleva O. V., Tkach A. S. Sistemnye i nesistemnye zloupotrebleniya sub"ektivnymi pravami: ponyatie, sposoby preduprezhdeniya i presecheniya // Ugolovnaya yusticiya. 2018. № 12. S. 77–81.
6. Karapetov A. G. Osnovnye polozheniya grazhdanskogo prava: postatejnyj kommentarij k stat'yam 1–16.1 Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federatsii. M.: M-Logos, 2020. 1469 s.
7. Krasnova S. A. Opredelenie ponyatiya «dobrosovestnost'» v rossijskom grazhdanskom prave // Zhurnal rossijskogo prava. 2003. № 3. S. 62–67.
8. Kuznetsov A. V. Sootnoshenie kategorij dobrosovestnosti i zloupotrebleniya pravom // Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal. 2023. № 2 (128). S. 1–5.
9. Malinovskij A. A. Zloupotreblenie sub"ektivnym pravom (teoretiko-pravovoe issledovanie). M.: Yurlitinform, 2007. 352 s.
10. Malinovskij A. A. Nравственность в гражданском праве // Notarius. 2007. № 5. С. 24–28.
11. Novitskij I. B. Princip dobroj sovesti v proekte obyazatel'stvennogo prava // Vestnik grazhdanskogo prava. 2006. № 1. С. 124–181.
12. Solovyev A. A. Zloupotreblenie pravom: nekotorye teoreticheskie problemy // Ekonomicheskoe pravosudie na Dal'nem Vostoke Rossii. 2019. № 3 (14). С. 18–22.
13. Shirvindt A. M. Printsip dobrosovestnosti v GK RF i sravnitel'noe pravovedenie // Aequum ius. Ot družej i kolleg k 50-letiyu professora D. V. Dozhdeva. M.: Statut, 2014. С. 203–242.

УДК 34

DOI: 10.24412/2076-9113-2025-359-102-108

Н. В. Михайлова

Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя,
Москва, Российская Федерация,
net-46@mail.ru

ОБЗОР IV ВСЕРОССИЙСКОГО ФОРУМА ИСТОРИКОВ ПРАВА «ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ И ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ФОКУСЕ ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ НАУКИ»

Аннотация. В статье представлено содержание докладов на IV Всероссийском форуме историков права «Историческое просвещение и юридическое образование в фокусе историко-правовой науки» (23–24 мая 2025 г., Тюменский государственный университет), организованном Ассоциацией историков права. Охарактеризованы доклады, представленные в рамках пленарного заседания. Обозначены ключевые положения выступлений, посвященных развитию истории государства и права как науки и учебной дисциплины. Показаны главные направления состоявшихся дискуссий по вопросам исторического просвещения и юридического образования, роли историко-правовой науки в воспитании молодежи. Подчеркивается междисциплинарный характер историко-правового знания, его аксиологический потенциал.

Ключевые слова: историко-правовая наука; историческое просвещение; юридическое образование; Ассоциация историков права; историография.

UDC 34

DOI: 10.24412/2076-9113-2025-359-102-108

N. V. Mikhailova

Kikot Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia
Moscow, Russian Federation,
net-46@mail.ru

REVIEW OF THE IV ALL-RUSSIAN FORUM OF LEGAL HISTORIANS «HISTORICAL ENLIGHTENMENT AND LEGAL EDUCATION IN THE FOCUS OF HISTORICAL AND LEGAL SCIENCE»

Abstract. The article presents the content of the reports at the IV All-Russian Forum of Legal Historians “Historical Enlightenment and legal education in the focus of historical and legal science” (May 23–24, 2025, University of Tyumen), organized by the Association of Legal Historians. The reports presented during the plenary session are characterized. The key provisions of the speeches devoted to the development of the history of the state and law as a science and an academic discipline are outlined. The main directions of the discussions on historical education and legal education, the role of historical and legal science in the education of young people are shown. The interdisciplinary nature of historical and legal knowledge and its axiological potential are emphasized.

Keywords: historical and legal science; historical enlightenment; legal education; Association of Legal Historians; historiography.

Четвертый Всероссийский форум историков права «Историческое просвещение и юридическое образование в фокусе историко-правовой науки» был организован Ассоциацией историков права и Тюменским государственным университетом. Предыдущие Всероссийские форумы историков права проходили в Санкт-Петербурге и Москве, с каждым разом привлекая все больше участников: историков и теоретиков права, философов, практиков юридической деятельности [1; 4]. В этот раз в Тюмень приехали ученые и преподаватели из восемнадцати регионов России: от Калининграда до Иркутска, от Архангельска до Курска.

Пленарное заседание традиционно открылось приветствиями, с которыми выступили министр науки и высшего образования РФ Валерий Николаевич Фальков, председатель комитета Государственной думы по науке и высшему образованию Сергей Владимирович Кабышев, председатель Совета судей РФ Виктор Викторович Момотов, ректор Тюменского государственного университета Иван Сергеевич Романчук, председатель Тюменской областной думы Фуат Ганеевич Сайфитдинов. Благодарности Тюменской областной думы были вручены руководителям Ассоциации историков права Дмитрию Алексеевичу Пашенцеву и Александре Андреевне Дорской.

Научная часть пленарного заседания открылась докладом представителя Тюменского государственного университета, доктора юридических наук, профессора Олега Юрьевича Винниченко, который описал ситуацию в сфере преподавания историко-правовых дисциплин, на различных примерах обосновал потребность в увеличении количества учебных часов, отводимых на дисциплины историко-теоретического цикла в высших учебных заведениях, обучающих юристов.

В докладе доктора юридических наук, профессора, заслуженного работника высшей школы РФ, председателя президиума Ассоциации историков права Дмитрия Алексеевича Пашенцева были показаны перспективы развития историко-правовой науки в условиях постнеклассической научной рациональности. Докладчик подчеркнул, что история государства и права должна стать междисциплинарной, ей предстоит осваивать и использовать методологический инструментарий философии, социальной и исторической психологии, социологии, других смежных научных дисциплин. По мнению докладчика, историко-правовая наука постепенно становится антропоцентричной, так как именно человек как субъект права выступает главным элементом процесса конструирования правовой и историко-правовой реальности [3]. Историко-правовая наука будущего сместит свои акценты с изучения норм на исследование правового поведения, характерного для ушедших эпох и периодов, детерминированного не только рациональными, но и иррациональными факторами.

Доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ Игорь Андреевич Исаев (МГЮА им. О. Е. Кутафина) в своем докладе охарактеризовал основные этапы, которые прошло в своем развитии юридическое образование, акцентировав при этом внимание на место в нем истории государства и права.

В докладе Александры Андреевны Дорской, доктора юридических наук, профессора, заместителя директора по научной работе Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, заместителя председателя президиума Ассоциации историков права, рассматривалась тема кризисов в историко-правовых исследованиях. На примере XII–XIX вв. было показано, что обращение к истории не раз позволяло юридической науке вырваться из кризиса, в связи с чем сама история государства и права может представлять собой антикризисную программу. Были выделены периоды обращения историков права к кризисной тематике, проанализированы диссертации последних 15 лет. Сделан вывод, что благодаря изучению историками права кризисов в правовой сфере развиваются такие направления исследований, как цикличность государственного и правового развития, новые периодизации истории государства и права России и зарубежных стран, взаимосвязь развития международной и национальных правовых систем, применимость теории социальной травмы к историко-правовому материалу. Выделены антикризисные программы, предлагаемые историками права:

недопустимость отказа от какого-либо правового учения и использование его потенциала в определенных условиях, своевременное восполнение пробелов в праве, отказ от широкого применения государственной властью методов и норм, характерных для чрезвычайных обстоятельств, создание классификаций кризисов государственности и кризисов в правовой сфере, обязательное сочетание управления и самоуправления на местах и т. д.

В докладе доктора юридических наук, профессора Марины Анатольевны Кожевиной (Омская академия МВД России) отмечалось, что история права в отечественном юридическом образовании присутствовала изначально. Однако представления о форме и содержании историко-правовых дисциплин в разные временные отрезки значительно разнятся. В этой связи, по мнению докладчика, возникают вопросы, требующие понимания степени преемственности в дидактике «Истории права», прежде всего в целях, задачах и предметной определенности. Было подчеркнуто, что очевиден факт объективной востребованности в юридическом образовании цикла историко-правовых курсов с широкой тематикой. Являясь фундаментальной основой, они обеспечивают историческое обучение и воспитание будущего юриста. И если первое тесно связано с формированием знаний, умений и навыков, то второе как неотделимая часть образования — с расширением интеллектуального и нравственного диапазона личности. Когда знания общества (в том числе профессионального сообщества) о прошлом имеют системный глубинный характер, то реализация профессиональных задач юриста в сложных, многослойных, порой повышенной конфликтности общественных отношениях, становится более обоснованной, прозрачной, наполняется пониманием всей специфики проявления человеческой идентичности.

Кандидат юридических наук, доцент, декан юридического факультета Курского государственного университета, член президиума Ассоциации историков права Татьяна Николаевна Ильина в своем выступлении «Дискуссионные вопросы историографии историко-правовых исследований: от интерпретации к ревизии» отметила, что историография как научное направление возникает лишь тогда, когда история признается наукой и у ученых появляется потребность в самопознании (на рубеже XVIII–XIX вв.). Историография эволюционирует вместе с историей. Сначала историографию можно представить как историческое описание исторической мысли, а несколько позже — к концу XIX века — появляется задача создать общую картину развития истории, показать смену теорий, взглядов, концепций. По мнению докладчика, настоящее время в развитии гуманитарных наук можно обозначить как эпоху критического пересмотра господствующих нарративов и усиливающегося акцентирования культурных и национальных различий.

Т. Н. Ильина констатировала, что на современном этапе все гуманитарные и общественные науки затронуты прогрессом, который демонстрирует искусственный интеллект, — прогрессом столь быстрым, что науки уже не спасает приверженность к «ретроградному гуманизму». Социальные науки более, чем

в прошлом, стоят перед необходимостью переосмысления своих целей, методов и приоритетов. В докладе были обозначены прогнозируемые направления развития историко-правовой науки: патриотизм в формировании исторического сознания и бережное отношение к историческому прошлому.

Кандидат юридических наук, директор Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева Ярослав Борисович Жолобов представил доклад на тему «Памятные дни и профессиональные праздники как элементы исторического просвещения (на примере дня судебного работника)», а также передал участникам конференции приветственные пожелания Совета судей Российской Федерации.

После пленарного заседания форум продолжился в четырех секциях: «Юридическое образование и просвещение: проблемы и перспективы развития», «Защита исторической памяти и противодействие фальсификации истории (к 80-летию Великой Победы)», «Роль историко-правовой науки в исследовании специфики российской национальной правовой системы», «Вопросы методологии, историографии и источниковедения в историко-правовой науке». Прозвучало почти пятьдесят докладов, в которых были раскрыты важные вопросы развития историко-правового знания.

Большой интерес вызвал доклад доктора юридических наук, профессора Балтийского федерального университета имени И. Канта Светланы Владимировны Лонской на тему «Новая источниковедческая ситуация в историко-правовой науке в условиях цифровизации». По мнению докладчика, цифровизация как процесс распространения соответствующих технологий передачи и хранения информации уже создала новую источниковедческую ситуацию как в исторической, так и в историко-правовой науке. Изменяются представления об историческом источнике и его типологии, что связано с информационно-коммуникативной природой источника: традиционные источники находятся в среде естественного языка, цифровые — это сфера машинного языка, и связь между этими областями происходит через работу с данными. Понимание цифрового объекта цивилистами должно быть принято во внимание и историками права. Изменяется методология источниковедческого исследования, появляются новые методики и техники (анализ данных, транскрибирование и т. п.). Новая методология дает новые возможности, но также появляются и новые вызовы для исследователя: сложности верификации и критики источника, деградация данных и обеспечение их сохранности и кроссплатформенности и др. Понимание новой ситуации позволит историку права уточнять свои исследовательские стратегии.

Доклад доктора исторических наук, профессора Казанского инновационного университета Андрея Валерьевича Скоробогатова «Конструирование исторического мартиролога средствами мемориального законодательства» был посвящен исследованию особенностей экспликации образа исторической личности в российском мемориальном законодательстве. На основе изучения

нормативных правовых актов, регулирующих вопросы сохранения, трансляции, интерпретации и репрезентации памяти о выдающихся фигурах прошлого, сделан вывод, что совокупность таких лиц составляет единый комплекс, для обозначения которого можно использовать термин «исторический мартиролог». Участие государства в создании исторического мартиролога, с одной стороны, соответствует архетипам соборности и этатизма, детерминирующих развитие и функционирование российской правовой реальности, а с другой — позволяет легитимизировать официальный исторический нарратив и обеспечить широкую социальную поддержку политическому курсу, который выражает правовыми средствами традиционную ценностную интенциональность развития и функционирования российской цивилизации. При формировании мартиролога большую роль играют критерии отбора исторических лиц, которые подлежат мемориализации и коммеморации. В качестве таких критериев были выделены значение исторической личности для обеспечения конституционной идентичности и национальной безопасности в исторической перспективе, героическая интенциональность деятельности мемориализуемого лица, общекультурный характер мемориализуемого номинатива.

Также большой интерес и горячие дискуссии вызвали выступления известных ученых, членов Ассоциации историков права Татьяны Федоровны Ящук (Омск), Ирины Викторовны Минникес (Иркутск), Валентина Геннадьевича Левандовского (Москва), Андрея Марксовича Борисова (Курск), Марины Александровны Сосниной (Архангельск), Анжелики Васильевны Гавриловой (Кемерово), Юлии Вячеславовны Гавриловой (Москва) и многих других.

Участники конференции единодушно выразили поддержку той большой просветительской и организационной деятельности, которую проводит Ассоциация историков права [2], призвали ученых и дальше развивать историко-правовую науку в соответствии с самыми высокими современными стандартами.

Список источников

1. Бойченко Л. В., Пашенцева С. В. Обзор III Всероссийского форума историков права «Традиционные ценности, семья и общество в фокусе историко-правовой науки» // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2024. № 4 (56). С. 129–133.
2. Михайлова Н. В. Обзор Всероссийской научной конференции «Историческое и историко-правовое знание как основа конструирования новой социально-политической реальности» // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2024. № 1 (53). С. 110–116.
3. Пашенцев Д. А. Антропологическая парадигма в историко-правовой науке // Российская юстиция. 2023. № 12. С. 27–32.
4. Борисова Н. Е., Корчагина Т. В. История государства и права в условиях перехода к новой научной методологии (обзор II Всероссийского форума историков права, Санкт-Петербург, 9–10 июня 2023 г.) // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2023. № 3 (51). С. 138–145.

References

1. Bojchenko L. V., Pashentseva S. V. Obzor III Vserossijskogo foruma istorikov prava «Tradicionnye cennosti, sem'ja i obshhestvo v fokuse istoriko-pravovoj nauki» // Vestnik MGPU. Serija: Juridicheskie nauki. 2024. № 4 (56). S. 129–133.
2. Mikhailova N. V. Obzor Vserossijskoj nauchnoj konferencii «Istoricheskoe i istoriko-pravovoe znanie kak osnova konstruirovaniya novoj social'no-politicheskoj real'nosti» // Vestnik MGPU. Serija: Juridicheskie nauki. 2024. № 1 (53). S. 110–116.
3. Pashentsev D. A. Antropologicheskaja paradigma v istoriko-pravovoj nauke // Rossijskaja justitsija. 2023. № 12. S. 27–32.
4. Borisova N. E., Korchagina T. V Istorija gosudarstva i prava v uslovijah perehoda k novoj nauchnoj metodologii (obzor II Vserossijskogo foruma istorikov prava, Sankt-Peterburg, 9–10 ijunya 2023 g.) // Vestnik MGPU. Serija: Juridicheskie nauki. 2023. № 3 (51). S. 138–145.

Статья поступила в редакцию: 28.04.2025;
одобрена после рецензирования: 28.05.2025;
принята к публикации: 05.06.2025.

The article was submitted: 28.04.2025;
approved after reviewing: 28.05.2025;
accepted for publication: 06.06.2025.

УДК 34(075.8)

DOI: 10.24412/2076-9113-2025-359-109-113

Е. А. Певцова

Российский государственный университет народного хозяйства
им. В. И. Вернадского,
Москва, Российская Федерация,
mail@rgunh.ru

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:
Пашенцев Д. А. Образовательное право.
М.: ИНФРА-М, 2025. 185 с.**

UDC 34(075.8)

DOI: 10.24412/2076-9113-2025-359-109-113

Е. А. Pevtsova

Vernadsky Russian State University of National Economy,
Moscow, Russian Federation,
mail@rgunh.ru

**BOOK REVIEW:
Pashentsev D. A. Educational Law.
Moscow: INFRA-M, 2025. 185 p.**

Образование представляет собой сферу общественных отношений, крайне важную для развития социума, полноценного существования государства, благополучия каждой личности. Реформы в сфере образования направлены на повышение его качества, совершенствование

системы управления образованием, эффективную реализацию конституционного права на образование [4]. Образование существует и развивается в правовых рамках, поэтому реформирование системы образования сопровождается изменениями в правовом регулировании. Выработка государственной политики по развитию образования должна учитывать тот опыт регулирования образовательных отношений, который накоплен к данному моменту. Поэтому этот опыт нуждается в изучении и осмыслении.

Знание основ образовательного права необходимо не только тем, кто непосредственно работает в данной сфере, хотя и таких людей насчитываются миллионы, но и всем членам общества [5]. Практически у каждого из нас учатся дети, внуки, либо человек сам планирует продолжить обучение, получить недостающие знания или овладеть новой профессией. При этом далеко не во всех высших учебных заведениях преподается курс образовательного права. В такой ситуации востребованность учебной литературы по образовательному праву повышается не только за счет ее использования в профильных магистерских программах и курсах повышения квалификации педагогов, но и благодаря возможности использовать ее в процессе самообразования.

Сложности при изучении образовательного права определяются рядом моментов, один из которых продолжающееся реформирование системы образования, в том числе высшего. Российским вузам предстоит реформировать принятый сегодня формат обучения в связи с отказом от Болонской системы и переходом на новые стандарты высшего образования. На смену бакалавриату и магистратуре приходят высшее образование (срок обучения — от 4 до 6 лет, в зависимости от специальности) и специализированное высшее образование. Развивающаяся экономика заинтересована в выпускниках, которые готовы без дополнительной подготовки приступить к выполнению своих профессиональных обязанностей.

Еще одним важным аспектом представляется цифровизация образования, создание цифровой образовательной среды [1]. Данный процесс также предъявляет новые требования к действующему правовому регулированию, подразумевает более эффективное правоприменение к отношениям в виртуальном пространстве. Эти и иные факторы детерминируют потребность в качественной учебной литературе по образовательному праву, отражающей современные тенденции развития системы образования.

Структура рецензируемого учебника [2] отличается строгой логичностью. Сначала читатель знакомится с общими положениями образовательного права. Он погружается в научную дискуссию о том, какое место образовательное право занимает в системе права и системе законодательства, является ли оно комплексной отраслью, каковы его предмет и метод. На основе этих общих положений раскрываются конкретные вопросы, связанные с регулированием образовательных отношений. В учебнике подчеркивается, что главная задача образовательного права — реализация конституционного права на образование, именно этому должны служить все его нормы [3]. Соответственно,

большое внимание уделяется законодательному регулированию той среды, которая способствует реализации права на образование, созданию доступных условий для его получения.

В каждой стране развитие образования имеет свои традиции, которые продолжают влиять и на законодательство, и на практику его применения. В связи с этим в учебнике Д. А. Пашенцева уделено место историческим аспектам развития образовательного права, рассказывается о первых учебных заведениях в нашей стране, дореволюционных университетах, законодательных актах советского периода в сфере образования.

Структура учебника в значительной мере соответствует структуре Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации». При этом большое внимание уделено и подзаконному регулированию, что вполне справедливо. В российской правовой системе, где закон формально является главным источником права, значительную роль в регулировании общественных отношений играют подзаконные нормативные акты. По некоторым оценкам, их число составляет несколько миллионов и именно нормы данных актов в конечном итоге определяют те нюансы, которые составляют специфику регулирования образовательных отношений. Кроме того, как справедливо отмечает автор учебника, Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» содержит большое количество бланкетных норм, что автоматически влечет за собой принятие большого числа подзаконных актов, без которых реализовать положения закона не представляется возможным.

Важное значение для полноценной реализации права на образование имеет и правоприменительная практика, включая решения Конституционного суда Российской Федерации. Данному вопросу также уделено внимание в учебнике.

Рассматривая вопрос о защите прав и законных интересов всех участников образовательного процесса, автор учебника справедливо ставит его в диалектическом ключе. И обучающиеся, и обучающие имеют как права, так и обязанности, и гармонию образовательных отношений может обеспечить только их взаимный баланс. Немалую роль в достижении такого баланса играет правовое регулирование. В этом ключе справедливо предлагается отказаться от понимания образования как услуги, что автоматически принижает статус педагогов, которые начинают рассматриваться как обслуживающий персонал. Образование — это важная государственная функция, а педагог — лицо, реализующее эту функцию и обладающее соответствующим положением в обществе. Важнейшая задача — повышение престижа профессии педагога, защита прав членов педагогического сообщества. При этом нисколько не умаляются права обучающихся, для реализации их законных интересов создаются соответствующие условия.

Решение вопросов правового положения участников образовательных отношений осуществляется в учебнике с позиций антропологического подхода, на основе принципа гуманизма. Это соответствует современным

представлениям о научной рациональности, гуманистической сущности образования и решаемых им задач.

В учебнике затронуты и проблемные вопросы цифровизации образовательного пространства. Справедливо поставлен вопрос о рациональном и дозированном использовании цифровых инструментов. При своих определенных достоинствах цифровая образовательная среда создает дистанцию между обучающим и обучаемым, существенно снижает силу воспитательного воздействия, осложняет формирование гармонично развитой личности, наделенной высокими моральными качествами. Цифровизация должна выступать не целью образовательных реформ, а средством повышения качества и эффективности образования.

Безусловно, не все вопросы, относящиеся к современному образовательному праву, рассмотрены в учебнике подробно. Образовательная среда в современных условиях отличается высокой динамикой, она быстро меняется, в том числе и в технологическом отношении. Это говорит лишь о том, что необходимо продолжать научные исследования в сфере правового регулирования образовательных отношений, регулярно обновлять и переиздавать учебную литературу.

В целом рецензируемый учебник соответствует высоким стандартам, предъявляемым к современной учебной литературе. Каждая глава направлена на формирование определенных компетенций, предусмотренных федеральным государственным образовательным стандартом, снабжена вопросами для самопроверки, а также перечнем литературы, рекомендуемой для самостоятельного изучения. Учебник «Образовательное право» будет полезен будущим и состоявшимся юристам, работникам сферы образования, он может быть использован при обучении по соответствующим магистерским программам. Поэтому публикацию данного издания можно только приветствовать.

Список источников

1. Емелина Л. А., Яворский С. А. Правовой статус искусственного интеллекта в системе российского образования // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2025. № 1. С. 68–76.
2. Пашенцев Д. А. Образовательное право: учебник. М.: ИНФРА-М, 2025. 185 с.
3. Пашенцев Д. А. Право на образование и проблемы его реализации // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2014. № 2. С. 8–13.
4. Певцова Е. А. Просветительская функция современного государства: вопросы теории и практической реализации // Московский юридический журнал. 2024. № 1. С. 7–19.
5. Певцова Е. А. Роль институтов гражданского общества в обеспечении правовой защиты детей и молодежи // Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики. 2014. № 4. С. 74–79.

References

1. Emelina L. A., Javorskij S. A. Pravovoj status iskusstvennogo intellekta v sisteme rossijskogo obrazovanija // Vestnik MGPU. Serija: Juridicheskie nauki. 2025. № 1. S. 68–76.
2. Pashentsev D. A. Obrazovatel'noe pravo: uchebnik. M.: INFRA-M, 2025. 185 s.
3. Pashentsev D. A. Pravo na obrazovanie i problemy ego realizatsii // Vestnik MGPU. Serija: Juridicheskie nauki. 2014. № 2. S. 8–13.
4. Pevtsova E. A. Prosvetitel'skaja funkcija sovremennogo gosudarstva: voprosy teorii i prakticheskoy realizacii // Moskovskij juridicheskij zhurnal. 2024. № 1. S. 7–19.
5. Pevtsova E. A. Rol' institutov grazhdanskogo obshhestva v obespechenii pravovoj zashhity detej i molodezhi // Fundamental'nye i prikladnye issledovanija kooperativnogo sektora jekonomiki. 2014. № 4. S. 74–79.

Статья поступила в редакцию: 28.04.2025;
одобрена после рецензирования: 28.05.2025;
принята к публикации: 05.06.2025.

The article was submitted: 28.04.2025;
approved after reviewing: 28.05.2025;
accepted for publication: 05.06.2025.

УДК 34

DOI: 10.24412/2076-9113-2025-359-114-117

Т. Н. Ильина

Курский государственный университет,
Курск, Российская Федерация,
ilyina@kursksu.ru

**ЧТО ЗНАЧИТ «ОСТАТЬСЯ В ИСТОРИИ»:
К 80-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ ВЫДАЮЩЕГОСЯ
УЧЕНОГО-ПРАВОВЕДА ИГОРЯ АНДРЕЕВИЧА ИСАЕВА**

UDC 34

DOI: 10.24412/2076-9113-2025-359-114-117

T. N. Ilyina

Kursk State University,
Kursk, Russian Federation,
ilyina@kursksu.ru

**WHAT DOES IT MEAN «TO REMAIN IN HISTORY»:
ON THE 80th ANNIVERSARY OF THE OUTSTANDING
LEGAL SCIENTIST IGOR ANDREEVICH ISAEV**

Доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации Игорь Андреевич Исаев родился 11 июня 1945 года в Москве.

Несмотря на то что сегодня мы знаем Игоря Андреевича как выдающегося ученого-правоведа, эту стезю он выбрал для себя не сразу. Сначала были годы

обучения в техникуме и работа в автотранспортном институте (ныне — НАМИ). Техническое образование впоследствии повлияло на становление личности Игоря Андреевича, отразилось на формировании научных навыков и мировоззренческих установок. Однако, как он признавался позднее, его любимыми предметами в техническом учебном заведении были история и литература, недостаток учебных часов по которым он заменял чтением книг. Любовь к чтению и книге как к основному проводнику знаний проявилась у него с ранних лет. Образование и книги сформировали тот невероятно богатый кругозор, высокий интеллект и эрудицию, которые отличают Игоря Андреевича.

Во Всесоюзный юридический заочный институт (ВЮЗИ, ныне — Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)) Игорь Андреевич попал почти случайно: в юриспруденцию его привело желание получить гуманитарное образование и родной брат, который в то время был студентом ВЮЗИ.

В 1972 году И. А. Исаев защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Государственно-правовое регулирование частного капитала в СССР в 1921–1925 годах». После этого проблематика взаимодействия экономики и права на долгие годы стала одной из основных тем научного осмысления ученого. Результатом многолетних исследований стала подготовка и защита докторской диссертации в 1987 году по теме: «Правовые формы хозяйственного строительства в многоукладной экономике СССР 1920-х годов: историко-теоретическое исследование».

В 1974–1975 годах И. А. Исаев проходил стажировку на юридическом факультете Карлова университета в Праге. Тогда же благодаря найденным материалам формируется еще одна сфера научного интереса ученого — евразийство. Работа с фондами Русского заграничного архива позволила И. А. Исаеву, одному из первых в СССР, сделать ряд публикаций по истории евразийства и русской юридической науки за рубежом. Евразийские идеи «правлящего отбора», «демотической государственности», «идеи-правительницы» были обобщены и актуализированы ученым. Подход Игоря Андреевича к этой проблематике предполагал сочетание национальной традиции и современного научного подхода. Проблема евразийства давала основание для выработки уникальной геополитической концепции, учитывающей особое положение и влияние России в мире. Евразийский поворот, который делает наша страна сегодня, актуализирует идеи и концепции, которые были разработаны еще в 1920-е годы представителями русского зарубежья и резюмированы Игорем Андреевичем.

В середине 1990-х годов И. А. Исаев обращается к проблеме взаимоотношений власти и закона в широком историческом и культурном контексте. С этого периода начинается разработка сложной темы — онтологии права. Право для него прежде всего «дух», а не «буква», это не набор кодифицированных норм, а субстанция намного шире, динамичнее и многообразнее. В своих работах автор пытается выявить иные основания права, его онтологическую сущность и исторические формы бытия.

Сегодня И. А. Исаев является автором более 450 статей и 27 монографий и учебников.

Начиная с 1972 года и по сей день И. А. Исаев работает в ВЮЗИ – МЮИ – МГЮА, где занимает должности декана, проректора, заведующего кафедрой. Кафедрой истории государства и права Игорь Андреевич руководит с 1990 года. Заслуга ученого как заведующего кафедрой истории государства и права состоит в формировании и развитии историко-правовой научной школы не только в МГЮА, но и в организации подобных центров в Москве, Санкт-Петербурге, Белгороде, Великом Новгороде, Краснодаре, Курске, Махачкале.

Игорь Андреевич любит повторять, что история права — это открытая наука, которая способна привлекать и использовать научный инструментарий других смежных наук, а также готова к новым изменениям и трансформациям.

Игорь Андреевич — автор одного из самых популярных среди студенческой аудитории учебника по истории государства и права, пережившего огромное число переизданий.

За более чем полувековой период активной научной и педагогической деятельности под его руководством было защищено 28 докторских и 46 кандидатских диссертаций. Около сотни ученых могут назвать Игоря Андреевича своим наставником. Им представилась уникальная возможность учиться у ученого, за плечами которого долгий путь, уникальный опыт и свой взгляд на прошлое и будущее. Его стиль работы с аспирантами и докторантами отличает мастерская способность увлечь темой, методичное погружение в проблематику, отсутствие строгих дидактических форм и методов. Порой простого разговора с Игорем Андреевичем бывает достаточно, чтобы оформились мысли и определились направления исследования. Такой подход позволил его ученикам преуспеть в самых различных сферах общественной деятельности.

В этом году Игорь Андреевич отмечает 80-летний юбилей. Его долгая жизнь и научная деятельность сами по себе представляют богатый эмпирический материал. Его уникальная способность видеть проблему, представить ее глубокое научное осмысление позволили ему быть в истории, творить историю и навсегда остаться в истории. Его труды не теряют актуальности в условиях разных общественно-политических формаций и геополитических реалий.

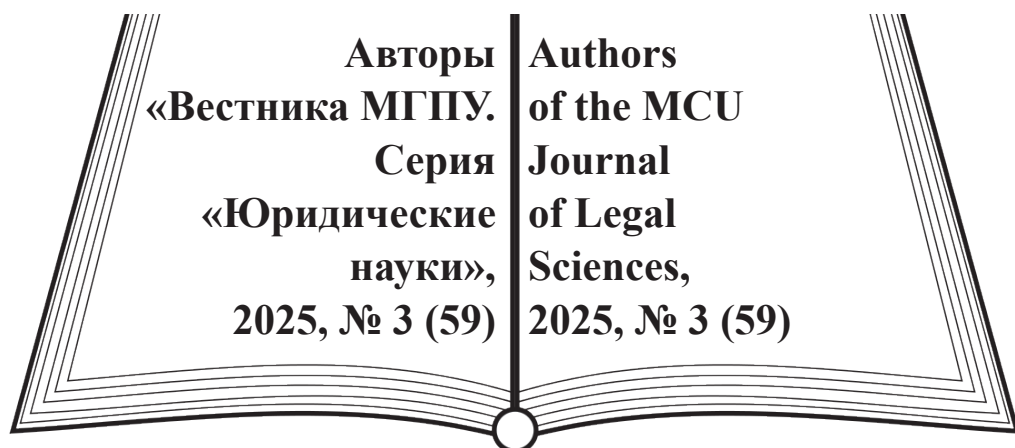
80 лет жизни — колоссальный срок, который не только и не столько следует измерять устоявшимися единицами времени, сколько наследием дел, совершенными за этот отрезок. У большого таланта всегда особый, неповторимый стиль мышления. Игорь Андреевич Исаев относится к людям, не просто творящим в представленных обстоятельствах, но формирующим целую научную эпоху, — мыслящий фундаментально и точно, излагающий свои идеи тонко и убедительно, методично кристаллизующий новое знание. Острота внутреннего зрения, неограниченная ширина кругозора, удивительная профессиональная интуиция делает его не просто ученым, но больше — творцом сегодняшнего и креатором завтрашнего дня.

Время не властелин и не враг. Оно, скорее, полотно, на котором Игорь Андреевич со свойственным ему размахом продолжает оставлять яркий след, заметный всем нам — верным коллегам и преданным ученикам.

Надеемся, что Ваши труды еще долго будут служить ориентиром для специалистов самых разных областей, и выражаем надежду на новые, неожиданные открытия. Крепкой Вам руки, свежих мыслей и меткого пера. Еще слишком рано ставить точку. И продолжает длиться век. Ваш век!

Статья поступила в редакцию: 28.04.2025;
одобрена после рецензирования: 28.05.2025;
принята к публикации: 05.06.2025.

The article was submitted: 28.04.2025;
approved after reviewing: 28.05.2025;
accepted for publication: 05.06.2025.

Авторы **Authors**
«Вестника МГПУ. **of the MCU**
Серия **Journal**
«Юридические **of Legal**
науки», **Sciences,**
2025, № 3 (59) **2025, № 3 (59)**

Абаканова Вероника Анатольевна — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

Abakanova Veronica Anatolyevna — PhD in Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law Northwestern Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation.

E-mail: vabakanova07@yandex.ru

Горохов Дмитрий Борисович — кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник отдела экологического и аграрного законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.

Gorokhov Dmitry Borisovich — PhD in Law, Leading Research, Department of Environmental and Agricultural Legislation of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation.

E-mail: julia7709@yandex.ru

Ефимова Ольга Владимировна — кандидат юридических наук, доцент, доцент департамента права Института экономики, управления и права Московского городского педагогического университета.

Efimova Olga Vladimirovna — PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Law of the Institute of Economics, Management and Law of the Moscow City University.

E-mail: efimovaov@mgpu.ru

Ильина Татьяна Николаевна — кандидат юридических наук, доцент, декан юридического факультета Курского государственного университета.

Ilyina Tatyana Nikolaevna — PhD in Law, Associate Professor, Dean of the Faculty of Law of the Kursk State University.

E-mail: ilyina@kursksu.ru

Исмаилов Ровшан Рагим оглы — кандидат юридических наук, судья, Конституционный суд Республики Азербайджан.

Ismayilov Rovshan Rahim ogly — PhD in Law, judge Constitutional Court of the Republic of Azerbaijan.

E-mail: rovshan_ismayilov@constcourt.gov.az

Лановая Галина Михайловна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.

Lanovaya Galina Mikhailovna — Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Theory of State and Law of the Kikot Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia.

E-mail: lanovaya-galina@mail.ru

Метшин Илсур Раисович — кандидат юридических наук, глава администрации города Казани.

Metshin Ilsur Raisovich — PhD in Law, Head of the Kazan City Administration.

E-mail: gorduma.kazan@tatar.ru

Михайлова Наталья Владимировна — доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, профессор кафедры истории государства и права Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.

Mikhailova Natalia Vladimirovna — Doctor of Law, Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Professor of the Department of History of State and Law of the Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

E-mail: net-46@mail.ru

Матчанова Зоя Шарифовна — кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена.

Matchanova Zoya Sharifovna — PhD in Law, Docent of the Department of International Law of the Herzen State Pedagogical University of Russia.

E-mail: zoya2310@yandex.ru

Певцова Елена Александровна — доктор юридических наук, доктор педагогических наук, профессор, ректор Российского государственного университета народного хозяйства имени В. И. Вернадского.

Pevtsova Elena Aleksandrovna — Doctor of Law, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Rector of the Vernadsky Russian State University of National Economy.

E-mail: mail@rgunh.ru

Полтавец Елена Михайловна — аспирант Института экономики, управления и права Московского городского педагогического университета.

Poltavets Elena Mikhailovna — Postgraduate student of the Institute of Economics, Management and Law of the Moscow City University.

E-mail: poltavetsem@mgpu.ru

Почекаев Роман Юлианович — доктор исторических наук, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории права и государства Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Pochekayev Roman Yulianovich — Doctor of Sciences (History), PhD in Law, Associate Professor, Head of the Department of Theory and History of Law and State HSE University.

E-mail: rpochekaev@hse.ru

Степанов Михаил Михайлович — кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.

Stepanov Mikhail Mikhailovich — PhD in Law, Associate Professor, Leading Researcher, Department of Theory of Law and Interdisciplinary Research of Legislation of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation.

E-mail: stepanovtao@mail.ru

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Редакция просит авторов при подготовке материалов, предназначенных для публикации в «Вестнике МГПУ. Серия “Юридические науки”», руководствоваться требованиями к оформлению научной литературы:

1. Используемый шрифт — Times New Roman, кегль — 14, межстрочный интервал — 1,5, поля: верхнее, нижнее и левое — по 20 мм, правое — 10 мм. При использовании латинского или греческого алфавита обозначения набираются: латинскими буквами — в светлом курсивном начертании; греческими буквами — в светлом прямом. Рисунки должны выполняться в графических редакторах. Графики, схемы, таблицы нельзя сканировать.

2. Содержание статьи должно отражать следующие обязательные структурные элементы:

- введение (постановка проблемы, определение цели и задач исследования, актуальность, новизна и значимость);
- анализ существующих подходов к решению поставленной проблемы, степень научной разработанности;
- исследовательская часть (включая доказательную базу и научную аргументацию);
- результаты исследования;
- библиография.

3. В публикации должны быть приведены все источники финансирования исследований, включая прямую и косвенную финансовую поддержку.

4. Объем статьи, включая список литературы, постраничные сноски и иллюстрации, не должен превышать 40 тыс. печатных знаков (1,0 а. л.).

5. В начале статьи должна быть представлена следующая информация:

- классификационные индексы Универсальной десятичной классификации — УДК (выравнивание по левому краю);
- инициалы и фамилия автора (полужирный шрифт, выравнивание по левому краю);
- сведения об авторе (выравнивание по левому краю);
- заголовок (полужирный шрифт, выравнивание по центру);
- аннотация к статье (объем не менее 100 слов, оформление по образцу);
- ключевые слова (5–7 слов и словосочетаний, разделенных точкой с запятой).

• благодарности (при необходимости) организациям (учреждениям), научным руководителям и другим лицам, оказавшим помощь в подготовке статьи, сведения о грантах, финансировании подготовки и публикации статьи, проектах, научно-исследовательских работах, в рамках или по результатам которых опубликована статья.

Требования к аннотации: объем не менее 100 слов (100–120 слов). Из содержания аннотации должно быть возможно получить целостное представление о статье, ее методологии и теоретической значимости.

Структура аннотации: цель статьи, методология, основные результаты, теоретическая значимость.

Ключевые слова: 5–7 ключевых слов или словосочетаний в единственном числе и именительном падеже, разделенных точкой с запятой.

6. Статья снабжается пристатейным списком литературы, составленным в алфавитном порядке на русском языке и транслитерированным, оформленным в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка».

Примеры оформления:

Иванов А. А. Психология. 2-е изд. СПб.: Наука, 2001. 530 с.

Набоков В. Собр. соч.: в 4 т. / отв. ред. и сост. В. В. Ерофеев. М.: Правда, 1990. Т. 1. 414 с.

Викулова Л. Г., Троепольская Ю. Б. Туристический каталог в публичном медийном пространстве // Человек в информационном пространстве: сб. науч. тр. Ярославль: ЯГПУ, 2016. С. 80–87.

Плотникова С. Н. Дискурсивные технологии и их роль в конструировании социального мира // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия «Право». 2015. № 3 (714). С. 72–83.

Курбанова М. Г. Эргонимы современного русского языка: семантика и прагматика: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Волгоград, 2015. 23 с.

7. Ссылки на литературу из пристатейного списка приводятся в тексте в квадратных скобках, например: [3, с. 57] или [6, т. 1, кн. 2, с. 89].

Ссылки на интернет-ресурсы, архивные документы и нормативные источники помещаются в тексте в круглых скобках или подстраничной сноской по образцам, приведенным в ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка».

Пример оформления:

Члиянц Г. Создание телевидения // QRZ.RU: сервер радиолюбителей России. 2004. URL: <http://www.qrz.ru/articles/article260.html> (дата обращения: 21.02.2006).

8. В материалах может быть использована подстрочная ссылка для выражения авторской позиции и (или) авторского комментария на фрагмент текста. Подстрочной ссылкой оформляются также используемые нормативные правовые акты с указанием данных о доступе. Оформление подстраничных сносок и примечаний в статье должно быть единообразным, нумерация сквозная.

9. В начале статьи (после аннотации на русском языке) приводятся на английском языке сведения об авторе, название статьи, аннотация и ключевые слова.

10. Рукопись статьи подается в редакцию журнала в электронной форме по адресу: pashencevda@mgpu.ru (в формате doc, docx).

11. К рукописи прилагаются отдельным файлом сведения об авторе (Ф. И. О., ученая степень, звание, должность, место работы, электронный адрес для контактов) на русском и английском языках.

12. На первичное рассмотрение рукописи на предмет ее соответствия тематике издания и требованиям к оформлению отводится 14 дней. В случае несоблюдения какого-либо из настоящих требований автор по требованию главного или ответственного редактора обязан внести необходимые изменения в рукопись в пределах срока, установленного для ее доработки. Редакция не вступает в полемику с автором в случае его несогласия с принятым решением.

13. Журнал публикует только оригинальные работы, соответствующие требованиям журнала по соблюдению этики научных публикаций.

14. Все статьи, предназначенные для публикации в «Вестнике МГПУ. Серия «Юридические науки»», проходят процедуру рецензирования и утверждения редакционной коллегией журнала и редакционным советом Института права и управления МГПУ.

15. Подача статьи в редакцию журнала означает согласие авторов с изложенными правилами и согласие на размещение полной версии статьи в сети Интернет на официальном сайте научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU, на сайте МГПУ (раздел «Наука») в свободном доступе, с использованием представленных личных данных в открытой печати.

16. Публикация в журнале для авторов бесплатна. Редакция не взимает плату с авторов за подготовку, размещение и печать материалов.

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ

УДК 340.13

Д. Д. Пашенцева

Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве РФ, Москва, Российская Федерация
...a@yandex.ru

Нормотворческие полномочия органов городского общественного управления Российской империи после реформы 1870 г.

Аннотация. В статье поставлена задача проанализировать природу актов, принимавшихся органами городского общественного управления Российской империи после городской реформы 1870 года. Используются формально-юридический и исторический методы. На основе норм Городового положения 1870 года выявлены особенности этих актов, влиявшие на их место в системе права Российской империи. Проведено разграничение нормативных и ненормативных актов, принимавшихся городскими думами. Выявлена взаимосвязь данных актов с полномочиями органов городского общественного управления, а также с разграничением функций городских дум и городских управ. Сделан вывод, что полномочия городских дум по изданию как нормативных, так и ненормативных актов вытекали из функций и обязанностей, непосредственно закрепленных в Городовом положении 1870 года, а также из модели их взаимодействия с городскими управами и правительством.

Ключевые слова: городское общественное управление; Российская империя; городская дума; Городовое положение; нормативный акт.

Научный журнал / Scientific Journal

Вестник МГПУ.

Серия «Юридические науки»

MCU Journal of Legal Sciences

2025, № 3 (59)

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации:
ПИ № ФС77-82091 от 12 октября 2021 г.

Главный редактор:

доктор юридических наук, профессор *Д. А. Пашенцев*

Главный редактор выпуска:

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

Т. П. Веденеева

Редактор:

Т. Е. Михайлова

Корректоры:

К. М. Музамилова, С. И. Шостко

Перевод на английский язык:

М. В. Лебедева

Техническое редактирование и верстка:

Г. П. Васильева, О. Г. Арефьева

Научно-информационный издательский центр МГПУ

129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4.

Телефон: 8-499-181-50-36.

https://www.mgpu.ru/centers/izdat_centre/

Подписано в печать: 14.11.2025 г.

Формат: 70 × 108 1/16. Бумага: офсетная.

Объем: 7,75 печ. л. Тираж: 1000 экз.